

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1
1 9 7 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

1

1973

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Н. Андрюшин.</i> Димитр Благоев о диктатуре пролетариата	3
<i>Э. Г. Лаврик.</i> Борьба Коммунистической партии Словакии за создание единого союза словацких крестьян. 1945—1947 гг.	16
<i>Витольд Якубчик</i> (ПНР). Прусская колонизация польских земель и ее вдохновители (1886—1918 годы)	29
<i>Л. В. Заборовский.</i> Русская дипломатия и начало Первой северной войны (январь — октябрь 1655 г.)	40
<i>Л. А. Лелеков.</i> К реконструкции раннеславянской мифологической системы	52
<i>П. А. Дмитриев.</i> Выделительные и распространительные определительные придаточные в славянских языках	60

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Ф. А. Молок.</i> Переписка чехословацких литераторов с Союзом советских писателей в конце 30-х годов	68
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>М. М. Фрейденберг.</i> Средневековый город в хорватской исторической литературе (1960—1970)	73
<i>Г. Матеев.</i> Z. Landau, J. Tomaszewski. Zarys Historii Gospodarczej Polski 1918—1939	81
<i>Р. Гришина.</i> В. Д. Вознесенски. Цар Борис, Хитлер и легионеры	83

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Л. Н. Большаков.</i> Г. С. Сапаргалиев, В. А. Дьяков. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане . . .	84
<i>Е. З. Цыбенко.</i> Новое исследование о польско-русских литературных взаимосвязях в XIX веке . . .	85
<i>С. Б. Бернштейн.</i> Fran Ramovš. Zbrano delo. Prva knjiga . . .	88
<i>Б. Ю. Норман.</i> В. П. Проничев. Синтаксис обращения (на материале русского и сербохорватского языков) . . .	89

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1972 г. (продолжение) . . .	90
Содержание иностранных журналов . . .	101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. Змиднев.</i> «Изучение славянских культур» — новый Проект ЮНЕСКО . . .	105
<i>Л. А. Гиндин.</i> О работе межинститутского Балканского семинара . . .	107
<i>Л. Б. Валев.</i> Конференция по проблемам болгарской историографии . . .	107
<i>В. М. Мокиенко.</i> Защита докторской диссертации в Ленинградском университете . . .	109
<i>Г. Еремеева.</i> В Институте славяноведения и балканистики АН СССР . . .	110

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. П. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВНИ, Б. Ф. СТАХЕЕВ, (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30 а. Телефон 290-27-40

Е. Н. АНДРЮШИН

ДИМИТР БЛАГОЕВ О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Учение о диктатуре пролетариата занимает в теории научного коммунизма центральное место. В. И. Ленин указывал, что положение Маркса о пролетарской диктатуре служит тем оселком, на котором надо испытывать действительное понимание и признание марксизма¹. «Марксист лишь тот, — подчеркивал он, — кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата»². Указанный В. И. Лениным критерий подлинной верности учению Маркса с полным правом можно отнести к выдающемуся пропагандисту революционного марксизма, основателю и вождю Болгарской коммунистической партии Димитру Благоеву. В международно-социал-демократии периода деятельности II Интернационала Д. Благоев был одним из тех немногих теоретиков, кто правильно оценил глубокий смысл этого важнейшего принципа, неустанно пропагандировал его и защищал от нападков буржуазных и мелкобуржуазных идеологов. В условиях современной идеологической борьбы, характеризующейся, как подчеркивалось на XXIV съезде КПСС, усилением наскоков буржуазной пропаганды на основополагающие принципы марксизма-ленинизма³, изучение восприятия Д. Благоевым марксистско-ленинских идей о диктатуре пролетариата имеет большое научно-теоретическое, практическое и воспитательное значение.

В исторической литературе этот вопрос раскрыт недостаточно полно. Особенно важной научной задачей представляется выяснение влияния Октябрьской революции на развитие взглядов Д. Благоева на проблемы диктатуры пролетариата. Интерес к этой теме велик, о нем свидетельствуют попытки многих авторов отразить ее в своих произведениях⁴, хотя ни в болгарской, ни в советской литературе нет специальных работ,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 34.

² В. И. Ленин. Там же.

³ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 90—91.

⁴ См. Р. Караколов. Д. Благоев за държавата, революцията и диктатурата на пролетариата. В сб. «Въпроси на марксистската теория в трудовете на Димитър Благоев», София, 1955; И. Н. Попов. Възгледите на тесните социалисти по някои въпроси на социалната революция. «Известия на Института по история на БКП», София, 1965, т. 13; С. т. Димитрова. Борбата на БКП против широкосоциалистическата ревизия на марксистското учение за диктатурата на пролетариата. «Исторически преглед», София, 1965, кн. 6; е е ж е. В. И. Ленин и борбата на БКП против ревизионистските теории за диктатурата на пролетариата. «Партиен живот», София, 1969, кн. 5; В. И. Владимирска-Я. Борба Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) против империалистической войны (1914—1918). «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. 14, М., 1956; А. М. Шнитман. Из истории интернациональных связей В. И. Ленина с революционным рабочим движением в Болгарии (1896—1923 гг.), Мурманск, 1967; е го ж е. Димитър Благоев за Ленин и ленинизма. «Исторически преглед», София, 1970, кн. 1—2.

посвященных поставленному нами вопросу. Следует отметить, что исследователи, показывая влияние идей Маркса, Энгельса, Ленина на развитие марксистских взглядов Димитра Благоева, как правило, оставляют без внимания роль революционной практики в формировании мировоззрения Благоева. Такой подход не дает возможности в полной мере выявить творческий характер восприятия Димитром Благоевым идей основоположников марксизма-ленинизма о диктатуре пролетариата. В предлагаемой нами статье делается попытка раскрыть не только значение трудов Маркса, Энгельса, Ленина, но и роль практики революционного рабочего движения, и прежде всего опыта Октябрьской революции, в восприятии Димитром Благоевым марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата.

Термин «диктатура пролетариата» в произведениях Д. Благоева, написанных до 1899 г., не встречается. Тем не менее некоторые вопросы, непосредственно связанные с учением о диктатуре пролетариата, — вопрос о необходимости завоевания пролетариатом политической власти с целью построения социализма, о путях и формах захвата власти, о перспективах развития государства — рассматриваются им с начала 90-х годов, занимают в его работах одно из центральных мест. Опираясь на марксистскую теорию, Д. Благоев неоднократно подчеркивал, что классовая борьба есть борьба политическая, борьба за государственную власть. Завоевание власти пролетариатом является не самоцелью, а лишь важнейшим и решающим условием осуществления социализма. Еще в 1891 г. в работе «Что такое социализм и имеет ли он почву в Болгарии?» Д. Благоев отмечал, что пролетариат, его политическая партия стремятся вырвать государственную власть из рук буржуазии с тем, чтобы с помощью этой власти превратить частную собственность в общественную⁵. «Наш великий учитель Карл Маркс говорил, что экономической экспроприации экспроприаторов должна предшествовать их политическая экспроприация со стороны рабочего класса, — отмечал он в 1894 г. — Это означает, что освобождение пролетариата от экономического рабства невозможно, пока он не вырвет политическую силу, власть из рук класса капиталистов»⁶. В развитии болгарской революционной мысли постановка вопроса о роли и значении завоевания пролетариатом государственной власти и попытка выяснить этот вопрос были большим достижением.

Необходимо, однако, иметь в виду, что в тот период Д. Благоев еще не до конца избавился от ошибочных представлений. Впоследствии он сам признавал это⁷. Анализ его работ, написанных в 90-е годы прошлого века, показывает, что автор недостаточно четко представлял себе суть социализма и пути его осуществления, не вполне ясно сознавал необходимость разрушения буржуазной государственной машины и создания нового, пролетарского государства⁸. Благоев полагал, что пролетариат непосредственно после захвата политической власти провозгласит социализм с трибуны Народного собрания. Когда рабочий класс вырвет власть из рук буржуазии, заявлял он в 1892 г., тогда «законом Народного собрания будут ликвидированы нынешние порядки и будут объявлены общей или общественной собственностью земля, фабрики, машины, рудники, леса

⁵ Д. Б л а г о е в. С ъ ч., т. 1, стр. 476.

⁶ Там же, т. 3, стр. 115.

⁷ Там же, т. 11, стр. 140.

⁸ Работа К. Маркса «Гражданская война во Франции», где четко сформулирован вывод о необходимости слома старой буржуазной государственной машины и замены ее новой, пролетарской, была переведена Д. Благоевым на болгарский язык вместе с известным введением Ф. Энгельса к третьему немецкому изданию труда К. Маркса. В 1894 г. эта работа в переводе Д. Благоева вышла в свет. (Д. Б л а г о е в. С ъ ч. т. 19, стр. 477. Примечание 160.)

и все остальное... Коротче говоря, тогда будет провозглашен социалистический строй, за который борются социал-демократы»⁹. Такое понимание путей построения социализма порождало неверное представление о перспективах развития государства. Д. Благоев полностью соглашался с положением Ф. Энгельса об отмирании государства¹⁰; однако, толковал его в том смысле, будто государство станет ненужным на другой же день после провозглашения социализма¹¹. Поэтому Д. Благоев выдвинул тогда ошибочное положение о «децентрализации государства и преобразовании его в федеративный союз производственных общин»¹².

А отсюда — и не совсем ясное понимание им принципиального различия отношения социал-демократов и анархистов к государству. Отличие марксизма от анархизма здесь Д. Благоев видел главным образом в методах борьбы за власть: по его мнению, социал-демократы стремятся овладеть властью постепенно и таким образом создать условия для отмирания государства, анархисты же хотят ликвидировать государство сразу¹³, социал-демократы добиваются власти «законными средствами», через парламент и всеобщее избирательное право, тогда как анархисты борются с буржуазным государством путем заговоров и «бунтов»¹⁴. Д. Благоев в то время не смог дать глубокой марксистской критики анархистского тезиса об «отмене государства», поскольку для него самого тогда вопрос о необходимости государства диктатуры пролетариата не был еще достаточно ясен.

Подчеркивая классовый характер государства, Димитр Благоев неоднократно писал, что буржуазное государство есть машина, орудие в руках класса капиталистов, организованная сила, которая служит только интересам эксплуататоров¹⁵. Вместе с тем он считал, что болгарское буржуазное государство, отождествляемое им с Народным собранием, может облегчить участь рабочих, защитить их от произвола капиталистов¹⁶. В этой связи становится очевидной и переоценка Д. Благоевым буржуазного парламентаризма, парламентских средств борьбы за власть. Овладение политической властью с помощью всеобщего избирательного права — такова, по его мнению, великая задача пролетариата¹⁷. При всем увлечении парламентаризмом Д. Благоеву, однако, был чужд парламентский кретинизм. Социал-демократия, как он заявлял не раз, вступает в избирательную борьбу не ради депутатских мандатов, а для того, чтобы в Народном собрании защищать интересы рабочего класса и разоблачать антинародную политику буржуазии¹⁸. Д. Благоев не абсолютизировал мирных путей овладения властью, а просто считал их самыми эффективными для того момента. Он допускал также, что в случае если буржуазия

⁹ Там же, т. 2, стр. 336—337, 412; т. 3, стр. 58.

¹⁰ Там же, т. 1, стр. 476—478. Ср. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 224—225.

¹¹ Д. Благоев. Съч., т. 1, стр. 476.

¹² Там же, стр. 527; т. 20, стр. 45—46. Положение о децентрализации государства содержалось в первой партийной программе, принятой в 1891 г. на Бузлуджанском съезде БРСДП. Два года спустя в новой программе, выработанной при участии Д. Благоева и утвержденной Тырновским съездом в июле 1893 г., положение о децентрализации государства было исключено, как не соответствующее принципам научного социализма (См. «История на БКП», София, 1969, стр. 58—59).

¹³ Д. Благоев. Съч., т. 1, стр. 478, 530; т. 2, стр. 364, 460; т. 3, стр. 127.

¹⁴ Там же, т. 2, стр. 23, 77, 331, 412; т. 3, стр. 58; т. 20, стр. 53—54.

¹⁵ Там же, т. 2, стр. 200, 398, 400, 510, 515; т. 3, стр. 180—181, 266, 338, 450; т. 4, стр. 143.

¹⁶ Там же, т. 2, стр. 54, 67, 400, 460—461; т. 3, стр. 59—60, 73, 231.

¹⁷ Там же, стр. 302, 309, 492; т. 3, стр. 116.

¹⁸ Там же, т. 2, стр. 521—522; т. 3, стр. 155, 179, 183; т. 5, стр. 520.

не захочет уступить власти мирным путем, пролетариат может и должен прибегнуть к вооруженному восстанию¹⁹.

Некоторые теоретические колебания Д. Благоева по вопросам диктатуры пролетариата объясняются и той конкретно-исторической обстановкой, в которой он жил и работал. К началу 90-х годов капитализм в Болгарии, как известно, только начинал пробивать себе путь, рабочее движение находилось на начальной стадии развития. В этих условиях трудно было конкретными фактами обосновать необходимость диктатуры пролетариата. Только десять лет спустя, когда вырос количественно и окреп организационно рабочий класс Болгарии, когда БРСДП начала превращаться в действительно пролетарскую партию и стала практически руководить рабочим движением, появилась необходимость теоретического обоснования вопроса о диктатуре пролетариата. Впервые эта проблема возникла перед Д. Благоевым в связи с необходимостью дать отпор междонародному ревизионизму в лице Э. Бернштейна²⁰.

В статье «Марксизм или бернштейнианство?», опубликованной в 1901 г., Д. Благоев, подвергнув острой критике попытку Бернштейна извратить учение Маркса, выступил в защиту одного из важнейших принципов марксизма — диктатуры пролетариата²¹. Он подчеркивал, что «классовая борьба необходимо найдет свое разрешение в социальном перевороте и в диктатуре революционного класса»²².

В развитии взглядов Д. Благоева на диктатуру пролетариата это было значительным шагом вперед.

Признание диктатуры пролетариата и непримиримой классовой борьбы в этот период Д. Благоев выдвигал в качестве главной платформы, которая должна была стать основой для объединения в Болгарии истинных, революционных марксистов. В критический период развития БРСДП, когда возникла опасность растворения ее в мелкобуржуазной среде «широкими социалистами», Д. Благоев со всей решительностью и твердостью выступил за очищение партии от оппортунистов. Во главу угла при размежевании с «широкими социалистами» ставилось признание диктатуры пролетариата. *«Завоевание политической власти организованным рабочим классом, диктатура пролетариата, — писал он в 1904 г., — вот формула, которая объединяет ныне рабочие социал-демократические партии во всем мире и которая резко отличает нынешний пролетарский социализм от мелкобуржуазного и других видов социализма»*²³. Суть идейных разногласий революционных марксистов с оппортунистами и реформистами Д. Благоев видел в отношении их к классовой борьбе и диктатуре пролетариата. *«Социал-реформисты являются буржуазными господами, которые ставят своей целью отвлечение пролетариата от классовой борьбы, то есть от борьбы социал-демократической партии за овладение политической властью и установление диктатуры пролетариата»*²⁴. С начала 900-х годов Д. Благоев прямо и неоднократно указывает на диктатуру пролетариата как на решающее условие и важнейшее средство осуществле-

¹⁹ Д. Благоев, Сѣч., т. 2, стр. 78, 364, 416—417, 493—494; т. 3, стр. 128.

²⁰ Книга Э. Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», в которой ревизовалось учение Маркса о диктатуре пролетариата, вышла в свет в 1899 г. На болгарском языке она была издана в 1901 г.

²¹ Впервые термин «диктатура пролетариата» встречается в работе Д. Благоева при цитировании рецензируемой им книжки К. Каутского «Парламентаризм, народное законодательство и социал-демократия». Рецензия была опубликована в журнале «Ново време» в июне 1899 г. (Д. Благоев, Сѣч., т. 5, стр. 415).

²² Там же, т. 7, стр. 119.

²³ Там же, т. 9, стр. 290.

²⁴ Там же, т. 10, стр. 495.

ния социализма²⁵. Понимание необходимости диктатуры пролетариата для утверждения социалистического строя отличало Д. Благоева от вождей II Интернационала. Это понимание явилось основой для его сближения с большевиками, с В. И. Лениным; оно помогло ему и БРСДП (т. с.) в трудные годы империалистической войны устоять на позициях революционного марксизма и пролетарского интернационализма.

В предоктябрьский период Д. Благоев смело и решительно продолжал разоблачать классовую сущность буржуазного государства и буржуазной демократии, вскрывал грабительский характер буржуазной государственной машины. В сравнении с работами 90-х годов формулировки его становятся более точными, четко прослеживается классовый подход к государству. «Современное государство, — отмечал он в 1906 г., — есть организация господства класса буржуазии над другими классами... Современная государственная власть — это комитет, который управляет общими делами всего буржуазного класса»²⁶. В отличие от вождей II Интернационала Д. Благоев не допускал мысли о том, что пролетариат может воспользоваться в своих целях старой, буржуазной государственной машиной. В его произведениях дооктябрьского периода есть прямые указания на необходимость ликвидации буржуазного государства²⁷. Но поскольку Д. Благоев в определенной мере отождествлял тогда болгарское буржуазное государство с Народным собранием, с представительными учреждениями, в предоктябрьский период он не смог дать ясного и четкого ответа на вопрос: как и чем заменить старую военно-бюрократическую машину с ее аппаратом насилия — армией, тюрьмами, жандармерией и т. д. Сложившаяся после освобождения страны от турецкого ига политическая система в Болгарии с довольно развитым буржуазным парламентаризмом не давала достаточно материала для уяснения вывода Маркса о «разбитии» военно-бюрократической государственной машины и о замене ее новым, пролетарским государством. По мнению Д. Благоева, таким «чисто рабочим государством» могло стать и Народное собрание при социал-демократическом большинстве²⁸.

Социально-политическая обстановка в Болгарии, наличие представительных учреждений, таким образом, создавали у Д. Благоева иллюзию о возможности установления диктатуры пролетариата через Народное собрание²⁹. «В демократических странах, т. е. в странах с всеобщим избирательным правом, — писал Д. Благоев в начале 1914 г. — одним из проявлений непримиримой классовой борьбы является избирательная борьба, борьба за овладение политической властью, которая находит свое высшее выражение в парламенте, в Народном собрании. Когда социал-демократия явится в него со своим рабочим революционным большинством, тогда наступит конец буржуазному господству, конец тому организованному насилию и грабежу, которое носит название „государство“»³⁰. При этом Д. Благоев делал существенное уточнение, в корне отличавшее его позицию от позиции, господствовавшей во II Интернационале: «Разумеется, овладение Народным собранием еще не означает овладения властью. Овладение Народным собранием означает начало социаль-

²⁵ Там же, т. 9, стр. 364, 406; т. 10, стр. 29, 181—182, 294—295; т. 12, стр. 58; т. 14, стр. 290, 431; т. 16, стр. 186, 439.

²⁶ Там же, т. 10, стр. 330; т. 14, стр. 294; см. также т. 7, стр. 326—327, 597; т. 8, стр. 62, 126, 561; т. 9, стр. 447—448; т. 10, стр. 324, 334, т. 12, стр. 103, 108; т. 13, стр. 381; т. 14, стр. 109; т. 15, стр. 90; т. 16, стр. 216.

²⁷ Там же, т. 10, стр. 341; т. 16, стр. 187, 199, 307, 344—345.

²⁸ Там же, т. 4, стр. 358.

²⁹ Там же, т. 9, стр. 364, 380; т. 14, стр. 435—438.

³⁰ Там же, т. 16, стр. 186.

ной революции, которую должен совершить пролетариат»³¹. И далее: «Приведет ли овладение Народным собранием со стороны пролетариата к кровавой социальной революции или к бескровному установлению социалистического строя — будет зависеть от расстановки общественных сил, или иначе говоря, от соотношения общественных сил, от общественного состояния классов»³². Несмотря на переоценку мирного пути завоевания власти, Д. Благоев, как видим, не делал уступок оппортунизму в этом вопросе; он всегда ясно сознавал классовую сущность буржуазного парламента — Народного собрания и последовательно отстаивал в нем интересы рабочего класса³³. В. И. Ленин в 1915 г. писал по этому поводу: «... Парламентаризм признают наши товарищи из РСДР Фракции, признают болгарские, итальянские товарищи, порвавшие с шовинистами. Парламентаризм парламентаризму рознь. Одни используют парламентскую арену, чтобы подслужиться к своим правительствам... Другие используют парламентаризм, чтобы оставаться революционерами до конца, чтобы исполнить свой долг социалистов и интернационалистов и при самых трудных обстоятельствах»³⁴.

Хотя в период Октябрьской революции взгляды Д. Благоева не вполне совпадали с ленинскими, он становился в один ряд с теми марксистами, которых В. И. Ленин называл интернационалистами на деле³⁵. Это не только служило базой для дальнейшего сближения с большевиками, но и помогло Д. Благоеву правильно оценить значение Октябрьской революции, что сыграло решающую роль в восприятии ее опыта, в усвоении ленинского вклада в теорию диктатуры пролетариата.

Великая Октябрьская социалистическая революция, восторженно встреченная Д. Благоевым, оказала исключительно благотворное воздействие на дальнейшее развитие его марксистских взглядов. Этому способствовали и условия, сложившиеся в Болгарии к концу первой мировой войны. Империалистическая война до крайности обострила все противоречия капиталистической системы. На усиление эксплуатации трудящиеся отвечали массовыми выступлениями. Сложившаяся в стране революционная ситуация переросла в сентябре 1918 г. в солдатское восстание — первую попытку болгарских трудящихся расправиться с ненавистным буржуазно-монархическим режимом. Революционный подъем в Болгарии, вызванный победой Октябрьской революции, положил начало новому периоду в развитии болгарского рабочего движения, периоду борьбы за свержение капиталистического господства.

Новое революционное время, отмечал Д. Благоев, выдвигало перед партией болгарских тесных социалистов новые задачи, решение которых подсказывала сама жизнь и прежде всего опыт Великого Октября. Основываясь на этом опыте, БРСДП (т. с.) в проекте программной декларации, подготовленном в конце 1918 г., конкретизировала лозунг диктатуры пролетариата³⁶. Октябрьская революция расширила представление тесняков и Д. Благоева о диктатуре пролетариата. Творческое изучение и осмысление опыта Великой Октябрьской социалистической революции, впервые утвердившей власть трудящихся масс, стало теперь основным в теоретической деятельности Д. Благоева.

После победы Октябрьской революции и особенно после солдатского восстания 1918 г. одним из практических вопросов, который встал перед партией

³¹ Д. Благоев. Сѣч., т. 14, стр. 437.

³² Там же, стр. 437—438.

³³ Там же, т. 9, стр. 438—439; т. 14, стр. 109.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 335.

³⁵ Там же, т. 31, стр. 174.

³⁶ См. «Лозунгите и програмата на Работническата социал-демократическа партия (тесна)», София, 1919, стр. 26.

ей тесных социалистов, был вопрос об отношении пролетариата к буржуазному государству и буржуазной демократии. Практика революционной борьбы рабочего класса России подтвердила выводы Маркса, сделанные на опыте Парижской Коммуны. И в произведениях Д. Благоева послеоктябрьского периода появляются уже четкие формулировки о необходимости слома буржуазной государственной машины и создания нового, пролетарского государства, — формулировки, которые ранее не встречались в его работах. «Очевидно, — писал он в 1919 г., — что пролетариат и малоимущие не могут использовать в своих целях готовую машину современного государства с созданными ею органами, и потому его первой задачей после взятия политической власти в свои руки будет уничтожение современного буржуазного государства, его органов и установление своего государства с соответствующими органами, власти советов рабочих и малоимущих»³⁷.

Д. Благоев, однако, не ограничивается констатацией этого важного положения в учении марксизма о государстве, а стремится выяснить и задачи самого пролетарского государства. Основной и самой трудной, по его мнению, задачей пролетариата после взятия им государственной власти является строительство нового общества³⁸. Конкретизируя эту задачу, Д. Благоев выдвигает на первый план создание индустрии, как основы социалистического производства, преобразование сельскохозяйственного производства на социалистических началах, использование под контролем пролетариата буржуазных специалистов: инженеров, техников, агрономов и т. д.³⁹. Рассуждения Д. Благоева о строительстве нового общества несколько отличались от ленинских взглядов, тем не менее можно с уверенностью сказать, что он пошмал созидание нового общества как одну из важнейших сторон диктатуры пролетариата. Руководящую роль в этом процессе Д. Благоев отводил коммунистической партии. «Задача Болгарской коммунистической партии (тесных социалистов), — говорил он в 1919 г., — состоит теперь в постоянной, непрерывной и самой энергичной работе по подготовке рабочего класса и малоимущих к овладению в ближайшем будущем политической властью в Болгарии и организации нового производства, на базе которого посредством *нового государства*, посредством *революционной пролетарской диктатуры* мы построим коммунистическое общество»⁴⁰. Для этого, указывал он, «мы имеем великолепный пример, который дает нам российская большевистская коммунистическая Советская республика»⁴¹. Исходя из опыта Советской власти, Д. Благоев намечает ряд конкретных задач, которые, по его мнению, должна решить коммунистическая партия в Болгарии непосредственно после утверждения диктатуры пролетариата. К этим задачам он относил ликвидацию капиталистической частной собственности на основные средства производства, национализацию банков, превращение земли в общенародную собственность, кооперирование крестьянских хозяйств, уничтожение государственных долгов, введение государственной монополии торговли и др.⁴².

Важнейшей задачей, встающей перед новой властью непосредственно после свержения буржуазии, как отмечал Д. Благоев, ссылаясь на труды основоположников марксизма-ленинизма, на опыт Парижской Коммуны

³⁷ Д. Б л а г о е в. Свч., т. 18, стр. 491—492; см. также т. 18, стр. 330, 421; т. 19, стр. 129.

³⁸ Там же, т. 18, стр. 485.

³⁹ Там же, стр. 360—361, 412, 471; т. 19, стр. 63, 83, 139, 238—239.

⁴⁰ Там же, т. 18, стр. 473; см. также т. 19, стр. 83.

⁴¹ Там же, т. 18, стр. 471.

⁴² Там же, стр. 343—344, 350.

и Советской власти, является подавление сопротивления эксплуататоров⁴³. Выясняя сущность диктатуры пролетариата и используя при этом богатый опыт Октябрьской революции, он с марксистских классовых позиций подходил к освещению проблемы о соотношении созидательной и насильственной сторон пролетарской диктатуры. Отмечая в своих произведениях мысль К. Маркса о прогрессивной роли революционного насилия⁴⁴, Д. Благоев вместе с тем указывал, что насилие не вытекает из сущности коммунизма и его идеалов, а вызывается сопротивлением эксплуататоров. Пролетариат вынужден применять силу, чтобы сломить сопротивление буржуазии, которая никогда добровольно не уступала своей власти⁴⁵. И чем упорнее будет ее сопротивление, говорил он, тем настоятельнее выдвигается вопрос о последовательном осуществлении пролетарской диктатуры⁴⁶.

Поднимая крик о насилии, о «большевистском терроре», капиталисты, как метко подмечал Д. Благоев, хотели бы видеть Советскую Россию без армии, без всяких средств защиты перед вооруженными до зубов капиталистическими государствами. Но «наши товарищи в России, — говорил он. — не так наивны, чтобы остаться с голыми руками перед сворой капиталистических хищников. А именно этого и хотят все враги пролетарской революции. В своих кровавых руках они хотят держать рабочий класс обесиленной России и поработенные народы в Европе без всякой защиты. Но они не дождутся этого»⁴⁷.

Понимание этих основных положений марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата нашло свое яркое выражение в подлинно интернационалистской позиции Д. Благоева. Последовательно защищая Советскую власть, Российскую Коммунистическую партию (большевиков) от наскоков явных и скрытых врагов, Д. Благоев убедительно разоблачает пессимистичность их доводов, вскрывает их контрреволюционную суть.

Победа Великого Октября, как известно, вызвала бешеную злобу у вождей II Интернационала, прямо призывавших к борьбе против большевиков, против Советской власти. Идейным вдохновителем развернувшейся травли был К. Каутский, который выступил в печати с рядом клеветнических работ, где открыто выразил свое враждебное отношение к Октябрьской революции, к рабоче-крестьянской власти в России⁴⁸. В. И. Ленин, придавая исключительно важное значение разоблачению взглядов Каутского на диктатуру пролетариата, особое внимание обращал на критику его послеоктябрьских работ. В сентябре 1918 г. он писал В. В. Воровскому: «Позорный вздор, детский лепет и пошлейший оппортунизм Каутского возбуждают вопрос: почему мы ничего не делаем для борьбы с теоретическим опознанием марксизма Каутским? Каутский абсолютно не понял и извратил чисто оппортунистически и учение Маркса о государстве

и	«	«	о диктатуре пролетариата
	«	«	о буржуазной демократии
	«	«	о парламентаризме
	«	«	о роли и значении Коммуны и т. д.» ⁴⁹ .

⁴³ Д. Благоев. Соч., т. 18, стр. 412, 422, 494.

⁴⁴ Там же, т. 19, стр. 83.

⁴⁵ Там же, т. 18, стр. 415, 497, 527, 568; т. 19, стр. 118.

⁴⁶ Там же, т. 19, стр. 95.

⁴⁷ Там же, стр. 347—348.

⁴⁸ В ноябре 1917 г., т. е. непосредственно после победы Октября, в органе германских «независимых» была опубликована клеветническая статья К. Каутского «Восстание большевиков».

⁴⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 182—183. Поводом для написания этих строк послужила статья Каутского «Демократия или диктатура», опубликован-

Д. Благоев был одним из первых зарубежных марксистов, кто с ленинской принципиальностью отнесся к писаниям Каутского против большевиков. В своей статье «Диктатура или демократия?»⁵⁰, опубликованной в журнале «Ново време» (июль 1919 г.), оп с марксистских позиций дал достойную отповедь Каутскому. Как только российский пролетариат с оружием в руках, т. е. путем насилия, овладел властью и установил свою диктатуру с целью осуществления коммунистического строя и уничтожения контрреволюции, вожди II Интернационала с Каутским во главе, писал Д. Благоев, ссылаясь на статью Каутского «Демократия или диктатура», выступили против диктатуры пролетариата, за некую «демократию». Защитников установившейся в России диктатуры пролетариата Каутский сравнивал с защитниками деспотизма времен Людовика XIV, при этом саму диктатуру пролетариата Каутский рассматривал не как необходимость, а как второстепенное, случайное и нежелательное явление. По сути, отмечал Д. Благоев, Каутский не признает диктатуру пролетариата, поскольку она-де слишком деспотична, поскольку она не дает «свободы» выступать против революции⁵¹. При этом Каутский, обвиняя РКП(б), заявлял, будто восстание, подготовленное и проведенное большевиками, было направлено против «других социалистических партий» с целью уничтожения «демократии». Д. Благоев убедительно разоблачал эту клевету⁵². Со знанием дела вскрывал он ту предательскую роль, которую сыграли в революции меньшевики и эсеры, выступившие против Советской власти. «Оплакивать таких „социалистов“, потому что их „лишили прав“, значит быть против захвата власти пролетариатом и находиться в одном строю с врагами социализма», — заявлял Д. Благоев⁵³.

Пытаясь очернить Октябрьскую революцию, Каутский сравнивал Советскую власть с Парижской Коммуной и, извращая факты, делал вывод, будто Парижская Коммуна была намного «демократичнее» Советов, поскольку-де она давала возможность участвовать в ней всем социалистическим течениям. Кощунственное отношение Каутского к историческому опыту парижских коммунаров вызвало законное возмущение Д. Благоева. «Каутский совершенно неправ в отношении русской пролетарской революции и диктатуры пролетариата, — писал он, — а в оценке Парижской Коммуны, он полностью пренебрегает тем, что писали о ней Маркс и Энгельс»⁵⁴. Д. Благоев, анализируя ошибки коммунаров и приводя оценку этих ошибок Марксом и Энгельсом, отмечал, что большевистская революция правильно учла исторический опыт Парижской Коммуны, что большевики здесь были в полном согласии с Марксом и Энгельсом⁵⁵. По утверждению Д. Благоева, Каутский не верил в близкое торжество социализма, поэтому и считал решение вопроса о пролетарской диктатуре — делом будущего. А когда это «будущее» пришло и вопрос о диктатуре пролетариата получил практическое разрешение, то Каутский не понял этого⁵⁶, как и прежде — характера Парижской Коммуны. В доказательство этого Д. Благоев приводит известное высказывание Ф. Энгельса из его введения к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции»:

ная в августе 1918 г. в № 34 журнала «Sozialistische Auslandpolitik» (См. В. И. Ленин и н. Полн. собр. соч., т. 50. Прим. 182, стр. 448).

⁵⁰ Д. Благоев. Соч., т. 18, стр. 411—423.

⁵¹ Там же, т. 18, стр. 412—413.

⁵² Там же, стр. 413, 416—418.

⁵³ Там же, стр. 418.

⁵⁴ Там же, стр. 414.

⁵⁵ Там же, стр. 419—420.

⁵⁶ Там же, стр. 420.

«В последнее время немецкий филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: *диктатура пролетариата*. Хотите ли знать, господа, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата»⁵⁷, и добавляет: «А то, что ныне происходит в России, Венгрии, Германии и есть диктатура пролетариата, только в более широких масштабах, чем диктатура пролетариата в одном лишь Париже. Но при всем этом и теперь Каутский не понимает этой диктатуры. Для него она означает уничтожение „демократии“, свободы критики, свободы слова, свободы вообще. Таким образом Каутский впадает в полное противоречие с учением Маркса—Энгельса о диктатуре пролетариата, т. е. об отношении пролетарской революции к современному государству, будь оно монархически-конституционным или демократически-республиканским»⁵⁸.

Преклоняясь перед буржуазной демократией, Каутский советует пролетариату сначала завоевать «демократию» через всеобщее избирательное право, через парламент, а затем произвести социалистический переворот в обществе. Исходя из особенностей современной ему эпохи, Д. Благоев подверг острой критике мечтания Каутского о завоевании полной демократии через буржуазный парламент; такой путь овладения пролетариатом политической властью, утверждал он, может лишь задержать гибель капиталистического общества и торжество социалистической революции⁵⁹. Именно поэтому, отмечал Д. Благоев, ссылки Каутского на Парижскую Коммуну как на более демократичную систему управления совершенно несостоятельны. «Если бы Коммуна,— писал он,— сумела удержать власть и распространить ее по всей стране, то она ничего бы не оставила от той демократии, по которой плачет Каутский, а вместе с ним льют крокодиловы слезы все социал-патриоты, „широкие социалисты“ и вообще всякие прислужники контрреволюционной буржуазии»⁶⁰.

Критика Д. Благоевым взглядов Каутского на соотношение диктатуры и демократии имеет большое значение для оценки его позиции в послеоктябрьский период. Она свидетельствует о полном разрыве с Каутским, о дальнейшем сближении с В. И. Лениным. Видимо, с основными ленинскими работами по вопросу о диктатуре пролетариата Д. Благоев ознакомился после написания статьи «Диктатура или демократия?». Тем важнее подчеркнуть здесь почти полное совпадение позиций В. И. Ленина и Д. Благоева по отношению к каутскианству. Анализируя статью Д. Благоева «Диктатура или демократия?», мы можем отметить, что все пункты намеченного В. И. Лениным плана борьбы с каутскианством получили отражение в этой статье.

Выступление Каутского против диктатуры пролетариата заставило Д. Благоева внимательно изучить в свете опыта Октябрьской революции не только основные труды Маркса и Энгельса по этому вопросу, но и ленинские работы, освещавшие коренные проблемы пролетарской диктатуры. Летом 1919 г. он берется за глубокое изучение ленинского труда «Государство и революция», в результате чего в августе 1919 г. в журнале «Новое время» появляется его статья «Коммунизм и государство»⁶¹. Опираясь на выводы В. И. Ленина, Д. Благоев углубляет свое понимание социалистической революции, уточняет сущность и задачи пролетарского государства, перспективы его развития. «Господствующие классы,— писал он

⁵⁷ Д. Благоев. Соч., т. 18, стр. 421 (курсив Д. Благоева.— Е. А.). Ср. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 201.

⁵⁸ Д. Благоев. Соч., т. 18, стр. 421.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, стр. 420.

⁶¹ Там же, стр. 456—465.

в вышеназванной статье, — не только противопоставят себя этой (пролетарской — Е. А.) революции, но употребят все средства, чтобы воспрепятствовать ее победе, до тех пор пока не будут окончательно ликвидированы эти классы. Поэтому пролетариату после захвата власти, экспроприации экспроприаторов и обобществлений средств производства необходимо организовать *силу*, с помощью которой он будет подавлять любую попытку контрреволюционных классов вернуть свое господство. Очевидно, что эта *организованная сила* пролетариата, как класса, который *уже является господствующим*, будет необходима главным образом в переходный период от капитализма к коммунизму и что этой силой будет государство, но с той разницей, что оно будет представлять собой не диктатуру буржуазии, а *диктатуру пролетариата*»⁶². Когда сопротивление капиталистов будет окончательно сломлено, когда не будет классов и некого будет подавлять, заключал Д. Благоев, тогда государство станет ненужным. «Государство *отомрет, исчезнет* окончательно на высшей фазе коммунистического общества, т. е. при *полном коммунизме*»⁶³.

В статье «Коммунизм и государство» Д. Благоев не делал ссылок на работу В. И. Ленина «Государство и революция»⁶⁴, однако характер изложения материала, подбор высказываний Маркса и Энгельса, отдельные формулировки — при сопоставлении с работой В. И. Ленина «Государство и революция» — не оставляют сомнений в том, что при написании статьи Д. Благоевым была использована эта ленинская работа⁶⁵. Глубокое изучение трудов Маркса и Энгельса в свете опыта Октября убеждало Д. Благоева в правоте основоположников марксизма и способствовало восприятию того нового, что было внесено В. И. Лениным в учение К. Маркса о диктатуре пролетариата⁶⁶. Это сыграло положительную роль и в усвоении и использовании принципа пролетарской диктатуры в революционно-практической деятельности болгарских коммунистов. В мае 1919 г. на I съезде БКП (т. с.) была принята программная декларация, в которой развивались взгляды партии на диктатуру пролетариата⁶⁷. Рабочий класс, отмечалось в этом документе, борется ныне «за установление диктатуры пролетариата, которая одна лишь в состоянии дать истинную свободу трудящимся массам, составляющим громадное, подавляющее большинство населения. Не буржуазная демократия, а диктатура пролетариата ведет к победе социализма»⁶⁸. Спустя пять лет в своем последнем письме от 28 марта 1924 г. Д. Благоев заявлял, что БКП (т. с.) полностью поддерживает принятую ранее программную декларацию, что *«только через диктатуру пролетариата, поддержанную Красной Армией, будет осуществлен социализм»*⁶⁹. В послеоктябрьский период развитие взглядов Д. Благоева на диктатуру пролетариата шло определенно в направлении к ленинизму. Факты показывают, что многие оценки в отношении пролетарской диктатуры приближались к ленинским, а отдельные совпадали с ленинскими взглядами. Но при всем этом было бы неверно отождествлять взгляды Д. Благоева на диктатуру пролетариата с ленинскими взглядами.

⁶² Там же, стр. 464.

⁶³ Там же, стр. 465.

⁶⁴ Впервые о работе В. И. Ленина «Государство и революция» Д. Благоев упоминает в 1920 г. в статье «Фридрих Энгельс» (Д. Б л а г о е в. С њ ч., т. 19, стр. 103).

⁶⁵ Там же, т. 18, стр. 458—465. Ср. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 6, 8, 9, 15, 86, 91—99.

⁶⁶ См. Д. Б л а г о е в. С њ ч., т. 19, стр. 103, 132—133.

⁶⁷ В ранее принятых программах партии термин «диктатура пролетариата» отсутствовал.

⁶⁸ «БКП в резолюции и решения на конгрессите, конференциите и пленумите на ЦК», т. 2, София, 1951, стр. 3.

⁶⁹ Д. Б л а г о е в. С њ ч., т. 19, стр. 446.

Некоторые проблемы пролетарской диктатуры не выяснены им до конца, а отдельные вопросы получили не совсем точное толкование, например, вопрос о переходном периоде от капитализма к социализму. «Никто из коммунистов, — правильно писал Д. Благоев в 1921 г., — не говорил, что коммунизм может быть осуществлен сразу, в несколько месяцев или лет. Наоборот, они всегда подчеркивали, что в своем движении от капитализма к коммунизму человечество пройдет через определенный переходный период, продолжительность которого будет зависеть от ряда условий и прежде всего от темпов развития социалистической революции»⁷⁰. В это правильное рассуждение Д. Благоев вкладывал неверное содержание, связывая собственно переходный период от капитализма к социализму с самим социализмом, т. е. с первой фазой коммунистического общества. Между понятиями «переходный период» и «социализм» он ставил знак равенства⁷¹. От «первой фазы коммунизма до *полного* его осуществления — утверждал Д. Благоев в марте 1921 г., — до *второй фазы* коммунизма человечество пройдет через переходный период... Этот переходный период Маркс называет первой или низшей фазой коммунизма»⁷². Можно было бы предположить, что здесь всего лишь терминологическая неточность — есть к тому основания: ведь Д. Благоев определенно писал о неизбежности переходного периода, в соответствии с ленинским учением раскрывал его сущность, содержание и задачи. Однако ошибка обнаруживается и становится очевидной, когда Д. Благоев начинает характеризовать условия развития Советской России. «В России, — писал он далее, — этот переходный период наступил три года назад. Там заложена основа для развития коммунистического общества. Другими словами, Россия ныне находится в первой фазе коммунизма, или социализма, как обычно говорят... Но в России эта первая или низшая фаза коммунизма (социализм) полностью осуществлена»⁷³. Как видим, Д. Благоев не смог до конца понять, что общество переходного периода — это еще не социалистическое общество.

Не нашла достаточно полного отражения в произведениях Д. Благоева и такая важная сторона диктатуры пролетариата, как государственное руководство со стороны рабочего класса всеми непролетарскими слоями трудящихся с целью отрыва их от буржуазии, воспитания, окончательного построения и упрочения социализма. Диктатура пролетариата, как подчеркивал В. И. Ленин, нужна не только для того, чтобы сломить сопротивление буржуазии, но и для того, «чтобы пролетариат мог *вести за собой* крестьянство и все мелкобуржуазные слои вообще»⁷⁴. Д. Благоев еще не достаточно ясно понимал, что диктатура пролетариата представляет собой особую форму классового союза рабочих со всеми непролетарскими трудящимися массами при руководстве со стороны рабочего класса и его марксистско-ленинского авангарда — Коммунистической партии. Известная недооценка революционных возможностей крестьянства и мелкобуржуазных слоев вообще долгое время мешала Д. Благоеву раскрыть роль их как союзников рабочего класса в борьбе за победу социалистической революции, за построение социалистического общества. Тем не менее после Октября Д. Благоев постепенно освобождается от ошибочных воззрений на роль крестьянства. В начале 20-х годов он уже писал о необходимости союза рабочих и крестьян для победы коммунизма и настоятельно рекомендовал партии обратить внимание в этом отношении на

⁷⁰ Там же, стр. 119—120.

⁷¹ Там же, т. 18, стр. 464; т. 19, стр. 134—136.

⁷² Там же, т. 19, стр. 135.

⁷³ Там же, стр. 135, 136.

⁷⁴ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 386.

«богатый опыт русской революции»⁷⁵. Под воздействием опыта Октября болгарские коммунисты во главе с Д. Благоевым восприняли ленинское учение о союзе рабочих и крестьян как высшем принципе диктатуры пролетариата. Однако только русского опыта для такого восприятия оказалось недостаточно; нужен был еще и собственный опыт, чтобы на деле выстрадать и понять необходимость союза рабочих и крестьян для победы социализма и коммунизма.

Во взглядах Д. Благоева на диктатуру пролетариата была неясность в отношении возможности появления новых форм диктатуры пролетариата. Правильно расценивая Советы как выражение подлинного демократизма⁷⁶, Д. Благоев склонен был рассматривать их в качестве единственной возможной формы пролетарской диктатуры⁷⁷. В какой-то мере это можно объяснить своеобразием обстановки, бурным развитием революционного движения после Великого Октября, авторитетом Советов в массах. Советская власть в то время была синонимом пролетарской революционной власти вообще. Влияние Советов и их международное значение отмечал неоднократно и В. И. Ленин. Однако В. И. Ленин уже тогда предупреждал коммунистов от чрезмерного увеличения русской формой диктатуры пролетариата. «Советский тип, — разъяснял он, — еще не Советы, как они существуют в России, но советский тип становится международным. Только это мы можем сказать. Идти дальше, на шаг дальше, на волосок дальше — будет уже неверно...»⁷⁸. В. И. Ленин подчеркивал, что естественными органами массовой революционной борьбы, превращающимися после победы революции в органы власти, являются органы «типа Коммуны и Советов (не обязательно „Советов“)⁷⁹.

Таким образом, развитие взглядов Д. Благоева на диктатуру пролетариата происходило на основе усвоения ленинизма. Но этот процесс не лишен был трудностей и противоречивости. Как показывают факты, процесс восприятия Д. Благоевым марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата нельзя считать полностью завершенным. Однако это ни в коей мере не может умалить того гигантского шага, который был сделан после Великого Октября Д. Благоевым в освоении ленинских идей о пролетарской диктатуре. Этот шаг стал началом успешного движения всей партии болгарских коммунистов к ленинизму, к превращению ее в партию нового типа.

⁷⁵ Д. Благоев. Сьч., т. 19, стр. 159.

⁷⁶ Там же, т. 18, стр. 516, 517, 567—568; т. 19, стр. 311.

⁷⁷ Там же, т. 18, стр. 484, 489; т. 19, стр. 40, 92, 129, 184, 332.

⁷⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 159.

⁷⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 502. См. также прим. [809], стр. 735.

Э. Г. ЛАВРИК

БОРЬБА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СЛОВАКИИ ЗА СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО СОЮЗА СЛОВАЦКИХ КРЕСТЬЯН. 1945 — 1947 гг.

Настоящая статья представляет собой попытку рассмотреть историю борьбы Коммунистической партии Словакии за создание единой массовой крестьянской организации — Единого союза словацких крестьян. Исследование данного вопроса имеет большое значение для понимания особенностей развития революционного процесса в словацкой деревне в период перерастания национально-демократической революции в социалистическую. На этом этапе Коммунистическая партия Чехословакии вела напряженную борьбу с буржуазией за привлечение на свою сторону широких трудящихся масс. Важной составной частью рассматриваемого процесса, особенно в Словакии, была борьба за трудовые слои деревни.

В специфических условиях Чехословакии одной из форм борьбы за крестьянские массы являлось создание единой массовой демократической крестьянской организации, с помощью которой коммунисты рассчитывали более эффективно проводить политику своей партии в словацкой деревне. Эта организация должна была оказать существенную помощь Коммунистической партии в реализации новой аграрной политики, в мобилизации крестьянских масс на борьбу за дальнейшее развитие национально-демократической революции.

В буржуазной Чехословацкой республике крестьяне объединялись в организации по партийному и национальному признакам. Провозглашаемое в них равенство всех членов было формальным, а принцип сословного единства, который выдвигала аграрная буржуазия в лозунге «деревня — одна семья», затушевывал классовые противоречия, препятствовал развитию классовой борьбы в деревне. По словам К. Готвальда, крестьянские организации буржуазной республики возглавлялись представителями крупного финансового капитала, и капиталисты с помощью этих организаций присваивали себе плоды труда широких слоев трудового крестьянства¹.

В годы словацкого «государства» клерикально-фашистским режимом были созданы две тотальные сословные принудительные псевдокрестьянские организации: «Сельскохозяйственное объединение», входившее в состав глинковской Словацкой народной партии², и Крестьянская палата, занимавшаяся вопросами сельскохозяйственного производства и сбыта продукции. Эти организации должны были охватить своим влиянием

¹ K. Gottwald. Spisy, sv. 1. Bratislava, 1951, s. 178.

² Глинковская Словацкая народная партия — политический представитель словацкой клерикальной и реакционной буржуазии. Основана 18 декабря 1918 г.

все сельскохозяйственное население страны. С их помощью глинковская партия стремилась превратить деревню Словакии в «неделимое целое, которому чужды различия между богатым и бедным»³. Все руководящие посты в обеих организациях занимали «политически благонадежные» представители земледельческого сословия, назначаемые глинковскими властями. Несмотря на проповедуемую гармонию интересов всех членов «крестьянских» организаций от крупных земельных собственников до батраков, они защищали фактически интересы только господствующих классов. Обеспечив с помощью «крестьянских» организаций максимальный контроль над крестьянами, аграрная буржуазия, сотрудничавшая с клерикально-фашистским режимом, ставила перед собой задачу пропаганды классового мира в деревне, стремилась во что бы то ни стало изолировать трудовое крестьянство Словакии от промышленного пролетариата. Большие надежды на крестьян возлагала также часть буржуазии, находившаяся в оппозиции к клерикально-фашистскому режиму, принимавшая участие в национально-освободительном движении. Вопрос о возможных новых лидерах, о новой политической ориентации крестьянства тревожил буржуазных политиков и в эмиграции. Не случайно в августе 1944 г., когда до освобождения оставались еще долгие месяцы жесточайшей и кровопролитной борьбы, Дртина, представитель лондонской эмиграции, в разговоре с К. Готвальдом о будущих отношениях в Чехословакии интересовался, каким образом будет организовано земледельческое сословие, которое «не исчезнет, которое останется, с которым необходимо будет считаться и которое едва ли присоединится к левому блоку»⁴. В своих предположениях относительно малочисленности присоединения крестьян к левому блоку буржуазные политики исходили из представления о традиционном консерватизме чешских и словацких крестьян, о сильном влиянии аграрной буржуазии в деревне, которое она рассчитывала сохранить и в новой республике. В условиях намеренного распыления буржуазными партиями сил крестьянства Коммунистической партии предстояло вести борьбу за объединение крестьян, за внесение в крестьянское движение максимальной организованности. Новые организационные формы сплочения крестьян коммунисты искали давно. В марте 1944 г. позицию заграничного бюро Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии, находившегося в эмиграции в Москве, определил Р. Сланский, выступивший на страницах газеты «Ческословенски листы» со статьей «Аграрная партия, крестьяне и рабочие»⁵. Коммунисты, учитывая радикализацию сознания народных масс (особенно трудового крестьянства) в период национально-освободительной борьбы, рассчитывали на создание единой внепартийной массовой крестьянской организации. Такая организация, по мнению коммунистов, смогла бы должным образом использовать свое влияние, защищая интересы малоземельных и средних крестьян, смогла бы отвергнуть сотрудничество с аграрным капиталом и установить союз с левым блоком⁶. Ликвидация политической раздробленности крестьян на базе создания единой добровольной внепартийной крестьянской организации, объединяющей трудовые слои деревни — вот что в первую очередь отличало проект Коммунистической партии Чехословакии от принципов построения организаций сельскохозяйственного населения в буржуазной Чехословацкой республике и словацком «государстве». По представлениям заграничного руко-

³ V. B a u c h. Pol'nohospodárstvo za slovenského štátu. Bratislava, 1958, s. 127.

⁴ «Cesta ke květnu. Československo na cestě k socialismu. Dokumenty». Praha, 1965, dok. 42, s. 186—187.

⁵ Ibid., dok. 97, s. 308—309.

⁶ Ibid.

водства КПЧ организационное сплочение крестьян в освобожденной республике должно было произойти на основе добровольной единой внепартийной организации малоземельных и средних крестьян. Дифференцированный подход к различным слоям сельскохозяйственного населения, а именно: допуск в крестьянскую организацию исключительно малоземельных крестьян и середняков — отталкивал от Коммунистической партии патриотически настроенные зажиточные элементы чехословацкой деревни.

Для завоевания национальной и государственной независимости, для решения задач строительства новой демократической республики коммунисты должны были искать союзников не только в среде малоземельных и средних крестьян, но и привлекать все демократические элементы, ту часть буржуазии, которая была готова бороться с фашизмом. Вот почему в январе 1945 г. заграничное бюро КПЧ вносит в свой проект крестьянской организации определенные коррективы. Новый проект допускал участие в будущей крестьянской организации всех крестьян, а не только малоземельных и середняков⁷.

Как показала Кошицкая конференция Коммунистической партии Словакии (28 февраля — 1 марта 1945 г.) словацкие коммунисты поддерживали позицию заграничного бюро КПЧ в отношении состава крестьянской организации. Точка зрения коммунистов Словакии по этому вопросу сформулирована в докладе заместителя секретаря ЦК Коммунистической партии Словакии Г. Гусака: «Необходимо создать единую крестьянскую организацию, в которой было бы представлено все крестьянство и которая отстаивала бы его интересы»⁸. Вопрос о крестьянской организации рассматривался Г. Гусаком в прямой связи с вопросом о составе Национального фронта. Некоторые коммунисты ошибочно представляли Национальный фронт как сугубо партийное соглашение, исключающее возможность включения в его состав массовых организаций трудящихся. Г. Гусак подчеркнул в докладе, что такое понимание Национального фронта не является исчерпывающим. Докладчик охарактеризовал Национальный фронт как общенародное объединение, а не партийное соглашение «и это для того, чтобы народ, народные массы сами принимали решения о своей государственной жизни»⁹. Массовые организации трудящихся (профсоюзы, союз крестьян и союз молодежи) Коммунистическая партия рассматривала как составные части Национального фронта, которые должны были сыграть важную роль в политической жизни страны.

На состоявшемся в городе Кошице 15 марта 1945 г. совещании, созванном по инициативе руководства Коммунистической партии Словакии, представители существовавших в этот период политических партий (КПС и Демократической партии¹⁰) пришли к выводу о необходимости расширить рамки Национального фронта и включить в его состав массовые организации трудящихся. На совещании был образован Подготовительный комитет Национального фронта (далее ПК НФ). В своем обращении к народу Словакии 17 марта 1945 г. ПК НФ наряду с другими важными вопросами сообщал о создании Единого союза словацких крестьян (далее —

⁷ «Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencií a plén. 1944—1948». Bratislava, 1971, s. 95, poz. 9.

⁸ Ibid., s. 95.

⁹ Ibid., s. 86.

¹⁰ Демократическая партия возникла в период Словацкого национального восстания как политический представитель так называемого гражданского блока. В состав Демократической партии вошли члены бывших Аграрной, Народной, Национально-социалистической и глинковской Словацкой народной партии. Со временем ДП становилась все более реакционной, выражая интересы оппозиционно настроенной по отношению к народно-демократическому строю словацкой буржуазии и помещиков.

ЕССК) и о вхождении этой организации в Национальный фронт. Соглашение от 17 марта 1945 г. явилось победой Коммунистической партии Словакии в борьбе за максимальное расширение рамок деятельности Национального фронта, за вовлечение в эту деятельность не только политических партий, но и массовых общественных организаций, широких слоев трудящихся.

25 марта 1945 г. ПК НФ разработал рекомендации Коммунистической партии Словакии и Демократической партии о создании на местах органов Национального фронта¹¹. Местные организации обеих политических партий призывались безотлагательно приступить к созданию на паритетных началах низовых органов Национального фронта — районных и местных подготовительных комитетов НФ, которые должны были создать сеть организаций ЕССК на местах. Если учесть, что вплоть до мая 1945 г. в большинстве районов Словакии сеть первичных организаций Демократической партии отсутствовала¹², то задачи по созданию ЕССК возлагались рекомендациями фактически на коммунистов. Естественно, что такое положение дел не устраивало партнеров Коммунистической партии по Национальному фронту. Опасаясь усиления политического влияния коммунистов, перевеса сил КПС в деревне, Демократическая партия в районах, где она уже имела свои низовые партийные организации, игнорируя предписания ПК НФ от 25 марта 1945 г., тормозила формирование органов Национального фронта, что в свою очередь отрицательно сказывалось на создании ЕССК. Следует также отметить, что многие коммунисты в районных и местных партийных организациях не уделяли должного внимания образованию подготовительных комитетов Национального фронта. Надеясь на свое большинство в местных органах власти — национальных комитетах — некоторые коммунисты считали создание особых органов Национального фронта считали нецелесообразным¹³. Сопrotивление Демократической партии, а также неправильная позиция некоторых членов Коммунистической партии Словакии по отношению к подготовительным комитетам Национального фронта затрудняли реализацию рекомендаций ПК НФ¹⁴. Параграф 3 рекомендаций касался непосредственно крестьянской организации и содержал положение о том, что местные объединения ЕССК должны включать в свой состав, по возможности, все крестьянство. Организации ЕССК на местах были обязаны подготовить выборы делегатов на общесловацкий крестьянский съезд. Посланники словацкой деревни должны были вынести на съезде окончательные решения о создании и полномочиях общенационального Союза словацких крестьян, а также сформулировать программу Союза и его требования¹⁵.

Марек Чулен, один из крестьянских деятелей Коммунистической партии Словакии, посетивший 16—20 марта 1945 г. ряд деревень Требишевского, Врановского и других районов Восточной Словакии, записал в своем дневнике, что по отношению к крестьянскому союзу у населения «большой интерес и хорошее настроение»¹⁶. Это объяснялось тем, что опустошенные войной крестьянские хозяйства нуждались в помощи. Многие крестьяне остались без крыши над головой, без орудий производства и тягловой силы. Коммунисты разъясняли, что новая крестьянская

¹¹ «Cesta ke kvätnu...», dok. 186, s. 548.

¹² J. J a b l o n i c k ý. Slovensko na prelome. Bratislava, 1965, s. 200.

¹³ J. J a b l o n i c k ý. Politická situácia na Východnom Slovensku od oslobodenia do vyhlásenia Košického vládného programu. «Historický časopis», 1963, č. 4, s. 543.

¹⁴ В конечном счете органы Национального фронта на местах так и не были созданы.

¹⁵ «Cesta ke kvätnu...», dok. 186, s. 549.

¹⁶ «Arhív Ustavu dejin Komunistickej strany Slovenska» (далее АУД КСС), f. 18, a. j. 38, s. 6.

организация окажет помощь крестьянам в проведении земельной реформы, в установлении выгодных цен на сельскохозяйственную продукцию, в обеспечении посевным материалом, в восстановлении разрушенных деревень. Вот почему именно в тех районах Словакии, которые более всего пострадали от войны, нуждались в помощи, возникают первые объединения Союза крестьян. К 11 июля 1945 г. в 13 районах Восточной Словакии (из 22) возникли организации ЕССК, объединившие 13 000 крестьян¹⁷.

12 апреля 1945 г. по инициативе ПК НФ Словакии создается центральное руководство ЕССК — Подготовительный комитет Единого союза словацких крестьян (далее — ПК ЕССК), в который на паритетных началах вошли представители Коммунистической партии Словакии и Демократической партии (всего 8 человек)¹⁸. Статья генерального секретаря ПК ЕССК М. Фалтяна (КПС), опубликованная в газете «Народна оброда» 20 апреля 1945 г., знакомила читателей с представлениями Подготовительного комитета о характере, задачах и социальной структуре крестьянской организации. В статье говорилось, что основная задача ПК ЕССК заключается в объединении крестьян в единую крестьянскую организацию. На ПК ЕССК возлагалась обязанность руководить деятельностью Союза крестьян до созыва все словацкого крестьянского съезда. ЕССК, подчеркивалось в статье, представляет собой добровольную внепартийную организацию, объединяющую в своих рядах всех крестьян, за исключением тех, кто активно и добровольно сотрудничал с фашистским режимом. Далее ПК ЕССК постановлял, что представительство различных социальных групп словацкой деревни в комитетах местных организаций ЕССК¹⁹ должно быть пропорционально численности этих категорий крестьянства²⁰. Запрещение доступа в крестьянский союз предателей народа и коллаборационистов подчеркивало антифашистский характер новой организации, противопоставляло ее псевдокрестьянским объединениям фашистского толка типа Крестьянской палаты. Участие верхушки середняков и деревенской буржуазии в новой крестьянской организации усиливало возможность ее использования реакционерами из Демократической партии в своих целях. Однако, по мнению коммунистов, перевес численности малоземельных и средних слоев крестьян в ЕССК должен был нейтрализовать эту опасность. Принцип пропорциональности различных категорий крестьян в руководстве местных и центральных комитетов ЕССК давал возможность ограничить влияние склонной к сотрудничеству с буржуазией верхушки словацкого крестьянства в руководящих органах крестьянского союза, позволяло противостоять попыткам «демократов» использовать ЕССК в борьбе против революции.

Подготовительным комитетом четко определялись задачи Единого союза словацких крестьян, организации, с помощью которой крестьяне смогли бы оказывать влияние на решение насущных крестьянских проблем в законодательных и исполнительных органах. К таким проблемам принадлежали: земельная реформа, подъем сельскохозяйственного произ-

¹⁷ M. F i r d o v á. Vznik a činnosť Jednotného Zväzu Slovenských Rol'níkov na Východnom Slovensku. «Východné Slovensko pred Februárom.» Košice, 1968, s. 140.

¹⁸ В начале июля 1945 г. Президиумом Словацкого национального совета был назначен новый ПК ЕССК в составе 10-ти человек. Новый комитет, как и первый, был создан на паритетных началах. Генеральным секретарем ПК ЕССК остался М. Фалтян.

¹⁹ ПК ЕССК направил всем национальным комитетам указания учредить при содействии обеих политических партий руководящие органы ЕССК на местах — районные комитеты ЕССК. «Státny Slovenský Ustredný Archív» (далее SSUA), f. Jednotný Zväz Slovenských Rol'níkov (далее JZSR), kr. 5, č. sp. 100/45.

²⁰ «Cesta ke květnu...», dok. 216, s. 616—617.

водства, ликвидация чересполосицы, механизация сельского хозяйства, электрификация деревни, поддержка кооперативов. Через ЕССК крестьяне могли воздействовать на уровень цен сельскохозяйственных продуктов, организацию кредитной системы, социальное страхование, профессиональное обучение крестьян, просвещение и т. д.²¹ В своей работе ПК ЕССК опирался на Кошицкую правительственную программу, провозглашенную 5 апреля 1945 г., которая наметила задачи национальной и демократической революции. В пятой главе программы Национального фронта чехов и словаков говорилось, что правительство будет оказывать всестороннюю поддержку творческой инициативе и общественной деятельности самых широких слоев народа. Кроме участия в национальных комитетах народу предоставлялось право создавать различные виды политических, профессиональных, культурных, спортивных и других организаций. Доступ предателям, фашистам и другим скрытым и открытым врагам народа в эти организации был закрыт²².

26 июня 1945 г. на совещании руководителей Коммунистической партии Словакии и Демократической партии состоялся обмен мнениями по вопросу о ЕССК. На совещании обе политические партии пришли к соглашению, что все задачи, связанные с учреждением и организацией Единого союза словацких крестьян, до созыва общесловацкого крестьянского съезда, который должен принять окончательные решения, касающиеся ЕССК, возлагаются на Подготовительный Комитет ЕССК²³.

На страницах газеты «Час» летом 1945 г. периодически появлялись статьи, в которых представители Демократической партии поддерживали идею создания ЕССК²⁴.

Иными словами, в июле 1945 г. никаких внешних разногласий между обеими словацкими политическими партиями в вопросах, касающихся задач ПК ЕССК и самого крестьянского союза не наблюдалось. Постановление совещания лидеров Коммунистической партии Словакии и Демократической партии, а также появившиеся на страницах буржуазной прессы хвалебные отзывы о ЕССК создавали впечатление, что обе партии активно содействуют созданию крестьянской организации. Но в действительности обстановка вокруг создания Единого союза словацких крестьян была гораздо сложнее, так как за внешним обоюдным согласием скрывалась острая борьба двух политических противников: коммунистов и «демократов». К лету 1945 г. Демократическая партия значительно расширила сеть своих первичных партийных организаций. Укрепив свои позиции на местах, «демократы» старались захватить руководящие посты в местных организациях ЕССК. Центральный секретариат Демократической партии в Братиславе разработал и довел до сведения секретарей своих районных партийных организаций директивы, в которых «демократы» определяли свое отношение к крестьянскому союзу. В одной из них, директиве № 3 от 28 июля 1945 г. с отметкой «Совершенно секретно. Не посылать по почте», центральное руководство Демократической партии обязывало секретарей всех своих районных парторганизаций развернуть самую активную деятельность по привлечению всех крестьян, членов Демократической партии, в ЕССК. Все усилия партийных работников на местах направлялись на захват ответственных постов в местных организациях ЕССК членами Демократической партии или же беспартийными крестья-

²¹ «Pravda», 14 IV 1945.

²² «Program nové československé vlády Národní Fronty Čechů a Slováků», Moskva, 1945, s. 7—8.

²³ «Cas», 29 VI 1945.

²⁴ Ibid., 17 VII 1945.

нами, разделявшими взгляды демократов²⁵. Организации Демократической партии на своих собраниях учреждали местные организации крестьянских союзов, назначали на руководящие посты районных и местных объединений ЕССК исключительно «своих» людей, членов Демократической партии. Избранная Демократической партией тактика шла вразрез с соглашением от 17 марта 1945 г. о ЕССК, а также противоречила обещаниям, данным руководителями Демократической партии 26 июня 1945 г.

Летом 1945 г. положение в Словакии крайне осложнилось. На заседании президиума ЦК КПЧ и ЦК КПС 18 июля 1945 г. в Праге отмечалось, что в Демократической партии группировались и становились все более агрессивными силы реакции, оказывавшие сопротивление углублению и дальнейшему развитию революции. Активизации реакционных элементов из Демократической партии способствовало то обстоятельство, что Коммунистическая партия вынуждена была занять крайне сдержанную позицию в вопросе проведения земельной реформы в Словакии. Известно, что земельная реформа в Чехословакии проводилась в три этапа. На первом этапе конфискации и распределению в кратчайший срок подлежали земля и имущество немцев, венгров, предателей народа и коллаборационистов. Такой земли в Словакии было мало, поэтому поэтапное проведение земельной реформы не могло удовлетворить трудовые слои словацкой деревни, которые требовали более радикального перераспределения помещичьей земельной собственности по принципу «земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает». Особенно значительные размеры это движение приобрело летом 1945 г., когда крестьяне Словакии, не получившие земли не только потому, что ее не хватало, но и потому, что Демократическая партия препятствовала проведению земельной реформы, выступили с требованием всеобщей земельной реформы, которая должна была уничтожить крупное помещичье землевладение. Это требование поддержала и часть коммунистов на местах²⁶, но руководство Коммунистической партии Словакии не могло еще его принять, исходя из общегосударственных условий развития революции. Отражением этого курса Коммунистической партии Словакии явилось решение конференции КПС, проходившей в августе 1945 г. в Жилине, где настойчиво подчеркивалась необходимость поэтапного осуществления земельной реформы в словацкой деревне. Хотя в Словакии, как показывали резолюции местных организаций КПС, складывалась благоприятная обстановка для ликвидации крупного помещичьего землевладения, КПС приходилось учитывать обстановку не только в Словакии, но и в Чешских землях, где условий для проведения подобных мероприятий еще не было. В конце апреля 1945 г. лидеры Демократической партии в демагогических целях выдвинули требование всеобщей земельной реформы и сумели таким образом, дезориентировав часть крестьян Словакии, привлечь их на свою сторону²⁷. В этой сложной и крайне напряженной обстановке 27—28 августа 1945 г. в Зволене собрался все словацкий съезд крестьян. Принятые на съезде решения отражали ту борьбу, которая развернулась в словацкой деревне между Коммунистической партией Словакии и силами реакции, объединившимися в Демократической партии. С одной стороны, в резолюции, принятой на съезде, выдвигались требования тесного сотрудничества с профсоюзными органи-

²⁵ S. C a m b e l. Formovanie rol'nickej politiky KSS do jesene roku 1945; «Prvé kroky po oslobodení». Bratislava, 1970, s. 100; «Komunistická strana Slovenska...», s. 156, poz. 1.

²⁶ I. S k u r l o. Celoslovenská konferencia KSS v Ziline roku 1945 a čo jej predchádzalo. «Historický časopis», 1971, č. 2, s. 173.

²⁷ «Cesta ke kvétnu...», dok 222, s. 623.

зациями, разработки организационной основы ЕССК на демократических принципах, нормированного распределения промышленных товаров, чистки кооперативов от фашистских элементов, помощи от государства в восстановлении разрушенного войной сельского хозяйства, снижения арендной платы, национализации крупной пищевой и деревообрабатывающей промышленности²⁸. Они свидетельствовали о влиянии коммунистов в центральном органе ЕССК, которые, преодолевая сопротивление реакции, пытались направить работу всех местных объединений крестьянского союза на выполнение поставленных правительством Национального фронта задач.

Вместе с тем в резолюции зволнского съезда содержались положения компромиссного характера. Одни из них дублировали соответствующие постановления Кошицкой правительственной программы, другие представляли собой шаг назад по сравнению с ней. Например, в Кошицкой программе говорилось о необходимости введения дифференцированных цен на сельскохозяйственные продукты²⁹. В Чешских землях, несмотря на сопротивление буржуазии, уже в июле 1945 г. были введены тройные цены на поставляемое государству зерно³⁰. Но в резолюции зволнского съезда эти радикальные требования не нашли отражения, и съезд ограничился лишь постановлением о введении в Словакии «рентабельных» цен на сельскохозяйственные продукты. Столь расплывчатая формулировка позволяла Демократической партии весьма произвольно ее интерпретировать. Если представители Коммунистической партии, опираясь на Кошицкую программу, в своих выступлениях в прессе, на собраниях местных организаций ЕССК подчеркивали, что крестьянский союз борется за предоставление малоземельным крестьянам большей платы за зерно по сравнению с помещиками³¹, то Демократическая партия выступала против дифференцированных закупочных цен на сельскохозяйственные продукты³².

В резолюции зволнского съезда отсутствовало требование немедленной ликвидации Крестьянской палаты, возникшей в 1942 г. и верно служившей правящей глинковской партии. Руководство Крестьянской палаты находилось в руках помещиков и капиталистов, связанных с пищевой промышленностью. Несмотря на то что Словацкий национальный совет постановлением от 1 октября 1944 г. ликвидировал все функционировавшие в период словацкого фашистского государства организации, Демократическая партия после освобождения страны всячески поддерживала и поощряла деятельность Крестьянской палаты, выступив против ее ликвидации.

Демократическая партия могла, ссылаясь на резолюцию зволнского съезда, не устанавливавшую определенного срока прекращения деятельности Крестьянской палаты, оттягивать решение этого вопроса, пряпятав тем самым развертыванию деятельности местных организаций ЕССК.

²⁸ «*Rol'nicky hlas*», 8 IX 1945.

²⁹ Тринадцатый параграф программы обязывал правительство ввести новые твердые нормы обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов, исходя из размера хозяйства, количества и качества земли отдельных землевладельцев («*Program nové československé vlády...*», s. 16).

³⁰ Самые низкие цены на зерновые продукты были установлены для собственников, размеры земельных наделов которых превышали 50 га. Ко второй группе принадлежали владельцы земельных участков от 20 до 50 га. Третью группу составляли крестьяне, владевшие участком земли до 20 га. Эта категория сельскохозяйственного населения получала самое высокое вознаграждение за сданные государству продукты (зерно). «*Rol'nicky hlas*», 26 VIII 1945.

³¹ «*Rol'nicky hlas*», 1 X 1945; 22 X 1945.

³² См. выступление члена Демократической партии Чачка на заседании работников ведомства по делам общественного питания и снабжения 4 сентября 1945 г. SSÚA, f. JZSR, kr. 2, č. sp. 141/45.

Таким образом, общесловацкий крестьянский съезд в Зволене, собравшийся в обстановке активизации реакционной деятельности Демократической партии, своими отдельными решениями осложнил работу коммунистов в деревне. Ставилась под угрозу возможность реализации Кошицкого правительственной программы, направленной на развитие революционного процесса в деревне. Положение коммунистов летом 1945 г. осложнялось еще и потому, что ведомство по делам сельского хозяйства и земельной реформы в Корпусе уполномоченных (так именовалось словацкое правительство) попало в руки Демократической партии³³. А если учесть, что Демократическая партия в процессе национально-демократической революции, по откровенному признанию одного из руководителей этой партии Я. Урсини, должна была выполнять роль тормоза³⁴, то аграрии получили возможность непосредственно «сверху» препятствовать революционным преобразованиям в словацкой деревне, всячески тормозить решение насущных крестьянских вопросов.

Активному наступлению реакции, которая, получая поддержку со стороны ведомства по делам сельского хозяйства и земельной реформы, могла тормозить развитие национально-демократической революции, коммунисты противопоставляли борьбу за введение дифференцированных цен на сельскохозяйственные продукты в Словакии, за ликвидацию Крестьянской палаты. В борьбу за прекращение деятельности Крестьянской палаты с марта 1945 г. подключились крестьяне — члены местных организаций ЕССК. Об этом свидетельствуют многочисленные резолюции, поступающие в Словацкий национальный совет и ПК ЕССК. К октябрю 1945 г. 22 района Словакии выступили за ликвидацию Крестьянской палаты³⁵. Коммунистическая партия Словакии, откликаясь на эти требования крестьян, вынесла вопрос о Крестьянской палате на повестку дня заседания Сельскохозяйственного отдела при ЦК КПС 19 декабря 1945 г. Участники заседания отметили, что Крестьянская палата является самым серьезным и самым существенным препятствием для развертывания деятельности ЕССК. По заключению отдела, ликвидация Крестьянской палаты представляла собой неотложный экономический и, главным образом, политический вопрос. Коммунистам, членам Корпуса уполномоченных, вменялось в обязанность принять в ближайшее время решение о ликвидации Крестьянской палаты и передаче всех ее функций ЕССК³⁶. 2 марта 1946 г. на заседании словацкого правительства коммунисты, опираясь на движение крестьян, сумели заставить представителей Демократической партии проголосовать за прекращение деятельности Крестьянской палаты. Однако в постановление правительства Демократической партии удалось внести дополнение, согласно которому Крестьянская палата распускалась только после утверждения закона о ЕССК в Чехословацком национальном собрании³⁷. Проголосовав в правительстве за

³³ 7 апреля 1945 г. это ведомство возглавил деятель Демократической партии М. Кветко.

³⁴ В сентябре 1944 г. Я. Урсини заявил: «Вы, коммунисты, очень быстро движетесь вперед, мы, демократы, должны вас придерживать. Телега требует коня и тормоза, иначе бы случилось несчастье. Роль тормоза должна выполнять Демократическая партия» (Г. Г у с а к. Свидетельство о Словацком Национальном восстании. М., 1969, стр. 434).

³⁵ S. C a m b e l. *Revolučný rok 1945*. Banská Bystrica, 1965, s. 219.

³⁶ AŮD KSS, f. 13, a. j. 5, s. 5.

³⁷ К этому времени (март 1946) уже имелся разработанный пражским Министерством сельского хозяйства и одобренный 5 февраля 1946 г. правительством Чехословацкой республики проект закона о создании организации земледельцев Чехословацкой республики. Законопроект намечал создание двух крестьянских союзов: Единого союза чешских земледельцев (ЕСЧЗ) и Единого союза словацких крестьян с одинаковыми функциями и организационной структурой. Оба союза по проекту

прекращение деятельности Крестьянской палаты только из боязни дискредитировать себя в глазах крестьян, Демократическая партия надеялась перенести тяжесть борьбы из центральных правительственных органов на места.

Осенью 1946 г. министерство сельского хозяйства в Праге разослало всем местным объединениям ЕССК проект закона об организации земледельцев Чехословацкой республики с тем, чтобы крестьяне высказали свое отношение к этому документу. Коммунисты, стоявшие во главе пражского министерства сельского хозяйства, стремились организовать на местах движение тружеников словацкой деревни за одобрение законопроекта о крестьянском союзе. Демократическая партия, в свою очередь, прилагала все силы к тому, чтобы воспрепятствовать или оттянуть одобрение и принятие закона о ЕССК в Национальном собрании. Возглавляемые «демократами» районные комитеты ЕССК по указанию центрального руководства Демократической партии развернули с конца 1946 г. активную деятельность, направленную против правительственного законопроекта об организации земледельцев Чехословацкой республики. Так, с призывом добиваться «изменения» законопроекта, поскольку ЕССК, якобы, не отвечает интересам словацких крестьян, обратился ко всем объединениям крестьянского союза районный комитет ЕССК в Бановце над Бебравоу³⁸. Демократическая партия выступала против сотрудничества новой крестьянской организации с профсоюзами, против добровольного участия крестьян в ЕССК. Предположения руководителей районного комитета ЕССК в Бановце над Бебравоу — членов Демократической партии, что их выступление против законопроекта поддержит большинство организаций ЕССК на местах, не оправдались. Против действий буржуазной реакции выступил ряд районных комитетов ЕССК. В частности, руководство районного объединения ЕССК в г. Левоча выступило с резкой критикой так называемых поправок к законопроекту о ЕССК и отказалось от распространения обращения к местным объединениям ЕССК Левочского района³⁹. Коммунисты не строили никаких иллюзий относительно того, что утверждение законопроекта об организации земледельцев Чехословацкой республики обойдется без ожесточенной борьбы с реакционными элементами из Демократической партии. Предотвратить попытки реакции внести поправки к законопроекту, которые исказили бы его прогрессивное содержание, мобилизовать трудовое крестьянство на борьбу за принятие законопроекта об организации земледельцев Чехословацкой республики — эти задачи ЦК КПС возложил на местные организации. Работа коммунистов на местах была направлена, во-первых, на подробное ознакомление крестьян с содержанием законопроекта и его практическим значением, во-вторых, разоблачение деятельности Демократической партии. Разъяснительная работа, которую Коммунистическая партия Словакии вела среди крестьян, принесла первые плоды в конце 1946 — начале 1947 г. С этого времени Подготовительный комитет ЕССК, словацкое правительство стали получать первые положительные отклики крестьян на законопроект о ЕССК и ЕСЧЗ. Например, 27 марта 1947 г. в ПК ЕССК была направлена резолюция собрания местной организации ЕССК деревни Святой Криж над Гроном Кремницкого района, в которой крестьяне выразили одобрение законопроекта и требовали немедленного претворения его в жизнь⁴⁰. Подобные резолю-

подчинялись единому централизованному руководству — Центральному совету земледельцев.

³⁸ SSUA, f. JZSR, kr. 5, č. sp. 1658/46.

³⁹ Ibid., č. sp. 46/46.

⁴⁰ Ibid., kr. 23, č. sp. 2910/47.

ции были направлены в ПК ЕССК крестьянами Прешевского⁴¹, Глоговецкого⁴² и ряда других районов Словакии. Следует отметить, что в то же самое время, т. е. с конца 1946—начала 1947 г., коммунисты выступили инициаторами движения крестьян за одобрение и утверждение в парламенте еще целого ряда аграрных законопроектов⁴³. Период с конца 1946 г. характеризовался, с одной стороны, ростом активизации реакционных деятелей Демократической партии, с другой — началом революционного движения крестьян Словакии за одобрение шести законопроектов министерства сельского хозяйства и проекта закона об организации земледельцев Чехословацкой республики. Революционизирующее воздействие на трудовое крестьянство Словакии оказала и Градецкая программа, разработанная коммунистами и обнародованная 4 апреля 1947 г. в г. Градце Кралове. Эта программа мобилизовала крестьянство на борьбу за завершение революционно-демократических преобразований в области земельных отношений⁴⁴. Опираясь на поддержку крестьян, коммунисты повели в парламенте напряженную борьбу против блока чешских и словацкой буржуазных политических партий за утверждение законопроекта о ЕСЧЗ и ЕССК. Не решаясь открыто выступить против требований крестьян, которые настаивали на быстрейшем одобрении законопроекта и проведении его в жизнь, реакционеры перешли к тактике проволочек и затягивания решения вопроса под самыми разнообразными предлогами. Будучи уверены в том, что им удастся изменить соотношение сил в свою пользу, лидеры правых политических партий пытались перенести обсуждение законопроекта на неопределенный срок. Сельскохозяйственный комитет парламента, куда 18 октября 1946 г. был передан на обсуждение законопроект, до лета 1947 г. рассмотрел только два раздела документа. Коммунисты последовательно боролись за утверждение правительственного законопроекта об организации земледельцев Чехословакии. В нем речь шла о добровольном участии крестьян в ЕСЧЗ и ЕССК, обеспечивающем демократическое развитие новой организации. Представители чешских буржуазных партий в парламенте в блоке со словацкой Демократической партией, настаивая на принудительном членстве в ЕСЧЗ и ЕССК, стремились внести в правительственный законопроект соответствующую поправку. Кроме того, антикоммунистический блок буржуазных политических партий добивался внесения в проект закона еще одного изменения. Члены Национально-социалистической, Народной и Демократической партий выступали за проведение политических выборов в руководящие органы крестьянских организаций. Такие выборы предполагали выдвижение кандидатов от политических партий и обеспечивали в руководящих органах ЕССК большинство буржуазии. Коммунисты отстаивали принцип неполитических выборов, т. е. в них могли принимать участие кандидаты от Национального фронта.

Депутаты-коммунисты выступали в сельскохозяйственной комиссии парламента с резкой критикой антикрестьянских позиций буржуазных депутатов, разоблачали их реакционные планы. Члены комиссии разделились на два противоположных лагеря: коммунисты, выражавшие интересы

⁴¹ SSŮA, f. Úrad Predsednictva Sboru Poverenikov (далее — ŮPSP), kr. 26, џ. sp. 1497/46.

⁴² SSŮA, f. JZSR, kr. 32, џ. sp. 236/47.

⁴³ В октябре 1946 г. министерством сельского хозяйства в Праге были разработаны шесть законопроектов, среди которых наиболее важным являлся проект закона о ревизии земельной реформы 1919 г., намечавший ограничение крупного помещичьего землевладения, а в некоторых случаях и полную его ликвидацию.

⁴⁴ См. подробно А. И. Недорезов. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954; K. J e s h. Probuzená vesnice. Praha, 1963.

трудового крестьянства, и лидеры буржуазных политических партий — защитники сельской буржуазии. В сельскохозяйственной комиссии коммунисты оказались в меньшинстве (11 членов из 30). Социал-демократы, возглавляемые представителем правого крыла Социал-демократической партии Смейкалом, председателем сельскохозяйственной комиссии, поддерживали лидеров буржуазных партий⁴⁵. В результате, антикоммунистическому блоку удалось добиться внесения в первоначальный текст правительственного законопроекта о ЕСЧЗ и ЕССК существенных поправок, которые узаконивали принудительное участие в крестьянских организациях и политическую форму выборов их руководящих органов. На очередном заседании Законодательного национального собрания 10 июля 1947 г. представители сельскохозяйственной, юридической и бюджетной комиссий парламента объявили результаты обсуждений предложенного правительством законопроекта⁴⁶. Депутаты парламента — члены буржуазных политических партий — доказывали, что изменения, внесенные в законопроект, способствуют его усовершенствованию по сравнению с первоначальным текстом. Депутаты-коммунисты отмечали, что только в интересах быстрее утверждения законопроекта они согласились с принципом принудительного участия и политических выборов в крестьянской организации⁴⁷. Это не мешало, однако, представителям КПЧ и КПС выступить с критикой этих принципов. Коммунисты в своих выступлениях подчеркивали, что они полны решимости бороться за ликвидацию внесенных реакционерами изменений в первоначальный текст правительственного законопроекта о ЕСЧЗ и ЕССК и призывали к этому крестьян⁴⁸.

Закон об организации земледельцев Чехословацкой республики был принят на заседании парламента 11 июля 1947 г. Вопреки сопротивлению представителей буржуазии, коммунистам удалось добиться утверждения столь важного, несмотря на внесенные изменения, документа. Принятием закона о ЕСЧЗ и ЕССК закончился двухлетний период борьбы крестьян Чехословакии за создание своей организации. В Словакии, наконец, была ликвидирована Крестьянская палата, а ее функции перешли к ЕССК. Крестьянский союз мог более эффективно и гибко разрешать проблемы, касающиеся крестьян и волнующие их, мог более успешно содействовать решению задач национально-демократической революции. Борьба Коммунистической партии за создание ЕССК и утверждение в нем позиций трудящегося крестьянства, а также за разрешение целого ряда других важных крестьянских вопросов в значительной степени способствовала революционизированию словацкой деревни в 1945—1947 гг. В ходе борьбы коммунисты сумели разоблачить реакционные планы лидеров буржуазной Демократической партии и изолировать их от трудящихся масс. Осенью 1947 г., когда в Словакии разразился политический кризис⁴⁹, словацкое крестьянство в своей основной массе выступило на стороне прогрессивных сил. 2500 крестьянских делегатов, собравшихся 14 ноября 1947 г. в Братиславе на общесловацкой конференции крестьян, полностью поддержав позицию съезда заводских советов⁵⁰, выступили за отставку

⁴⁵ «Zemědělské noviny», 7 VI 1947.

⁴⁶ Члены юридической и бюджетной комиссий парламента на заседаниях 9 июля 1947 г. приняли поправки, внесенные в законопроект сельскохозяйственной комиссией.

⁴⁷ «Těšnopisecké zprávy o schůzích ÚNS», schůze 66. Praha, 1947, s. 10.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ M. V a r t í k o v á. Roky rozhodnutia. Bratislava, 1962; e e ж е. Od Košic po Február. Bratislava, 1968.

⁵⁰ Съезд заводских советов был созван по инициативе Центрального совета профсоюзов 30 октября 1947 г.

правительства. Конференция требовала последовательного осуществления революционных мероприятий в деревне, намеченных в законопроектах министерства сельского хозяйства и Градецкой программе. Участники съезда настаивали на реорганизации ведомства по делам сельского хозяйства и земельной реформы, которое, по их мнению, должен возглавить человек, пользующийся доверием у крестьян и способный дать гарантию, что в Словакии правительственная программа будет выполняться в интересах малоземельных крестьян и середняков⁵¹. В ходе борьбы за непосредственные требования трудящихся крестьян Коммунистическая партия сумела привлечь на свою сторону основные массы крестьян Словакии. Переход крестьянства на сторону рабочего класса в ходе классовых столкновений осенью 1947 г. оказал положительное влияние на дальнейшее развитие революции в Чехословакии.

⁵¹ «Pravda», 16 XI 1947.

ВИТОЛЬД ЯКУБЧИК

ПРУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ И ЕЕ ВДОХНОВИТЕЛИ (1886—1918 годы)

Взаимодействие общественно-экономических, демографических и политических процессов привело к образованию прусского государственного учреждения для колонизации княжества Познанского и Гданьского Поморья (так называемой Западной Пруссии)¹.

В 1861—1890 гг. немецкое население на восточном пограничье уменьшилось: в Гданьской реенции на 3,17%, Квидзиньской — 1,53, Быдгощской — 3,54, Познанской — 6,8, Опольской — 0,32%. Это было следствием стихийного перемещения населения главным образом деревенской бедноты с востока в западные, промышленные провинции Пруссии (так называемый Остфлюхт). До 1900 г. переселилось свыше 1 млн человек, что вызвало сильное беспокойство у правительства, экономистов и политиков².

Другой фактор — это стремление национал-либеральных экономистов и деятелей к модификации аграрного строя путем частичной добровольной парцелляции крупной земельной собственности. В 1890 и 1891 гг. были приняты законы о рентных владениях. Проведением в жизнь этих законов на востоке занимались Генеральная комиссия в Быдгощи, содействовавшая приобретению крестьянами земли в собственность на рентном праве независимо от их национальности.

После 1880 г. крупная земельная собственность в Пруссии переживала кризис, не выдерживала конкуренции с дешевым зерном, поступавшим из России и Америки, была обременена долгами и вследствие этого заметно сокращалась. Это обстоятельство решило использовать прусское правительство, чтобы ослабить политическую активность польских помещиков, руководителей крестьянских масс в их борьбе против политики германизации. Немецкие помещики хотели избавиться от польских конкурентов при финансовой помощи государства, а национал-либеральные политики и экономисты высказывались за проведение крестьянской колонизации. Бисмарк и консерваторы намеревались увеличить домены, т. е. государственные имения. В результате этого 26 апреля 1886 г. был принят закон, по которому правительство могло использовать 100 млн марок для усиления немецкого элемента в пограничных с Королевством Польским районах по-

¹ Об общих проблемах внутренней колонизации в Пруссии и позднейших ликвидационных делах комиссии см. W. Sukiennicki. Pruska polityka kolonizacyjna na ziemiach polskich. Warszawa, 1934; A. Galos. Utworzenie Komisji Kolonizacyjnej (1886) a sprawa wewnętrznej kolonizacji w Niemczech. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. «Prace Historyczne», z. 26, 1969; ег о же. Społeczne podłoże t. zw. wewnętrznej kolonizacji w Niemczech na przełomie XIX i XX w. «Studia Śląskie», seria nowa, t. XVIII, 1970.

² W. Jakóbczyk. Z dziejów walki o ziemię na pograniczu. «Przegląd Zachodni», t. XVII, № 3 (1961), s. 26.

средством поселения немецких крестьян в княжестве Познанском и Гданьском Поморье. Для осуществления закона вскоре было создано государственное учреждение — Колонизационная комиссия, состоявшая из двух частей: собственно комиссии, или совета, в который входили представители правительства, президенты провинций и несколько назначенных доверенных лиц — земледельцев, и исполнительного бюро. Этот аппарат со временем разросся почти до 530 человек (в 1913 г.). Комиссия должна была предоставлять хозяйства немецким крестьянам в собственность за наличные деньги, или уплату ренты, или же во временную аренду. Колонисты не могли без разрешения комиссии сбывать свои хозяйства. Их платежи должны были поступать в кассу комиссии до 1907 г., а затем в казну. Ежегодная рента устанавливалась в размере 2—3% стоимости хозяйства, причем на условиях уплаты ренты колонист получал только землю, а за постройки и инвентарь должен был заплатить. Стоимость застройки в среднем хозяйстве определялась от 3 до 6 тыс. марок. Колонист мог получить от комиссии заем в размере от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ владеемого им капитала. Сначала комиссия оценивала необходимый вклад колониста в хозяйство размером в 16—17 га в 6—7 тыс. марок. Колонисты освобождались на 2—3 года от уплаты ренты и других сборов и получали запасы на 1 год³.

Колонизационная комиссия первоначально направляла свои усилия главным образом на закупку польских имений, но делала это без плана, от случая к случаю, в разных повятах. До 1890 г. она приобрела 50 тыс. га в среднем по 604 марки за 1 га. Из этого количества земли 4349 га было куплено ею у немцев, чтобы не допустить перехода их земли в руки поляков при аукционе. В начальном периоде своей деятельности комиссия сумела поселить только 690 семей колонистов, из которых 333 до переселения жили в подведомственных ей провинциях. Были созданы крупные хозяйства от 20 до 120 га в соответствии с рекомендацией Бисмарка и взглядами консервативных аграрных экономистов. В этих хозяйствах использовалась главным образом польская рабочая сила. Это побудило комиссию принять иные принципы создания усадеб. Она установила три категории хозяйств: 1) так называемые полные хозяйства по 15—20 га, 2) половинные — по 5—10 га; 3) ремесленные — по 2—5 га. До 1896 г. комиссии удалось селить ежегодно по 200 семей колонистов⁴, при этом были трудности в поисках желающих переселиться из дальних западных провинций.

Только новый чиновник, кажется, Гугенберг, создал специальный аппарат в различных областях Германии для вербовки переселенцев. Были изданы брошюра и приложение к сельскохозяйственной газете, пропагандировавшие немецкую колонизацию, устраивались экскурсии в районы колонизации для кандидатов. В западной части Германии комиссия имела 127 доверенных лиц по вербовке колонистов; часть ее агентов знакомилась детально с условиями на местах, однако немногие из них были достаточно оперативными⁵.

³ Вопрос о генезисе закона 1886 г. подробно освещен: J. M a i. Die preussisch-deutsche Polenpolitik 1885—1887. Berlin, 1962, S. 109 ff.; издание комиссии: «Zwanzig Jahre deutscher Kulturarbeit 1886—1906», Berlin, 1907; см. также: J. B u z e k. Historia polityki narodowościowej rządu pruskiego wobec Polaków. Lwów, 1909, s. 191 i n.

⁴ «Zwanzig Jahre...», S. 19 ff.; J. B. M a r c h l e w s k i. Zur Polenpolitik der preussischen Regierung. Berlin, 1957, S. 33 ff.

⁵ Deutsches Zentral-Archiv in Merseburg, Rep. 87 ZB vol. 9555. Рапорт Гугенберга от 31 июля 1897 г. Министерству сельского хозяйства о вербовочной акции. Пропагандистская и информационного характера брошюра: H. S o h n g e y. Bauernland. Ein Gespräch ...über das Ansiedelungswesen in den Provinzen Posen und Westpreussen. Berlin, 1897. Такой же характер имела его книга: Eine Wanderfahrt durch die deutschen Ansiedelungsgebiete in Posen und Westpreussen. Berlin, 1897.

После 1895 г. стали прибывать уже более значительные группы переселенцев: из Вестфалии прибыло 1550 человек, из Саксонии—1370, из Ганновера — 700, из Силезии — свыше 500, из других непруских областей—около 2 тыс. человек.

Попытки поселения немецких сельскохозяйственных рабочих в районах колонизации сначала были безрезультатными, так как весьма низкая заработная плата и требуемый взнос удерживали возможных кандидатов от переселения. Лишь наплыв реэмигрантов из России увеличил эту категорию колонистов до 4400 человек. Многие из них не могли приспособиться к новым условиям самостоятельного, интенсивного, рационального хозяйства на средних усадьбах, и их переводили на мелкие, рабочие усадьбы. Только часть этих колонистов приспособилась к новой ситуации, требующей большого умения в ведении хозяйства. Конфиденциальное мнение о них президента комиссии было довольно пессимистическим, но в печати о них говорилось в похвальных выражениях ⁶.

Вначале комиссия руководствовалась своими соображениями при проведении этой весьма сложной акции, а правительство предоставляло ей свободу действий. Способный администратор и организатор, сначала советник, а потом президент комиссии, Виттенбург, закупив значительное количество земли, запущенных, впрочем, имений, вынужден был вложить в них много средств, чтобы подготовить их к парцелляции между будущими колонистами. Вероятно в это же время он подготавливал планы создания новых поселений и гмин. В течение первого десятилетия комиссия приобрела около 91 тыс. га, но смогла передать только 36 тыс. га 2040 семьям колонистов. Закупались имения, непосредственно предлагаемые комиссии для приобретения или выставляемые на аукцион, при этом уплачивалось вначале в среднем 606 марок за 1 га. Тщательно произведенная мелиорация земель, создание различных учреждений и возведение построек гминного назначения были главным достижением Виттенбурга и его сотрудников. Однако стоимость мелиорации и различного оснащения оказалась неожиданно высокой, поэтому после десяти лет первоначальный фонд начал таять. Тем более, что вначале многие колонисты нуждались в постоянной кредитной помощи, а платежи ренты были незначительными. Часть колонистов не оправдала надежд комиссии, которая вынуждена была аннулировать договоры, заключенные с ними, вследствие отсутствия у них способностей к ведению хозяйства или финансовых средств. Более того, в 1898 г. во время парламентских выборов часть колонистов заняла нежелательную позицию: голосовала за кандидатов оппозиции или совсем не голосовала, что вызвало особое негодование Гугенберга, который предлагал сделать соответствующее предупреждение этим лицам ⁷.

Между тем, практика создания крупных хозяйств, а также одновременная деятельность быдгощской Генеральной комиссии по созданию крупных рентовых имений вызвали энергичную кампанию в прессе со стороны Всегерманского союза и давление на правительство. Власти были обеспокоены также закупкой имений у немцев, что противоречило закону 1886 г. Эти спорные вопросы стали предметом оживленной переписки комиссии с министерством земледелия, дебатировались в Совете министров, на пленуме комиссии и специальных межминистерских совещаниях. На пленуме

⁶ Н. В o t h. Ibid., s. 16. Копия протокола заседания комиссии от 21 января 1897 г. WAP Poznań, Akty KK.

⁷ «Zwanzig Jahre...», S. 46. О поведении колонистов во время выборов: см. письмо оберпрезидента Виламовидца от 5 II 1899 г. (DZAM, Rep. 87 ZB, № 577) и письмо Гугенберга от 10 VI 1899 г. (Ibid.). Министр сельского хозяйства в письме от 4 VIII 1898 г. министру внутренних дел высказал мнение, что колонистам не достает соответствующих политических руководителей и что необходимо заняться этим вопросом (Ibid.).

комиссии 21 января 1897 г. отчетливо обнаружались существующие противоречия в высших административных и политических сферах, в особенности по вопросам расходов, политики закупок, размеров создаваемых хозяйств и переселения сельскохозяйственных рабочих. Консервативные деятели высказывались за создание доменов и крупных хозяйств, которые приносили бы доход казне и определенные выгоды арендаторам этих владений. Гугенберг и некоторые молодые министерские советники, близкие к национал-либеральной и всенемецкой партиям, требовали создания средних и мелких крестьянских хозяйств и хозяйств для сельскохозяйственных рабочих, не считаясь с расходами. Указывалось, что немецкие сельскохозяйственные рабочие не хотят работать на востоке за слишком низкую плату, поэтому необходимо было создать более выгодные условия для них и перспективу приобретения небольших самостоятельных хозяйств. Признавалось, что реэмигранты из России в большей части представляют собой элемент, малопригодный к ведению самостоятельных хозяйств. В дискуссии отчетливо выявилось различие взглядов на то, какая общественная сила может стать наиболее важной в укреплении немецкого влияния на востоке: консерваторы считали такой силой дворянство и бюрократию, националисты — крестьянские и рабочие массы. Что касается закупки земель у немцев, то комиссия получила условное согласие правительства на это, но в каждом отдельном случае она должна была обращаться к правительству⁸.

Для продолжения закупки земель и колонизации комиссия несколько раз получала новые дотации от прусского ландтага, благодаря сильной поддержке со стороны Всегерманского союза и Гакаты, а также проправительственных партий: национал-либеральной и двух консервативных. Но консерваторы-аграрии гарантировали поддержку лишь ценой компромисса в политике использования земель, приобретенных комиссией. В соответствии с их пожеланиями правительство дало указание о создании (с 1902 г.) так называемых остатков (Restgüter) и аренды доменов, а также относительно обеспечения кредитом обремененных долгами имений, т. е. проведении акции укрепления немецкой помещичьей и крестьянской собственности с помощью специальных фондов из бюджета, выделяемых с 1902 г. вместе с дотациями на закупку и колонизацию. Затем ландтаг предоставлял такие дотации: в 1898 г. было выделено 100 млн марок на колонизацию, в 1902 г. — 150 млн на колонизацию и 100 млн марок на закупку доменов и лесов, в 1908 г. — 125 млн на колонизацию, 75 млн на укрепление крестьянской и 50 млн на укрепление помещичьей собственности, 25 млн марок на закупку доменов.

Всего же дотации до начала войны составили: на нужды колонизации 550 млн марок, закупку доменов и лесов — 150 млн, укрепление крестьянской собственности — 175 млн и крупной собственности — 80 млн, итого 955 млн марок. Так называемое укрепление крестьянской собственности было связано обычно с заменой ее на рентную собственность, т. е. ограниченную настолько, что крестьянин не мог продать свое владение без согласия соответствующей инстанции. Это делалось с целью предотвращения продажи хозяйств полякам⁹.

Между тем деятельность комиссии с 1898 г. подвергалась непрерывной критике со стороны Всегерманского союза и гакатистов. Их влияние рас-

⁸ Протокол заседания комиссии от 21 января 1897 г. «Zwanzig Jahre...», S. 46: DZAM, Rep. 87 B, № 9505.

⁹ J. В u z e k. Ibid., s. 310 i n.; A. G a l o s. Społeczne podłoże...; E. Z e c h l i n. Die Tätigkeit der Ansiedlungskommission... Ostland, 1913, S. 198 ff. Главной причиной увеличения дотации на колонизацию был постоянный и значительный рост цен на землю — от 606 марок в 1886 г. до 1400 марок в 1907 г. W. S u k i e n i c k i. Ibid., s. 111.

пространялось даже на прусский Совет министров, где рассматривались вопросы проведения колонизации и давались разрешения на приобретение немецких имений и крестьянских хозяйств. Критиковались проведение закупок земли и способ ее использования. Стремясь предотвратить закупку земель у немцев, пропаганда осуждала немецких «предателей», по примеру польской прессы, которая критиковала поляков, продававших комиссии имения. Впрочем, немецкая критика не была эффективной, так как многие немцы были заинтересованы в продаже своих владений комиссии, желали использовать конъюнктуру, получить большую выгоду. Больше внимания националисты уделяли направлению колонизации, точнее говоря, придавали большее значение поселению крестьян и сельскохозяйственных рабочих по сравнению с арендой доменов и остатков, отвечавшей интересам аграрников-консерваторов.

Так, например, советник комиссии Гугенберг, активный деятель Всегерманского союза, вероятно, тайно и без ведома своего шефа разработал и представил председателю союза мемориал по вопросу колонизации. Он исходил из представления, что немецкой опорой на востоке является не крупная собственность, а крестьянское землевладение. Поэтому он предлагал селить здесь немецких крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Для обеспечения их землей, по его мнению, следовало бы ввести принудительный выкуп всей крупной собственности в обеих колонизируемых провинциях безотносительно к национальности их владельцев¹⁰. Открыто по этому вопросу, вероятно инспирированному Всегерманским союзом, выступил Штумпфе. Его книга была пронизана идеями воинствующего национализма, которые использовались для обоснования или усиления экономическо-политической аргументации. Автор упрекал комиссию в том, что она отдает предпочтение крупным крестьянским хозяйствам и пренебрегает средними и мелкими. Своими чрезмерно завышенными финансовыми требованиями она оттолкнула кандидатов на небольшие владения, поэтому необходимо было их снизить. Для ускорения темпа колонизации следовало строить для рабочих небольшие домики на участках, сдаваемых им в аренду. Штумпфе упрекал власти в частых персональных изменениях аппарата комиссии (о чем он мог узнать от Гугенберга), которые тормозили ее работу. Его основной вывод заключался в примате национально-политических интересов над экономическими, он призывал к увеличению дотаций государства на цели колонизации¹¹.

Комиссия была вынуждена, так же как и прусское правительство, осуществить некоторые меры компромиссного характера, чтобы удовлетворить как крикливых националистов, так и жадных аграриев. С 1898 г. она начала создавать средние хозяйства и одновременно закупала домены, передавала их в аренду лицам из среды консерваторов и создавала остатки (до 1906 г. — 32 таких хозяйства с площадью по 120 га), предназначенные для лиц той же среды. Так как националистические круги настаивали на поселении сельскохозяйственных рабочих, то после 1908 г. эта категория преобладала над крестьянами. В 1909 г. было поселено 307 семей работников, в 1910 г. — 563, в 1911 г. — 418; с 1900 до 1910 г. около 900 рабочим семьям были предоставлены участки на праве рентовой собственности, а до 1912 г. поселилось всего 1562 рабочих семьи¹².

Наряду с колонизацией предпринимались другие акции, направленные против польского населения в этих районах. Администрация и комис-

¹⁰ J. B u z e k. Ibid., s. 196 i n.; «Zwanzig Jahre alldeutscher Arbeit und Kämpfe». Leipzig, 1911, S. 115 ff.

¹¹ E. S t u m p f e. Polenfrage und Ansiedlungs-Kommission. Berlin, 1902.

¹² J. G a l o s. Społeczne podłoże..., s. 33 i n.; E. Z e c h l i n. Ibid., S. 210; «Zwanzig Jahre...», S. 57.

сия прежде всего были обеспокоены деятельностью польских парцелляционных обществ, успешно конкурировавших с колонизацией, проводимой комиссией. В 1896—1904 гг. польскими обществами была проведена парцелляция 150 524 га земли и создано на ней 35 536 небольших хозяйств, владельцами которых являлись поляки. Прусские власти были против создания такого рода хозяйств, считая их экономически несамостоятельными и рассматривая их владельцев как конкурентов немецких сельскохозяйственных рабочих. Гораздо важнее было то, что парцеллировалась земля, приобретенная у польских помещиков, которые под влиянием пропаганды, а также в силу необходимости отводили часть своей земли для парцелляции. Сверх того, польские общества приобретали много земли у немцев, так что баланс борьбы за землю начинал склоняться в пользу поляков. Поэтому по инициативе обер-президента Познанской провинции Биттера и комиссии правительство внесло в ландтаг проект закона, энергично поддержанный пропагандой гакатистов. 10 августа 1904 г. он был принят, его цель состояла в том, чтобы подорвать польскую парцелляцию. Возможность застройки вновь приобретенного участка ставилась в зависимость от решения администрации. Последняя могла отказать, если считала, что усадьба или ее застройка не отвечают требованиям закона 1886 г. о колонизации. Закон сопровождался секретной инструкцией, предписывающей не давать полякам соответствующих разрешений. Поэтому административные власти систематически отказывали в таких просьбах, а в случае обжалования их решений отвечали, что отказано потому, что пресетель является поляком. В этих условиях не было смысла приобретать незастроенные участки, и поляки покупали хозяйства немецких крестьян по все более высоким ценам; кроме того, они закупали иногда участки земли у соседних немецких хозяйств¹³.

Другим обстоятельством, очень беспокоившим комиссию и гакатистов, было уклонение поляков от продажи земли комиссии. В связи с этим оставалась возможность приобретения земли только у немцев. Закупленный комиссией ареал земли сокращался, и ее дальнейшая деятельность стала бы ненужной. Обе главные националистические организации: Всегерманский союз (уже в 1905 г.) и Гаката (в 1906 г.) развернули энергичную деятельность, направляя правительству мемориалы, требовавшие предоставления комиссии права отчуждения некоторых польских владений, чтобы она могла планомерно колонизовать большие территории. Поскольку сообщения об этом появились в националистической прессе, то польская социал-демократическая, центристская и либеральная пресса выступила с принципиальной критикой проекта такого закона, оценивая его как чрезвычайную меру. Правительство с января 1907 г. обсуждало этот проект. Министр сельского хозяйства, обосновывая его, привел данные о том, что со времени создания комиссии она закупила 68% земли у немцев и только 32% земельных угодий у поляков. Если немецкое землевладение в 1886 г. превышало польское на 78 тыс. га, то теперь его преобладание сократилось до 19 тыс. га; поскольку комиссия вскоре исчерпает запас земли и может полностью прекратиться колонизация, министр предложил обеспечить ей приобретение необходимых земель путем принудительного выкупа или отчуждения за вознаграждение выбранных ею владений. Это должно было обеспечить плановую колонизацию большой территории. В течение 1907 г. члены Всегерманского союза и Гакаты развернули необычайно шумную и демагогическую пропаганду, чтобы оказать давление на депутатов и убедить общественное мнение в том, что это необходимо для

¹³ J. B u z e k. Ibid., s. 358 i n.; W. J a k ó b c z y k. Ustawa osadnicza z 1904 r. «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu», Historia, z. 7, 1967, s. 381 i n.; K. W a j d a. Wóz Drzymały. Poznań, 1962, s. 61 i n.

интересов государства и немцев на Востоке. Берлинский лидер клуба Гакаты Рашдау секретно сообщил ее правлению, что правительство якобы доверительно выразило пожелание, чтобы Гаката выступила с требованием экспроприации польских помещиков, ибо само оно хочет иметь алиби перед оппозицией, представив дело таким образом, что этого требует «общественное мнение» (или «национальное»). Партия консерваторов усматривала в проекте такого закона нарушение «святого права собственности». В ноябре 1907 г. правительство внесло проект закона в ландтаг, где после длительных и острых споров 3 марта 1908 г. он получил силу закона, предоставлявшего комиссии право провести экспроприацию земли общей площадью до 70 тыс. га. Кроме того, ландтаг предоставил комиссии дотацию, о которой уже говорилось¹⁴. Поскольку закон вызвал много критических замечаний в прессе, не только польской (во всех трех частях Польши), но и западноевропейской, австрийской и русской, правительство под давлением депутатов центра и Австрии пока воздержалось от его применения. После распада консервативно-либерального блока правительство вынуждено было считаться с позицией депутатов центра и консерваторов. Однако члены Гакаты и Всегерманского союза энергично настаивали на введении закона в жизнь и вместе с комиссией вносили предложения об экспроприации определенных владений. Правительство очень тщательно анализировало предложения Гакаты и обоих обер-президентов. На заседании Совета министров 30 июня 1911 г. министр сельского хозяйства внес предложение о проведении выборочной экспроприации. Он полагал, что не следовало экспроприировать польские семьи, издавна владеющие данным хозяйством, и семьи, очень популярные в польском обществе. Он допускал экспроприацию недавно приобретенных хозяйств, предназначенных к продаже, и в особенности тех, которые находились в непосредственном соседстве с колониями комиссии. После переписки и обсуждения в соответствующих органах, в ходе совещания министров сельского хозяйства, финансов и внутренних дел, состоявшегося 30 сентября 1912 г., были выбраны четыре имения: Липенки, Добска, Колдромб и Прусиново, последнее позднее было заменено имением Злотники. Интересно, что министр сельского хозяйства издал 11 июля 1912 г. секретную инструкцию, запрещающую экспроприацию крестьянских хозяйств. Очевидно, правительство боялось усиления недовольства крестьянских масс, возмущенных законом 1904 г. и возбужденных большой школьной забастовкой 1906—1907 гг. Следовательно, вопрос экспроприации представлялся прусским властям гораздо сложнее, чем это изображала старая историография¹⁵.

В отчете о двадцатилетней деятельности комиссии содержатся данные о проведенной ею в это время колонизации (см. таблицу)¹⁶.

В последние 10 лет перед войной она селила ежегодно около 1500 семей, более всего в 1902—1908 гг. (по 10—12 тыс. человек). Всего до конца ее деятельности было поселено 21 886 семей (около 158 тыс. человек) на площади в 309 500 га, 48,5% колонистов составили прибывшие из западных провинций, 25 — реэмигранты, 26,5% — лица из обеих колонизируемых про-

¹⁴ «Zwanzig Jahre...», S. 277—278; «Dzieje Hakaty», Poznań, 1966, s. 258 i n.; M. P i r k o. Ibid., s. 119 i n.; A. G a l o s. Ibid., s. 43 i n.

¹⁵ M. P i r k o. Losy pruskiej ustawy wyłączeniowej. «Roczniki Historyczne», г. XXIX. Poznań, 1963, s. 75 i n. Дополнено В. Якубчиком в рецензии на эту работу, помещенной в «Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych», t. 27, г. 1965, s. 166 i n. Были экспропрированы следующие владения: Злотники (Восточно-Познаньский повят — 344 га), Колдромб (Жиньский повят — 549 га), Добско (Стшеленьский повят — 300 га), Липенки (Свецкий повят в Поморье — 500 га).

¹⁶ «Zwanzig Jahre ...», S. 54.

Таблица 1

Размер владения, га	Число хозяйств	Общая площадь, га	Колонизованная территория, %	Размер владения, га	Число хозяйств	Общая площадь, га	Колонизованная территория, %
до 1	570	334	0,15	15—20	3772	64293	29,50
1—2	610	862	0,32	20—25	1305	28931	13,29
2—3	543	1364	0,62	25—50	894	28348	13,01
3—5	643	2583	1,18	50—120	124	8555	3,92
5—10	2416	19016	8,73	более 120	32	8232	3,78
10—15	4315	55364	25,41				

винций. Среди колонистов было только 3% католиков, а огромное большинство — протестанты.

Стоимость колонизации Сукенницкий определял в 1 055 216 705 марок. Расходы комиссии были наибольшими в 1913 г., когда они составили около 77 млн марок. Естественно, что во время войны расходовалось значительно меньше, самое большее 15—20 млн. Ежегодные взносы от колонистов достигали в среднем 30 млн марок, а в сумме составили 468 661 179 марок. Следовательно, казна затратила на колонизацию и помощь немецким земельным собственникам свыше 600 млн марок¹⁷, при этом польские налогоплательщики в определенной мере оплачивали акцию, направленную непосредственно и преднамеренно против них. Эта акция с помощью экономических средств должна была осуществить политические цели — увеличить численность немецкого населения и укрепить его экономические позиции. Главная ее опасность для поляков заключалась не только в сокращении ареала польского крупного землевладения. Польские помещики при этом не лишались средств к существованию, при добровольной продаже они нередко даже спасались от разорения. Главная же опасность состояла в последствиях продажи польских имений. Приблизительно с 1900 г. члены Гакаты и Всегерманского союза предприняли усиленную акцию против использования польских сельскохозяйственных рабочих в государственных доменах и хозяйствах, управляемых временно комиссией, а также в так называемых остатках. Тогда началось настоящее вытеснение польских сельскохозяйственных рабочих немецкими. Это повлекло за собой дополнительные расходы со стороны комиссии. Польские безземельные и малоземельные крестьяне были сильно задеты упомянутым законом 1904 г., косвенно подрывавшим польскую парцелляцию. Последствия колонизации двояким образом отрицательно сказывались на положении польских крестьянских масс, хотя они и не экспроприировались. На них не распространялись законы 1890 и 1891 гг. о создании рентовых владений. Колонизация была экономическим инструментом дискриминации многочисленных польских крестьянских масс. Вся новая «окраинная политика» после 1898 г. была направлена на усиление государственной поддержки немцам в обеих колонизованных провинциях. Пресловутая «Культургебунг» служила дальнейшей германизации окраин, она приобрела типично колониальные черты, служила интересам колонизаторов на поработанных польских землях. Поэтому члены Гакаты и Всегерманского союза с такой энергией, пользуясь лживой демагогией о вытеснении немцев поляками, провозглашали и поддерживали эту политику¹⁸.

¹⁷ W. Sukiennicki. Ibid., s. 72—73; C. Falk. Die Ansiedlungskommission für Westpreussen und Posen. Berlin, 1927, S. 16 ff.

¹⁸ «Zwanzig Jahre...», S. 16. Я цитирую по собственной статье под названием «Z dziejów walki o ziemię na pograniczu...», s. 27, przyp. 8. См. Е. Рубинштейн.

Комиссия сумела основать в княжестве Познанском 218 новых поселений с 13 тыс. семей, а на Поморье 77 поселений с 6 тыс. семей колонистов (по состоянию на 1911 г.). При выборе типа поселений (первый — разбросанные усадьбы и второй — компактный поселок) комиссия остановилась на втором типе, так называемой линейной застройке с центром общественного значения (*Reihendorf mit einem Dorfkern*). Этот центр составляли кирха, школа, дом сельского управления и ремесленные мастерские. До конца 1910 г. было построено 47 церквей, 30 молитвенных домов и 50 приходов, 421 школа, 494 попечительских заведения с большими палатами. Кроме того, усиленно развивалось кооперативное движение, колонисты создали 232 сберегательные и ссудные кассы, 90 молочных заводов, 90 мелиоративных товариществ, 64 винокурни, а также 142 кооператива или сельскохозяйственных кружка взаимопомощи. Комиссия организовала различные формы профессионального обучения для детей колонистов, заботилась об организации общественной жизни¹⁹.

Помимо объективных трудностей, особенно в начале деятельности, у комиссии было немало хлопот с самими колонистами, что отчасти было следствием стремления архиепископа Стаблевского и польского духовенства заместить пастьерские должности в поселениях поляками; а с другой стороны связано с некоторыми религиозными сектами, особенно распространеными среди реэмигрантов из России. В связи с этим велись трудные переговоры с познанской курией²⁰. Другого рода пертурбации (кроме происходивших во время выборов 1898 г.) возникли в 1908 и 1909 гг. из-за недовольства колонистов созданием остатков, вылившегося в политическое движение, инспирируемое национал-либералами²¹.

В колонизации были заинтересованы аграрии-консерваторы, которые при этом получали в аренду остатки или по крайней мере во временное управление хозяйства, приобретаемые комиссией. Национал-либералы также поддерживали эту акцию, руководствуясь политическими соображениями — стремлением привлечь на свою сторону часть немецких крестьян, а также ввести во все более разрастающийся аппарат комиссии своих сторонников. Многие чиновники комиссии были членами Гакаты, которые на ее собраниях и в печати неоднократно выступали за усиление колонизации. Особенно в период правления Биттера и Вальдова в княжестве Познанском и Ягова в Поморье эти силы добились значительных успехов (закон 1904 г., закон об экспроприации и новые дотации для комиссии).

Однако несмотря на большие расходы и содействие пропаганды, комиссия не удалось в полном объеме осуществить намечаемые цели. В наиболее очевидном противоречии с целями закона 1886 г. была система закупки земли: вместо того чтобы закупать землю у поляков, комиссия большую ее часть приобрела у немцев (71%), в результате чего немецкое землевладение сократилось почти на 99 тыс. га.

В национальном отношении комиссия также не достигла желаемого эффекта. В Быдгоцкой реенции в 1900—1910 гг. немецкое население увеличилось на 1,5%, в остальных районах она, по утверждению немецкого автора, не достигла каких-либо достойных упоминания результатов. Ей удалось затормозить относительную убыль немцев в 1890—1900 гг. в

«Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX — начале XX века». М., 1953. Новой разработкой политики Пруссии, особенно в отношении окраинных городов, явилась работа: L. T r z e s i a k o w s k i. Walka o polskość miast Poznańskiego na przełomie XIX i XX wieku. Poznań, 1964. Эта работа, представляющая собой анализ прусских правительственных актов, дополняет общеправильные выводы Е. Рубинштейн. Данная статья также является дополнением ценной книги Е. Рубинштейн.

¹⁹ «25 Jahre Ansiedelung...», Lissa, 1911, S. 18 ff.

²⁰ DZAM, Rep. 87 B № 9573; Rep. 87 ZB № 577.

²¹ A. G a l o s. Społeczne podłoże..., s. 50 i n.

Познанской провинции. Но приостановить естественный отлив немцев с востока на запад комиссия не смогла, о чем свидетельствуют следующие данные: если в 1861 г. в Познанской провинции было 62,26%, а в Поморье — 67,5% немцев, то в 1910 г. соответственно 38,7 и 65,1%²².

Рассматривая результаты прусской колонизации, необходимо обратить внимание на недооцениваемые еще историографией процессы колонизационной экспансии поляков за пределы районов, населенных в основном поляками. Эта колонизация была непредвиденным для прусских властей следствием закона 1904 г. Коль скоро нельзя было польским крестьянам селиться в районе деятельности комиссии, они стихийно, а может быть, по уговору деятелей, занимающихся парцелляцией, проникали в соседние провинции: в Западное Поморье, Нижнюю Силезию и Бранденбург, а также на Мазуры. Поэтому прусские власти, а также члены Гакаты и аграрии, занятые акцией ликвидации задолженности и «укрепления» немецкой собственности на востоке Пруссии, добились издания специального закона 1912 г. относительно ее укрепления. Весьма интересной является карта распространения этой акции «укрепления», выходящей везде за пределы районов с компактным большинством польского населения. Вместе с тем карта отражала динамику польской колонизации в направлении к Одре, линия которой составляла промежуточную линию между теперешней и межвоенной западной границей Польши²³.

Деятельность комиссии противоречила естественному процессу перемещения населения на запад, как немецкого так и польского, происходившему в эпоху капитализма. Немцы обычно эмигрировали навсегда, а поляки в большей части временно. Поэтому прусская колонизаторская политика была искусственным явлением, находящимся в противоречии с закономерным историческим процессом. Даже немецкая пресса писала, что немецкое население в Познанской провинции не сможет удержаться без поддержки государства²⁴. Поэтому совершенно справедливо Мархлевский называл колонистов «людьми, находящимися на государственном обеспечении», а депутат Штробель (СД) определил дотацию из бюджета на государственную колонизацию на востоке как «огромное пособие нуждающимся аграриям»²⁵.

Одним из многочисленных примеров отношения различных немецких партий к системе чрезвычайных законов в отношении поляков была дискуссия в прусском ландтаге в связи с предложением правительства о дотации на так называемое укрепление немецкой земельной собственности на востоке. Национал-либералы и обе консервативные партии энергично поддерживали правительственный проект, оппозиция последовательно выступала против него. Прогрессист Вольф осудил проект за его направленность против одной части граждан, т. е. поляков. Другой прогрессист Пахницке указал на логическое противоречие в политике правительства, которое, с одной стороны, всегда кичится достижениями немцев на востоке, а с другой, постоянно требует все новых сумм для них. На демагогические заявления националистов о том, что будто бы весь немецкий народ поддерживал эту прусскую политику во имя национальных интересов, депутат от социал-демократии Борхардт заметил, что немецкий народ — это тру-

²² C. F a l k. Ibid., s. 16—17. А. Войтковский подсчитал, что в 1900—1905 гг. немецкое население в районах действия комиссии возросло на 0,2%. «Księga III Zjazdu Naukowego Pomorzoznawczego», Poznań-Toruń, s. 14 i n. (г. 1935).

²³ W. J a k ó b c z y k. Z dziejów walki o ziemię (mapka na s. 40—41). Среди брошюр Гакаты, посвященных этому вопросу, наиболее значительная: W i d d e r. Polnische Eroberungszüge im heutigen Deutschland und deutsche Abwehr. Berlin, 1913.

²⁴ «Pozener Tageblatt», 22 XII 1901 (№ 599).

²⁵ H. U l. W e h l e r. Sozialdemokratie und Nationalstaat. Würzburg, 1962, S. 1691; J. B. M a r c h l e w s k i, Ibid., s. 56.

дящиеся массы, а они совсем не поддерживают прусскую окраинную политику. Наконец, польский депутат Тромпчиньский после критики финансовой практики комиссии заявил, что поляки в Пруссии только защищаются от германизации: «Мы никогда не отречемся от своей национальности, ибо без нее наша жизнь не имела бы никакой ценности»²⁶.

Прусская внутренняя и внешняя политика в период империализма, как указывал В. И. Ленин, была реакционной. Те социально-политические силы, которые определяли внутреннюю политику, были вдохновителями все более жестокой политики в отношении поляков и других национальных меньшинств. Ее результаты были одинаковыми безотносительно от того, обосновывалась ли она «интересами прусского государства» или «интересами немецкого народа»²⁷. Все слои польского общества в районах по Варте, Одре и Нотеци поняли опасность прусской колонизации для национальных интересов²⁸.

Они успешно сопротивлялись анахронизму пруссачества в борьбе за язык и землю. С победой народного Великопольского восстания в 1919 г. прекратилась деятельность Колонизационной комиссии.

²⁶ W. J a k ó b c z y k. Ibid., s. 44 i p.

²⁷ О тенденции правительства использовать национализм в борьбе с поляками и социал-демократией свидетельствует циркуляр Бюлова министрам от 11 февраля 1902 г.; W. J a k ó b c z y k. Studia nad dziejami Wielkopolski, t. III. Poznań, 1967, s. 11—12.

²⁸ «Праса», 1901 г., № 29: «Польский вопрос уже сегодня имеет прочную опору в лице польского мещанина, рабочего и крестьянина».

Л. В. ЗАБОРОВСКИЙ

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И НАЧАЛО ПЕРВОЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (январь — октябрь 1655 г.)

Оценка причин возникновения русско-шведской войны 1656—1661 гг., ее места в общей системе международных отношений указанного времени, той сложной дипломатической борьбы, которая предшествовала началу этого конфликта, принадлежат к проблемам, все еще недостаточно разработанным в нашей исторической литературе. В ряде работ довольно полно освещена историографическая сторона вопроса¹, что позволяет в самой общей форме изложить основные мнения. Можно отметить три главные точки зрения по интересующему нас сюжету. Русско-шведская война была лишь эпизодом, даже отклонением от наиболее важной для XVII в. политической задачи Московского государства, т. е. борьбы за воссоединение украинских и белорусских земель, и, следовательно, противоречила национальным интересам России, тем более, что толкала страну в реакционный габсбургско-католический лагерь; в ее возникновении существеннейшую роль сыграли интриги австрийской дипломатии, антишведские проекты А. Л. Ордина-Нащокина и, возможно, широкие амбиции патриарха Никона. Таковы вкратце основные положения части работ, посвященных этому столкновению². Некоторые историки указывали, что данный конфликт имел не только политическую, но и экономическую подоплеку и был вызван борьбой за господство на Балтийском море³. При этом

¹ О. Л. В а й н ш т е й н. Русско-шведская война 1655—1660 годов (Историографический обзор). «Вопросы истории», 1947, № 3, стр. 53—72; И. В. Г а л а к т и о в. Из истории русско-польского сближения в 50—60-х годах XVII века (Андрусовское перемирие 1667 года). Саратов, 1960, стр. 4—9, 26—42; Б. Ф. П о р ш н е в. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970, стр. 43—44, 210—211, 238—243, 246, 248—249; T. N o w a k. Geneza agresji szwedzkiej. «Polska w okresie drugiej wojny północnej 1655—1660» (далее— «Polska w okresie...»), t. I. Warszawa, 1957, s. 83—88.

² В наиболее крайней форме такие взгляды выражены в книге Б. Ф. Поршнева (там же, стр. 239—243 и др.). Интересно, что некоторые элементы подобных представлений встречаются уже у современников событий. Так, шведские государственные деятели весьма усиленно распространяли в тогдашней Европе версию об ответственности императорской дипломатии за развязывание войны, что было естественно связано с их попытками организовать антиавстрийскую лигу. См., к примеру, характерные места в мемориале шведских послов в Посольский приказ от 14 X 1657 г. или в грамоте шведского короля Карла X его послам в Москве от 20 XII 1657 г. ЦГАДА, ф. Сношения со Швецией. Дела (далее — Шведские дела), 1657 г., № 3, л. 112—129; 1658 г., № 2, л. 3—30. Об отрицательном влиянии А. Л. Нащокина и патриарха Никона говорилось во время позднейших русско-шведских переговоров. С. А. Ф е й г и н а. Первый русский канцлер А. Л. Ордин-Нащокин. «Исторический журнал» 1941, № 5, стр. 40; Г. В. Ф о р с т е н. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648—1700). ЖМНП, 1898, IV, стр. 323—325; V, стр. 75—77.

³ Надо отметить, что в иностранной исторической литературе этот тезис уже давно стал общепринятым. Но он связывается обычно с доказательством того весьма спор-

одни считали, что непосредственной причиной войны была политика шведского правительства, стремившегося сколотить антирусский блок⁴, а другие отмечали, что планы московских властей были весьма широкими и предусматривали решение не только украинского, но и, частично, балтийского вопроса, в связи с чем рассматривалось более позднее русско-польское сближение⁵.

Нельзя не признать, что решение вопроса сильно затрудняется тем обстоятельством, что нет прямых и определенных свидетельств о намерениях русского правительства, и приходится довольствоваться во многом косвенными соображениями. Тем не менее, доказательное суждение вынести можно, надо лишь сделать то, что до сих пор не осуществлено — проанализировать все имеющиеся факты в совокупности. Конечно, в данной статье из-за ее объема эта задача может быть выполнена лишь частично; автор не касается темы о причинах русско-шведской войны в целом, а рассматривает только некоторые ее аспекты, ограничивая себя и хронологически временем предыстории и начальных месяцев Первой северной войны.

В первую очередь необходимо получить представление о том, какую информацию и насколько своевременно имели в Москве о шведских планах и о польско-шведских взаимоотношениях. Надо сказать, что сведения по этим вопросам поступали к русским по различным каналам (из иностранных газет, от своих и зарубежных купцов, дипломатов и т. д.), были довольно обильны и точны и приходили с относительно небольшим опозданием. Так, уже в августе — сентябре 1654 г. здесь было известно об обострении польско-шведских отношений в результате попыток поляков протестовать против перемены на шведском троне во время коронации Карла X⁶. Примерно с ноября 1654 г., но особенно интенсивно с начала 1655 г. и позже в Москву поступали сведения о широких военных приготовлениях шведов⁷ и об их вероятных оперативных планах нападения на Западную и Восточную Пруссию⁸, блокады Гданьска, чрезвычайно важной для шведов и в финансовом отношении, поскольку сбор пошлин с приходящих к этому городу торговых судов позволял Карлу Густаву существенно пополнить свою скудную казну⁹; вторжения в польскую Прибалтику и

ного положения, что шведское нападение на Польшу имело целью лишь захват балтийского побережья и предотвращение дальнейших успехов московских войск в Речи Посполитой. F. F. Carlson. *Geschichte Schwedens*, Bd. IV, Gotha, 1855, S. 31—36, 81; В. Кентгсхынскы. *Karl X Gustaw inför krisen i öster 1654—1655*. «Karolinska Förbundets Årsbok. 1956», Stockholm, s. 7—140. См. и Г. В. Форстен. Там же, II, стр. 228—230.

⁴ И. В. Галактионов. Там же, стр. 37—41; Э. Д. Рухманова. *Борьба России за выход в Балтийское море в 1656—1661 годах*. Канд. дисс. Рукопись. Л., 1954, стр. 42—149; Z. Wójcik. *Polska i Rosja wobec wspólnego niebezpieczeństwa szwedzkiego w okresie wojny północnej 1655—1660*. «Polska w okresie ...», t. I, s. 331—340.

⁵ О. Л. Вайнштейн. Там же, стр. 70—72; его же. *Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII в.* Уч. зап. ЛГУ, № 130. Сер. истор. наук, вып. 18. Л., 1951, стр. 157—184. Ср. мнение шведских политиков того времени о причинах вступления России в войну. Г. В. Форстен. Там же, IV, стр. 322—323, 331, 340—345.

⁶ Шведские дела, 1654 г., № 1, л. 137—139. Коронация происходила 16 VI 1654 г.

⁷ Шведские дела, 1654, г., № 3, л. 141—142; 1655 г., № 1, л. 25—26, 82, 87—88.

⁸ Приблизительно с марта 1655 г. Шведские дела, 1655 г., № 1, л. 7, 30, 49—50, 78—79.

⁹ Во всяком случае не позже, чем с марта 1655 г. Шведские дела, 1655 г., № 1, л. 7, 30, 49—50, 78—79. См. и более позднее сообщение русского посольства к императору. «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных» (далее — «Памятники — ...»), т. III. СПб., 1854, стр. 247—248. В свете сказанного очень характерно, что всего два дня спустя после приказа о блокаде Гданьска, 20 VIII 1655 г., Карл X занял 100 тыс. рейхсталеров под еще не собранные пошлины. F. Carlson. *Ibid.*, s. 85—93.

в Литву¹⁰. Более того, в июне 1655 г. уже знали о первоначальном намерении шведов начать боевые действия в мае этого года¹¹. Приблизительно в начале мая 1655 г. располагали сведениями о провале миссии А. Морштына в Стокгольме, имевшей целью нормализовать отношения Речи Посполитой со Швецией¹², несколько позже — о политических решениях риксдага, утвердившего предложение Карла X о войне с Польшей¹³ и т. д. В целом, представляется совершенно бесспорным, что уже в первые месяцы 1655 г. вся получаемая в Москве информация заставляла русское правительство прийти к выводу о том, что его расчеты на возможность нейтрализации Швеции в русско-польской войне не осуществились¹⁴. Приходилось считаться с опасностью шведского нападения на Речь Посполитую, как с вполне реальным фактом¹⁵. Что же предприняли в связи с этим московские руководители? Уже во время первой летне-осенней кампании 1654 г., т. е. до вторжения шведов в Польшу, существенное значение придавалось, в частности, действиям в Белоруссии, особенно в бассейне Западной Двины, а также, частично, и в Лифляндии¹⁶. В Москве отлично понимали, насколько именно это направление деятельности русских войск было неприятно для шведов и вызывало их серьезные опасения¹⁷. А при подготовке к следующей кампании¹⁸, когда для московских политиков перестали быть секретом шведские намерения относительно Речи Посполитой, этому району уделили еще большее внимание. В самом деле, военные планы русских предусматривали концентрацию основных сил для действий на территории Белоруссии и Литвы с главной задачей с двух сторон, от Лук Великих и через Борисов — Минск, ударить на Вильно, с последующим продвижением к Ковно, Гродно и Бресту¹⁹. В случае успеха открывалась дорога как в глубь Польши, так и к балтийскому побережью, тем более, что предполагалось занять польскую часть Ливонии с ее цент-

¹⁰ Некоторые, хотя и путанные сведения на этот счет поступали уже с конца 1654 г., но более определенные — примерно с мая 1655 г. Шведские дела, 1654 г., № 3, л. 141—142; 1655 г., № 1, л. 25—26, 49—50, 87. Данными о возможности перехода литовского великого гетмана Я. Радзивилла под шведский протекторат располагали еще осенью 1654 г. А. Н. М а л ь ц е в. Военные действия русских войск в Белоруссии и Литве летом 1655 г. Краткие сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР, 1954, № 13, стр. 59.

¹¹ Шведские дела, 1655 г., № 1, л. 49—50.

¹² Там же, л. 25—26, 76—79. А. Морштын прибыл в шведскую столицу 20 I 1655 г. Неудача его посольства выявилась уже в феврале-марте 1655 г. См. A. v o n W a l e w s k i. Geschichte Leopold's I und der heiligen Ligue. 1657—1700, Th. 2, Abth. I. Krakau, 1861, Beilage № XXVII.

¹³ Шведские дела, 1655 г., № 1, л. 30, 76—77, 82.

¹⁴ Л. В. Заборовский. Начало русско-польской войны и дипломатические контакты России с Австрией, Бранденбургом и другими европейскими державами (конец 1653 г.— январь 1655 г.). «Исследования по славяно-германским отношениям». М., 1971, стр. 304—305, 309—310, 320.

¹⁵ Разумеется, русские знали о некоторых фактах дипломатического порядка и о военных планах Карла-Густава, но не о тех целях, которые ставили перед собой шведы, начиная войну против Польши. Это надо учитывать при оценке дальнейшего хода событий.

¹⁶ О. Л. В а й н ш т е й н. Экономические предпосылки..., стр. 180—183; А. Н. М а л ь ц е в. Первый этап русско-польской войны за освобождение Украины и Белоруссии. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век». М., 1955, стр. 480—487.

¹⁷ См., к примеру, соответствующие места из известного письма царя Алексея Михайловича А. С. Матвееву от 2 II 1655 г. С. М. С о л о в ь е в. История России с древнейших времен, кн. V. М., 1961, стр. 641.

¹⁸ Эта подготовка началась еще с осени 1654 г., но особенно интенсивно — с начала 1655 г. Указ о походе издан 20 III 1655 г., войска двинулись в мае 1655 г. А. Н. М а л ь ц е в. Первый этап..., стр. 487, 490—492.

¹⁹ А. Н. М а л ь ц е в. Первый этап..., стр. 490—492.

ром Динабургом²⁰. Конечно, такой план, при его удаче, существенно усиливал русские позиции не только в Речи Посполитой, но и в Прибалтике, что было весьма существенно как раз в условиях приближающегося шведского нападения на Польшу.

Обратимся теперь к анализу фактов несколько иного порядка, а именно из сферы дипломатических взаимоотношений.

Первый из них — вопрос о Курляндии, вставший в первые месяцы 1655 г. как в прямых переговорах герцога Якова с Москвой относительно нейтрализации этой территории в русско-польской войне²¹, так и в рамках русско-шведских отношений. Остановимся подробнее на последних. Еще в августе 1654 г. Карл X направил в Москву асессора Удде Эдла с известием о своем вступлении на престол, с предложением подтвердить Столбовский договор и с этой целью обменяться посольствами²². Для нашей темы важна дополнительная грамота короля от 28 X 1654 г., посланная к Эдла с гонцом²³. В ней Карл Густав заявлял, что никоим образом не будет вмешиваться в польско-русский конфликт и гарантирует благожелательное отношение к России, а также — и это было центральной частью грамоты — просил не трогать владений курляндского герцога, т. е. ставил тот же вопрос о нейтрализации Курляндии, который позднее выдвинул сам герцог Яков²⁴. Чтобы понять действительный смысл всей этой акции, надо вспомнить, что существенной частью всех шведских планов было стремление помешать развитию возможного русского наступления в сторону Курляндии и поставить ее под свой контроль: в секретной инструкции Карла X генерал-губернатору Лифляндии Густаву Горну от 1 VIII 1654 г. предлагалось вступить в переговоры с курляндским герцогом, чтобы склонить его к переходу в шведское подданство в случае угрозы со стороны московских армий²⁵; в письмах короля и канцлера Эрика Оксеншерны Г. Горну соответственно от 3 и 5 I 1655 г. сообщалось, что активные русские операции вблизи Курляндии и тем более на ее территории должны вызвать очень серьезное противодействие шведов, совершенно необходимое и в экономическом, и в стратегическом смысле²⁶. Ясно, что и указанная выше грамота от 28 X 1654 г. находилась в рамках тех же шведских расчетов, только прикрытых внешней дружественностью.

Но в Москве отлично разобрались в подлинных целях обращения стокгольмского двора. Правда, в ответной грамоте царя от 30 I 1655 г. формально давалось согласие на нейтрализацию Курляндии, но с условием, что

²⁰ Там же, стр. 491. Грамота А. Л. Нащокину (в ответ на его предложение от декабря 1654 г.) о действиях под Динабургом от 24 I 1655 г. (дата получения). Имелось в виду направить сюда довольно значительные силы, однако фактически здесь оказалось очень мало войск, что и предопределило неудачу попытки занять Динабург (Шведские дела, 1655 г., № 1, л. 1—4). Думается, что это было немаловажным просчетом русских властей, недооценивших возможность шведских действий в данном районе. И. Г а л а к т и о н о в, Е. Ч и с т я к о в а. А. Л. Ордин-Нащокин, русский дипломат XVII в. М., 1961, стр. 37—39.

²¹ Речь идет о переговорах, начатых посольством М. Гасса. Грамота герцога от 23 II 1655 г. с такой просьбой; ответная грамота царя от 20 III 1655 г. с согласием не переходить курляндские границы при условии прекращения всякой помощи полякам. ЦГАДА, ф. Сношения с Курляндией. Дела (далее — Курляндские дела), 1655 г., № 1, л. 17—23 (Контакты по этому вопросу продолжались и в апреле — августе 1655 г.).

²² Первая грамота короля от 10 VIII 1654 г. Посланник принят 17 I 1655 г. Шведские дела, 1654 г., № 4.

²³ Получена адресатом в первой половине января 1655 г.

²⁴ Шведские дела, 1654 г., № 4, л. 145—149.

²⁵ F. F. C a r l s o n. Ibid., S. 35; A. v o n W a l e w s k i. Ibid., S. 328.

²⁶ В. К е n t r s c h y n s k y j. Ibid., s. 70—74. Имелась в виду и возможность взять под покровительство прилегающую к Курляндии часть Литвы.

герцог впредь не будет помогать полякам²⁷. Фактически эта оговорка, использованная и в отмеченной ранее грамоте царя герцогу Якову, означала замаскированный отказ²⁸, поскольку абсолютно исключить всякое участие курляндцев в войне герцог не мог, да и как практически можно было проверить обоснованность подобных обвинений?²⁹ Итак, можно сделать вывод, что русская дипломатия в это время предпочитала оставить вопрос о судьбе Курляндии открытым.

Следующий факт из области внешнеполитических взаимоотношений Московского государства, который нам предстоит разобрать — это неудавшееся посольство в Гданьск³⁰. Еще до начала польско-шведской войны³¹ 22 VI 1655 г., была составлена царская грамота жителям Гданьска. В ней содержалось предложение принять русское подданство³², а взамен давалось обещание утвердить все имеющиеся у города права и, кроме того, «жаловать, защищать и оборонять свыше королевского величества». Для конкретных переговоров в царский лагерь приглашались «лучшие люди»³³. Грамоту должен был передать специально для этой цели выбранный посадский человек из Пскова, причем пробраться туда он должен был тайно, в качестве кушца, но вручить грамоту публично, «не тайным обычаем».

Безусловно, эта попытка договориться с магистратом Гданьска должна быть рассматриваема в рамках русско-польской войны. Но охарактеризовать ее только так будет совершенно недостаточно. Чтобы правильно оценить значение этого шага московской дипломатии, надо припомнить сказанное ранее о широкой информированности русских относительно шведских планов, направленных против Речи Посполитой. То, что блокада Гданьска занимала в этих планах очень существенное место, в частности и в связи с крайне важным для Карла X вопросом о дальнейшем финансировании войны, отлично знали в Москве (см. выше). В этой связи вся русская акция приобретает совсем иное звучание. В самом деле, в конкретных условиях конца июня 1655 г., когда шведские войска стояли у порога Польши, кого могла иметь в виду обещанная Гданьску защита? Конечно, прежде всего именно шведов. Русские дипломаты довольно искусно подошли к своей задаче: выбрав более гибкую формулу о «подданстве» вместо «вечного подданства», т. е. прямой инкорпорации в состав Московского государства, они сохранили возможность дальнейших переговоров на достаточно широкой базе, вплоть до заключения временного соглашения о гарантии независимости города. Собственно говоря, даже простое появление в Гданьске русского посланца и намеченное публичное сообщение о привезенных им предложениях, предусматривавших

²⁷ Грамота получена в Стокгольме 15 III 1655 г. Шведские дела, 1654 г., № 4, л. 150—187; ДАИ, т. 6. СПб., 1857, стр. 437—443. Кстати, это формальное согласие дало русскому правительству основание в последующих переговорах сослаться на него, как на проявление благожелательного отношения и к Курляндии, и к Швеции. Курляндские дела, 1655 г., № 3, л. 22—26; Шведские дела, 1655 г., № 6, л. 30—42.

²⁸ Кстати, именно так оценил ответ Карлу X сам царь Алексей Михайлович в уже отмеченном ранее письме А. С. Матвееву от 2 II 1655 г. С. М. С о л о в ь е в. Там же, кн. V, стр. 641.

²⁹ В таком духе писал и герцог Яков Алмазу Иванову 4 V 1655 г. Курляндские дела, 1655 г., № 2, л. 1—5.

³⁰ Этот эпизод до сих пор не рассматривался в исторической литературе подробно, не ставился в связь со всей русской политикой в середине 1655 г., а иногда оценивался не совсем верно (см. Э. Д. Р у х м а н о в а. Там же, стр. 113—114).

³¹ Шведские войска с Левенгауптом высадились в Риге 24 VI 1655 г. и взяли Динабург 11 VII; армия А. Виттенберга перешла польскую границу 21 VII.

³² Представляется существенным, что содержавшаяся в первоначальном тексте формулировка о «вечном подданстве» была заменена на менее обязывающую — «подданство».

³³ ЦГАДА, ф. Сношения с Польшей. Дела (далее — Польские дела), 1655 г., № 6, л. 1—3.

дальнейшие контакты, крайне затрудняли для шведов любые враждебные действия против города, ибо в таком случае царские власти вполне могли квалифицировать их, как недружественные и по отношению к России.

Таким образом совершенно очевидна вполне определенная антишведская направленность обращения к Гданьску. Это был весьма ловкий ход, но увя, несколько запоздалый, тем более, что и соответствующую грамоту в Псков направили лишь спустя более чем две недели, 8 июля³⁴. Для этой миссии там выбрали одного из представителей верхушки псковского посада, тесно связанного как с внутренней, так и с прибалтийской и шведской торговлей, Никиту Иевлева³⁵. Он выехал в Ригу 23 VII, а 14 VIII и вторично 4 IX сообщил, что пробраться в Гданьск ни сушей, ни морем невозможно из-за шведских и бранденбургских войск и морской блокады города, и поэтому вернулся назад³⁶.

Наконец, следует коснуться еще одного обстоятельства. В исторической литературе высказывалось мнение, что одной из причин, вызвавших русско-шведскую войну, были прямые контакты стокгольмского двора с Б. Хмельницким³⁷, а в старых украинских работах нередко встречались различные спекуляции вокруг будто бы постоянного отказа московских властей разрешить эти контакты³⁸. Действительно, в 1653 г.³⁹ и в начале июля 1655 г.⁴⁰ через Москву не пропустили казацкие посольства в Швецию. Однако до сих пор не оценен тот весьма примечательный факт, что поездка в Стокгольм известного игумена Даниила-афинянина вместе с гетманским представителем в 1654 г.⁴¹, уже после воссоединения Украины, была осуществлена с согласия и при поддержке русского правительства⁴².

Не будет слишком смелым вывод, в частности, и на основе относящихся к каждому из указанных посольств материалов, что во всех случаях решение Москвы определялось соображениями чисто политического характера. И если в первых числах июля 1655 г. отклонили настоятельные просьбы чигиринских руководителей о пропуске их посольства к Карлу X, которое должно было вести переговоры о координации антипольских действий, то это является одним из свидетельств общего курса русской дипломатии в эти дни.

Все рассмотренные выше факты позволяют утверждать, что московские власти, бесспорно, не желали вмешательства шведов в шедшую на территории Речи Посполитой войну, а в случае такого невыгодного развития событий стремились в максимальной степени ограничить возможный район действий шведских войск, особенно в Литве и в Прибалтике.

³⁴ Польские дела, 1655 г., № 6, л. 6.

³⁵ Е. В. Чистяков а. Псковский торг в середине XVII в. «Исторические записки», № 34, М., 1950, стр. 210, 224, 226.

³⁶ Польские дела, 1655 г., № 6, л. 8—11; Шведские дела, 1655 г., № 1, л. 152.

³⁷ Z. W ó j s i k. Ibid., s. 337—339.

³⁸ М. Грушевський, Історія України — Руси, т. IX. Київ, 1928—1931, стр. 500—502, 545—547, 916—918, 1073—1074, 1078—1081.

³⁹ В начале апреля — мае 1653 г. «Воссоединение Украины с Россией». Документы и материалы в трех томах, т. III. М., 1953, стр. 256—287, 304, 314.

⁴⁰ «Документи Богдана Хмельницького. 1648—1657». Київ, 1961 (Далее — «Документи...»), стр. 426—429.

⁴¹ Грамоты в Швецию об отправке посольства от 8 VII 1654 г., а в Москву относительно пропуска его — от 18 VII. Аудиенция у Карла X — 9 XI. «Документи...», стр. 363—365, 369—371; В. К е n t r s c h u n s k y j. Ibid., s. 12.

⁴² Грамота из Посольского приказа о немедленном пропуске посланников получена в Новгороде Великом 12 IX 1654 г., а 5 X пришло сообщение, что они поехали из Ругодова в Стокгольм. Шведские дела, 1654 г., № 1, л. 144—145.

Ближайшие после вторжения шведов в Польшу месяцы, июль — сентябрь 1655 г., принесли дальнейшее обострение русско-шведских противоречий⁴³.

Надо сказать, что русское правительство очень быстро получило известия о развитии конфликта: собственно говоря, уже концентрация шведских войск в Прибалтике⁴⁴ была достаточно явным показателем; в конце июня располагали еще более определенными сведениями о намерениях Карла Густава⁴⁵, а в середине и в конце июля знали о шведских успехах в Лифляндии, о переходе Великой Польши под протекторат Карла X, как и о возможности аналогичного шага со стороны литовского великого гетмана Я. Радзивилла⁴⁶. И реакция московских властей последовала незамедлительно: в течение июля — августа 1655 г. русские войска развернули широкие операции на территории Белоруссии и Литвы и быстро заняли Минск, Вильно, Ковно и Гродно, выйдя к Неману⁴⁷. Необходимо подчеркнуть важность этого успеха⁴⁸ и вот почему. Хорошо известно, что оперативный план шведского короля⁴⁹ в качестве очень существенной интегральной части предусматривал захват польских Инфлянт и возможно большей территории Литвы, во всяком случае до линии Ковно — Гродно — Вильно. При этом предусматривался целый ряд стратегических и политических целей. Во-первых, обеспечивалась взаимосвязь с основными шведскими силами, действовавшими в Великой Польше, создавался как бы единый фронт, прикрывавший Лифляндию, Курляндию и вообще все балтийское побережье от возможного проникновения русских войск, что считалось чрезвычайно важной задачей. Кроме того, в связи с походом армии Карла Густава в глубь Польши, вслед за отступающими войсками Яна Казимира, первостепенное значение приобретал захват Западной Пруссии⁵⁰: таким путем не только отрезалась Восточная Пруссия, благодаря чему создавался дополнительный источник давления при переговорах с бранденбургским курфюрстом⁵¹ и срывался его план перевести

⁴³ В данное время это не было вызвано враждебными намерениями Швеции, направленными непосредственно против России, наоборот, Карл X хотел сохранить дружественные отношения между двумя государствами (см. к примеру, инструкцию короля Магнусу Делагарди 10 VI 1655 г. Г. В. Ф о р с т е н. Там же, II, стр. 230—231). Более того, шведский король не исключал и возможности соглашения обеих держав на базе раздела занятых польских земель, но, как показывает секретный мемориал Карла Густава своим послан в Москву от 13 VII 1655 г., при всех предлагаемых вариантах Прибалтика, Литва и значительная часть Белоруссии должны были попасть в шведские руки. Г. В. Ф о р с т е н. Там же, стр. 231—236. Ср. и сказанное ниже об оперативных планах шведов.

⁴⁴ Об этом было известно с марта 1655 г. А. Н. М а л ь ц е в. Международное положение Русского государства в 50-х годах и русско-шведская война 1656—1658 гг. «Очерки истории СССР...», стр. 492.

⁴⁵ Так, в отписке из Новгорода В. от 23 VI 1655 г. (дата получения) говорилось о полученной еще 9 VI от русских разведчиков за рубежом информации о предстоящем вскоре вторжении шведов в Польшу и Литву; в письмах шведского асессора фон Бюлова А. Л. Нащокину от 24 и 25 VI не только подтверждались эти данные, но и проявлялся весьма прозрачный интерес к русским действиям в бассейне Западной Двины и в направлении Вильно. Шведские дела, 1655 г., № 1, л. 40—42, 49—50, 138—141.

⁴⁶ Шведские дела, 1655 г., № 1, л. 52—53, 112—116.

⁴⁷ А. Н. М а л ь ц е в. Первый этап..., стр. 493—494.

⁴⁸ Этот момент уже отмечался в советской исторической литературе, хотя и не с полной аргументацией. В частности, указывалось на антирусское острие шведских планов, но игнорировались другие их аспекты. О. Л. В а й н ш т е й н. Экономические предпосылки..., стр. 182—183.

⁴⁹ Вопрос этот подробно разработан шведскими историками. F. F. C a r l s o n. Ibid., s. 35—105; B. K e n t r s c h u n s k y j. Ibid., s. 70—76, 91—101, 109—112, 116—130.

⁵⁰ F. F. C a r l s o n. Ibid., s. 98—99.

⁵¹ Эти переговоры интенсивно шли и до начала Первой северной войны, и позже. См., например, «Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich

значительную часть своих сил в Кенигсберг⁵², но и становились беспредметными опасные для шведских интересов контакты между Фридрихом Вильгельмом Бранденбургским и западнопрусскими сословиями и городами⁵³. Насколько существенными считал все эти обстоятельства Карл X, видно хотя бы из того факта, что вызвавший его недовольство своей медлительностью генерал-губернатор Лифляндии фельдмаршал Г. Горн был снят со своего поста⁵⁴ и заменен М. Делагарди⁵⁵.

Надо сказать, что планы московского правительства отнюдь не ограничивались занятием Литвы: они были значительно более широкими и предусматривали поход всех армий к главным городам Речи Посполитой⁵⁶. Собственно говоря, эта программа была частично сформулирована уже в грамоте в Псков от 8 июля 1655 г.⁵⁷, в одном письме царя от 22 VII говорилось о предстоящем вскоре марше к Варшаве⁵⁸, а несколько позднее, в начале августа, патриарх Никон писал Алексею Михайловичу о необходимости занять Варшаву, Краков и всю Польшу⁵⁹.

С учетом всех этих планов следует рассматривать и программу, выдвинутую московским правительством при первых контактах с рядом ведущих литовских магнатов⁶⁰, проявивших соответствующую инициативу⁶¹. Уже 25—26 VII 1655 г. влиятельный деятель, епископ виленский Г. Тышкевич обратился письменно к командующим русско-казацких армий в Литве с предложением мира, указывая на предстоящее посредничество императорских послов между Россией и Польшей и выдвигая идею перемирия до их приезда⁶². Несколько позже, 5 VIII, Г. Тышкевич и повторно вместе с литовскими гетманами Я. Радзивиллом и В. Госевским от лица всего Великого княжества Литовского послали в царский лагерь два письма сходного с предыдущими содержания (дополнительно в них говорилось о желательности совместных действий против «общего неприятеля», т. е.

Wilhelm von Brandenburg (далее — U. A.), Bd. VI. Berlin, 1872, S. 665—672; Bd. VII, Berlin, 1877, S. 360, 378—395, 454—461, 501—536; Bd. XXIII, Th. 1, Berlin, 1929, S. 170—172, 179—201, 207—236.

⁵² U. A., Bd. VII, S. 336—356. Этот план был осуществлен курфюрстом в сентябре 1655 г.

⁵³ U. A., Bd. VI, S. 694, 697—699; Bd. VII, S. 336—356, 361, 369, 371—373.

⁵⁴ В. К е н т р с ч у н с к у j. Ibid., S. 116—130.

⁵⁵ Правильно — Де ла Гарди, но я сохраняю употребительное в нашей литературе написание.

⁵⁶ В этой связи показательно, что русские дипломаты в это время никак не реагировали на настойчивое предложение императором своего посредничества между Московским государством и Польшей. Л. В. З а б о р о в с к и й. Там же, стр. 318—319.

⁵⁷ Польские дела, 1655 г., № 6, л. 6.

⁵⁸ «Письма русских государей и других особ царского семейства. V. Письма царя Алексея Михайловича». М., 1896, стр. 42. Кстати говоря, один русский отряд подошел к Варшаве за несколько дней до вступления туда шведов. F. C a r l s o n. Ibid., s. 97.

⁵⁹ С. М. С о л о в ъ е в. Там же, кн. V, стр. 647—648.

⁶⁰ Естественно, проблема русско-литовских переговоров во второй половине 1655 г. нуждается в специальном рассмотрении и сейчас может быть затронута лишь в самом общем виде.

⁶¹ В исторической литературе этот вопрос нередко излагается неточно: опираясь на данные Ст. Медекши (Stefana Franciszka z Proszcza Medekszy... Księga pamiętnicza wydarzeń zasłuch na Litwie 1654—1668. Kraków, 1875, s. 3, 13—27) и на работу С. М. Соловьева (там же, кн. V, стр. 646—650), эти контакты возводят обычно к посольству В. Н. Лихарева к литовским гетманам в конце августа — начале сентября 1655 г. См. например, М. G a w l i k. Projekt unii rosyjsko-polskiej w drugiej połowie XVII wieku. Lwów, 1909, s. 6—7; L. K u b a l a. Wojna brandenburska i najazd Rakocznego w roku 1656 i 1657. «Szkice Historyczne», ser. V, Lwów — Warszawa, 1917, s. 28—29; Z. W ó j c i k. Ibid., s. 341—343. Но фактически дело обстояло иначе.

⁶² Польские дела, 1655 г., № 10, л. 2—6.

шведов)⁶³. Следует учесть, что все эти документы составлялись в момент активных шведско-литовских переговоров⁶⁴. Надо сказать, что общая оценка политики Литвы в сложной обстановке конца июля — середины августа 1655 г. принадлежит к числу проблем, все еще не ясных и вызывающих споры в исторической литературе⁶⁵. Во всяком случае, часть литовских руководителей пыталась, особенно до начала штурма русскими Вильно, обезопасить Литву путем соглашения либо с М. Делагарди, либо с боярами, но не сепаратного характера, а с учетом интересов и польского короля⁶⁶.

Однако в тот момент реакция русских на эти попытки была отрицательной: в двух царских грамотах боярам от 7 и 8 VIII 1655 г. давалось распоряжение предложить Литве перейти в русское подданство⁶⁷. Бесспорно, в рамках казавшегося еще реальным плана широкого вторжения в Польшу, о котором говорилось выше, такой ответ был вполне естественным.

Итак, вступление Швеции в войну резко активизировало действия русских, имевшие целью занять до прихода шведов не только Литву, но и в перспективе собственно польские земли. Осуществляя в большой спешке все эти военные мероприятия, московские власти, естественно, имели в виду не только своего непосредственного противника — поляков, но и старались обеспечить себе возможно более выгодные позиции и по отношению к шведам.

Выход русских войск на линию Немана был сильным ударом для шведских планов, а необходимость добиться какой-то стабильности положения в занятой части Литвы, в создавшихся условиях не легко осуществимая, заставила М. Делагарди задержаться здесь до конца октября 1655 г. Все это оказало весьма существенное влияние на весь ход последующих событий и в Пруссии, и в Польше.

Однако целиком осуществить хотя бы основную часть задачи, т. е. занять всю Литву, русскому правительству не удалось. В этих условиях наступление московских армий принесло и определенный отрицательный эффект, усилив позиции тех литовских деятелей (прежде всего Я. и Б. Радзивиллов), которые благоприятно относились к идее перехода в шведское подданство, и ускорив переговоры по этому вопросу. Шведско-литовский договор в Кейданах⁶⁸, с точки зрения этих кругов, означал объединение со шведами на активно антирусской основе и в будущем мог быть использован для возвращения потерянных на востоке земель. Характерно, что сразу после заключения прелиминарного согла-

⁶³ Там же, л. 7—9, 34—39. Содержание этой переписки до сих пор не рассматривалось полно, что приводило к ошибкам в оценке ее. См., например: А. Н. М а л ь ц е в. Военные действия..., стр. 58—60.

⁶⁴ См. «Akta ugody kiejdanskiej 1655 roku» pod. W. Konopczyński, K. Lepszy w «Ateneum Wileński», R. 10, 1935 (далее — «Akta ugody...»), s. 174—179.

⁶⁵ См., в частности, H. W i s n e r. Dysydenci litewscy wobec wybuchu wojny polsko-szwedzkiej (1655—1660). «Odrodzenie i reformacja w Polsce», t. XV. Warszawa, 1970, s. 128—142.

⁶⁶ Есть сведения, что инициатива переговоров с Москвой исходила от Яна Казимира. M. V o r b e k - L e t t o w. Skarbnica pamięci.... Wrocław, 1968, s. 232—235. Следует также учесть, что в среде литовских магнатов имелись разногласия в определении курса, он отнюдь не был четко прошведским. Ср. и «Akta ugody...», s. 184—187.

⁶⁷ Польские дела, 1655 г., № 10, л. 20—32, 53—65, 69—73 (третья, более поздняя грамота не датирована, есть лишь проект).

⁶⁸ Предварительный обмен статьями договора — 10 VIII 1655 г., подтверждение в Кейданах — от 18 VIII, окончательно договор принят 20 X. «Akta ugody...», s. 175—193, 201—220.

шения новые союзники попытались предотвратить дальнейшие успехи русских войск в Литве⁶⁹, но опоздали⁷⁰.

Кейданский договор стал существенным этапом и в русско-шведских отношениях, высказывалось даже мнение, что это был поворотный этап⁷¹. Последнее представляется вполне вероятным⁷², только, очевидно, следует говорить не об одном договоре, но и о неудаче всех обрисованных выше расчетов царских политиков⁷³. Примерно к середине августа 1655 г. из-за шведских успехов определилась невозможность осуществления русской программы в целом и московскому правительству пришлось не только отказаться от всех намеченных ранее планов⁷⁴, но и определить свое отношение к Швеции уже в качественно иной ситуации, когда она заняла большую часть Польши.

В этих условиях происходит новое изменение политического курса русских. С одной стороны, усиливается его антишведская направленность. Вот некоторые факты. Уже во время посольства В. Н. Лихарева к обоим литовским гетманам в конце августа — начале сентября 1655 г.⁷⁵, как и позднее, в сентябре⁷⁶, затрагивался с обеих сторон и вопрос о мире между Россией и Речью Посполитой при посредничестве императора; именно тогда польный гетман В. Госевский говорил о возможности присоединения ряда земель Речи Посполитой к Московскому государству, как цене за урегулирование взаимоотношений между Россией и Польшей⁷⁷. В середине сентября — начале октября 1655 г. отправленный к В. Госевскому и ко всей шляхте постельничий Ф. М. Большой-Ртищев⁷⁸ весьма активно и уже в конкретном плане трактовал о мире и его вероятных условиях с новым фактическим великим гетманом литовским П. Сапегой⁷⁹. Эта линия была продолжена посылкой от П. Сапеги и сенаторов при нем к царю подстолия гродненского С. Лядовичского⁸⁰ и т.д.

Одновременно в начале сентября 1655 г. с русской стороны шведам был сделан ряд заявлений, в которых, собственно, говорилось о необхо-

⁶⁹ Уже 11 VIII М. Деллагарди сообщил Я. К. Черкасскому и А. Л. Нащокину о шведских успехах в Речи Посполитой и в довольно угрожающем тоне потребовал признания перехода части Литвы в новое подданство, причем имелись в виду и те литовские земли, которые только примут протекцию Карла X, хотя бы там и не было шведов; 18, 19 и 31 VIII М. Деллагарди, Г. Левенгаупт и Я. Радзивилл выдали так называемые «оберегательные листы» от царских войск ряду литовских городов и поветов, в том числе и Ковно с поветом, и направили в них небольшие отряды. Шведские дела, 1655 г., № 3, л. 113—119, 171, 174—176; № 8, л. 7—17, 25—26. Кстати, о содержании договора в Кейданах сообщил примерно 26 VIII и гонец к курляндскому герцогу подьячий Я. Поздышев. Курляндские дела, 1655 г., № 3, л. 66—68.

⁷⁰ Вильно взят русскими 10 VIII, Ковно 16 VIII, а Гродно — в конце месяца. А. Н. М а л ь ц е в. Первый этап..., стр. 493—494.

⁷¹ Э. Д. Р у х м а н о в а. Там же, стр. 127—128. Не могу, однако, согласиться с мыслью автора, что договор этот показал стремление Карла X к войне с Россией. Приведенные для доказательства этого тезиса факты недостаточны и частью сомнительны.

⁷² Ср. в этом смысле впечатления шведских послов в России. Г. В. Ф о р с т е н. Там же, II, стр. 246—247. См. и комментарии А. Л. Нащокина к тексту договора. Польские дела, 1655 г., № 13, л. 1—18.

⁷³ Ср. и Г. В. Ф о р с т е н. Там же, II, стр. 263, 266—268. Кроме того, необходимы определенные хронологические уточнения (см. далее).

⁷⁴ А. Н. М а л ь ц е в. Первый этап..., стр. 494.

⁷⁵ Грамота боярам об отправке В. Н. Лихарева от 24 VIII, верющие — от 27 VIII. Вел переговоры с 30 VIII по 7 IX, отпущен гетманами 8 IX, вернулся 11 IX.

⁷⁶ S. F. M e d e k s z a, Ibid., s. 15—20.

⁷⁷ Польские дела, 1655 г., № 10, л. 88, 104.

⁷⁸ Верющая, проезжая и грамота боярам о посылке Ртищева от 15 IX.; вел переговоры 6—9 X, отпущен П. Сапегой 10 X.

⁷⁹ Польские дела, 1655 г., № 10, л. 126—128, 138—141, 204—226.

⁸⁰ Письма П. Сапеги и сенаторов царю и боярам от 10 X 1655 г. Польские дела, 1655 г., № 10, л. 276—277, 284—295.

димости отказа Карла X от претензий на Литву при одновременном согласии московских руководителей не посылать войска в Курляндию и Западную Пруссию⁸¹. 9 IX 1655 г. эти претензии были подкреплены дальнейшим расширением царского титула, с включением в него и «великого князя Литовского»⁸².

Совершенно очевидно, что в это время, в отличие от более раннего, конца июля — начала августа 1655 г., русские благожелательно реагировали на предложения литовцев. Бесспорно, тем самым царские дипломаты помогали силам, действовавшим против шведов, т. е. той части литовской магнатории и шляхты, которая не подписала Кейданский договор и группировалась вокруг П. Сапеги.

В целом, можно сделать вывод о том, что во второй половине августа — сентябре 1655 г. русское правительство еще колебалось в определении дальнейшего политического курса. Оно в первую голову стремилось тем или иным способом разрешить в свою пользу проблему Литвы, причем не обязательно в рамках столкновения со шведами.

Лишь несколько позднее, приблизительно с конца октября 1655 г., можно говорить о более ясно выраженном антишведском курсе русских. Очевидно, именно в этот промежуток времени московские дипломаты убедились в том, что происшедшие изменения в корне меняют всю обстановку в Восточной Европе. В частности, вполне реальной казалась опасность польско-шведской унии, которая с учетом хорошо известных в Москве польских планов использовать ее для реванша на востоке, могла серьезно угрожать интересам Русского государства. Новые факты, в том числе и переход коронного войска на сторону шведов⁸³ могли лишь способствовать такой оценке. Отсюда и окончательный поворот русской политики в сторону подготовки войны со Швецией, ряд симптомов которого можно отметить: так, 25 X 1655 г. боярин С. А. Урусов возвратил М. Деллагарди его письмо, указав на неполноту в нем царской титулатуры⁸⁴ — достаточно хорошо известный для русской дипломатии XVII в. признак близящегося разрыва взаимоотношений, тем более характерный, что в течение более чем полутора лет вопрос этот, хотя и ставился постоянно московскими руководителями, ни разу не решался столь твердым образом⁸⁵.

В конце 1655 г. неизбежность столкновения между Россией и Швецией была уже ясна шведским послам в Москве⁸⁶, а к январю — марту 1656 г. относится русский план организации широкой антишведской лиги при одновременном мирном урегулировании с Польшей⁸⁷.

Подводя итоги, следует сказать, что весь изложенный фактический материал позволяет говорить о наличии, наряду с достаточно хорошо известными шведской и бранденбургской программами действий в связи

⁸¹ Грамота царя Карлу X с гонцом К. А. Иевлевым от 3 IX 1655 г. и письмо бояр Магнусу Деллагарди от 4 IX. Шведские дела, 1655 г., № 6, л. 30—42, 47—61 об.

⁸² Польские дела, 1655 г., № 7, л. 31—34.

⁸³ 28 X 1655 г., Корчин, во главе с обоими коронными гетманами.

⁸⁴ Шведские дела, 1655 г., № 9, л. 8—15. Дополнительно можно указать на имеющиеся сведения о подготовке русских к войне со Швецией с осени 1655 г. А. Н. Мальцев. *Международное положение...*, стр. 501. См. и П. Пирлинг. Альберто Вимина. *Сношения Венеции с Украиной и Москвою. 1650—1663. «Русская старина», 1902, 1, стр. 67.*

⁸⁵ Правда, при расширении царских титулов в 1654 г. имелось в виду возвращать шведские письма без полной титулатуры, но фактически это не выполнялось. Кстати, характерно, что постепенно шведы стали употреблять почти все новые титулы, кроме «Литовского» и «Белые России». Шведские дела, 1654 г., № 1, л. 63—78 об., 96—109, 112—136, 140; 1655 г., № 1, л. 135—136 об.; № 6, л. 75—86, 132—136.

⁸⁶ Г. В. Ф о р с т е н. Там же, II, стр. 246—248.

⁸⁷ «Памятники...», т. III, стр. 535—560; А. Н. Мальцев. *Международное положение...*, стр. 497—498.

со шведско-польской войной⁸⁸, также и вполне определенной русской программы.

Эта программа, приведшая в дальнейшем к войне со Швецией и к Виленскому соглашению 1656 г. с Польшей, носила вполне объективный характер, естественно вытекала из общих внешнеполитических задач Московского государства, как их понимало русское правительство. Поэтому, в частности, для понимания причин возникновения данной программы нет никакой необходимости обращаться к «козням» императорской дипломатии⁸⁹ или к влиянию на царя А. Л. Ордина-Нащокина⁹⁰.

⁸⁸ Частично о них говорилось выше. См. еще, например, G. D r o u s e n. *Geschichte der preussischen Politik*. Th. 3, Abth. 2. Leipzig, 1863, S. 183—239; B. E r d m a n n s d ö r f f e r. *Graf Georg Friedrich von Waldeck. Ein preussischer Staatsmann im siebenzehnten Jahrhundert*. Berlin, 1869, S. 267—337.

⁸⁹ Кстати, австрийские послы прибыли в Москву 17 X 1655 г., приняты вернувшимся из похода царем лишь 25 XII, начали переговоры с русской делегацией 27 XII. Между тем, как показано выше, формирование русской программы относится к более раннему времени.

⁹⁰ О более или менее заметном воздействии А. Л. Нащокина на политику московского двора едва ли можно говорить ранее 1656 г. И. Г а л а к т и о н о в, Е. Ч и с т я к о в а. Там же, стр. 32—41.

Л. А. ЛЕЛЕКОВ

К РЕКОНСТРУКЦИИ РАННЕСЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Исследования древнеславянской духовной культуры издавна опирались на сопоставления с материалами индоиранской традиции. Именно в них обнаруживаются наиболее близкие семантические и типологические параллели, с помощью которых удается постепенно реконструировать фрагменты славянских верований и обрядов, культовых мифов, космогонических представлений. Такие исследования имеют давнюю традицию, однако проблематика их далеко не исчерпана, о чем свидетельствуют, в частности, научные работы, появившиеся в последние годы¹. О некоторых наблюдениях над материалом, относящимся к данной области, сообщают публикуемые заметки.

I

Древнеславянский погребальный обряд — трупосожжение с последующим выставлением кальцинированных костей в урне — имеет в своей основе центральноевропейское происхождение и глубокий общеиндоевропейский фон. Бескурганые поля погребений, точнее — поля погребальных урн, представлены материалами зарубинецкой, а также лужицкой, пшеворской и других культур.

Известно, кроме того, что в первой половине I тысячелетия н. э. урны с кремированным прахом выставлялись в особых сооружениях — «домовинах».

С VI—VII вв. у различных славянских племен начинают появляться курганные насыпи над трупосожжениями. Эта особенность развития восточнославянского погребального обряда на ранних его стадиях имеет частные соответствия в обрядности прочих славянских племен, балтов и некоторых иных этнических групп индоевропейской общности, о чем речь пойдет ниже.

Отдельно следует упомянуть знаменитую Черную Могилу X в. под Черниговом, где трупосожжение знатных умерших происходило вместе со сжиганием особого погребального сооружения, тоже именуемого у специалистов «домовиной»². Сожжение не только трупа, но всего погребального сооружения опять-таки было известно многим индоевропейским племенам, начиная с ахейцев, далее тем же балтам, особое же распространение оно получило у восточноиранских народов.

¹ Назовем одну из последних работ такого типа: Л. А. З а р у б и н. Сходные изображения солнца и зорь у индоарийцев и славян. «Советское славяноведение», 1971, № 6, стр. 70—76.

² «История культуры Древней Руси», т. II. М.—Л., 1951, стр. 76.

Кстати, обряд на Черной Могиле типологически поразительно точно соответствует восточноиранским обрядам. И там и здесь курганы возводились над сожженными погребальными шалашами, представлявшими собой легкие деревянные конструкции. Сожжения каркасных погребальных сооружений у восточноиранских народов бытовали на всем протяжении I тысячелетия до н. э. и потом исчезли. Более стойким был обряд захоронения останков в керамических урнах. Их скопления иногда принимали форму полей погребальных урн (Фринкент)³, типологически подобных и относительно синхронных восточнославянским.

Интересно, что среднеазиатские урны и оссуарии с культовой целью выставлялись в особых сооружениях — наусах, конструктивно отличных от синхронных им древнеславянских «домовин», но функционально весьма с ними сходных.

Итак, в погребальной обрядности восточноиранских племен и древних славян прослеживаются черты устойчивой типологической общности. Это — наличие урн как таковых, специфические их скопления в форме полей погребальных урн (хотя последний термин не принято использовать для обозначения среднеазиатских некрополей) без насыпки курганов, выставление урн в особом сооружении, так или иначе воспроизводящем черты жилища, наконец, сожжение трупа вместе с погребальным сооружением и последующее возведение курганной насыпи над местом пожарища. Взятые порознь, эти черты составляют общее достояние многих индоевропейских народов, но вместе, в системе, в рамках какого-то пока неясного исторического развития они были свойственны прежде всего восточным иранцам и восточным славянам. Расхождения в хронологической последовательности могут объясняться спецификой местных исторических процессов и, кроме того, неполнотой наличных археологических данных.

Не вызывает сомнений безусловно классовый характер грандиозных трупосожжений, будь то погребение Патрокла, неведомых нам сако-массагетских вождей или членов черниговского княжеского рода. Загробное блаженство было социальной привилегией и в более развитом раннеэллинистическом мире, где оно резервировалось для личностей вроде Александра Македонского или Августа. Конечно, и рядовой обряд трупосожжения эпохи бронзы имел целью приобщение умершего к вечному источнику бытия, но этот акт мыслился условием общего функционирования миропорядка, иногда даже в имперсональном плане, тогда как грандиозные трупосожжения были призваны подчеркнуть увековечение и даже обожествление отдельного индивида в системе культа предков, выделить его из общей массы соплеменников. Поэтому даже у тех индоевропейских племен, где древняя кремация начинала уступать место труположению, вождей и героев продолжали сжигать. Земной огонь приобщал их к огню небесному, идеальному образу и моральному гаранту истинного бытия. Огонь как первичная основа мира в обоих упомянутых аспектах воспевался в Ригведе, Авесте, учениях ранних буддистов и, конечно, Гераклитом, хотя Греция предала забвению солярную индоевропейскую мифологию и нарекла поэтому ее последнего певца выразительным прозвищем — Темный. Естественно, что учение Гераклита Темного осталось доктриной одиночки и не имело ни малейшего влияния на современное ему общество.

О том, что и славянский обряд кремации подразумевал приобщение к посмертному блаженству, можно с уверенностью судить по сообщению ибн-Фадлана. Кстати, обряд трупосожжения дал повод старым арабским авторам именовать религию народов Центральной Европы, в том числе

³ Г. В. Григорьев. Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент. «Вестник древней истории», 1939, № 2, стр. 144—150.

и славян, «религией магов»⁴. Может быть, в этом сопоставлении сквозит нечто большее, чем формальное сходство, если учесть параллелизмы в типологии древнеславянских и восточноиранских погребальных обычаев и высказывания по этому поводу Прокопия Кесарийского⁵. Совпадения оценок византийского хрониста и арабских географов должны были иметь под собой какие-то палеоэтнографические реалии, на которые мы за давностью лет и сложившейся однобокостью интерпретации смотрим под другим углом зрения, либо вообще не улавливаем их нашими методами.

Обилие иранских сходжений и заимствований во всей древнеславянской культово-религиозной системе — число и собственные имена богов, таких, как Хорс и Симаргл, культовые термины «бог», «небо», «святой», «рай», «чертог», «храм», «чаша», «ворожить», возможно, «вера» и множество иных, фрагменты тождественных культовых мифов, а также масса прочих совпадений — не только позволяет, но и требует искать исторического объяснения упомянутому выше единству элементов раннеславянского и восточноиранского погребальных обрядов.

Однако состояние археологической изученности вопроса не дает надежной опоры для гипотез. Наиболее, казалось бы, вероятное сарматское посредство ставится под сомнение тем обстоятельством, что на позднесарматском этапе трупосожжения практически отсутствовали, их вытеснили катакомбные захоронения. Может быть, в более удаленный от Причерноморья лесостепной зоне еще будут найдены поздние трупосожжения типа ранних савроматских V—IV вв. до н. э. или прохоровских II—I вв., пока что единственных связующих звеньев между Тагискеном⁶ и Черной Могилкой. Для последней, если рассматривать ее как единичный случай, нельзя исключать прямое участие иранского этноса, выступавшего в качестве субстрата в процессе формирования южной части восточного славянства⁷. В X в. среди русских вождей подписывавших договор с Византией, находились лица с именами явно иранского происхождения — Сфандр, Истр, Прастен, Фроутан и другие (иранским прототипом первого является Исфендиар, третьего — Рустем, четвертого — Феридун, авестийский Траэаона)⁸.

К сказанному можно добавить, что этнонимы отдельных славянских племен имеют либо бесспорно иранское происхождение, например, «хорваты»⁹, либо вероятное — «дулебы», четырежды отмеченные в летописях под разными написаниями, «уличи»¹⁰ и некоторые другие, не говоря уже о теории аланского происхождения самого этнонима «русь». Имена

⁴ А. П. Ковалевский. Книга Ахмада ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 262—263.

⁵ См. об этом: А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи. «Вестник древней истории», 1939, № 1, стр. 304.

⁶ См. Л. А. Лелеков. К истолкованию погребального обряда в Тагискене. «Советская этнография», 1972, № 1.

⁷ В. В. Седов. Конгресс археологов-славистов в Берлине. «Советская археология», 1971, № 4, стр. 295.

⁸ А. Калмыков. Iranians and Slavs in South Russia. «Journal of the American Oriental Society», vol. 45, 1925, № 1, p. 69; А. А. Зализняк. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода. Славяно-иранские сходжения в мифологической и религиозно-этической области. «Вопросы славянского языкознания», вып. 6, М., 1962, стр. 44.

⁹ О. Н. Трубачев. Из славяно-иранских лексических отношений. В сб. «Этимология 1965». М., 1967, стр. 31—32.

¹⁰ А. Калмыков. Iranians and Slavs..., p. 68. Мнение А. Калмыкова, видимо, не лишено оснований еще и потому, что летописные уличи с их вероятной иранской субстратной подосновой были впервые отмечены в пределах ареала смешанной славяно-салтовской культуры конца первого тысячелетия нашей эры (А. Г. Смирненко. Осіле населения степового Подніпров'я в ранне середньовіччя. «Археологія», XXII, Київ, 1966, стр. 161—179).

всех великих рек южной России — Дунай, Днестр, Днепр, Дон — несомненно иранские, а гидронимика иранского происхождения обильно представлена вплоть до среднего течения Оки¹¹. Кстати, именно в землях северян, на Черниговщине, в междуречье Десны и Сейма, иранские гидронимы встречаются особенно часто, лучшим свидетельством чему служит само название Сейм. В силу всего вышеизложенного вполне допустимо, что лица, погребенные в Черной Могиле, могли иметь либо прямое, либо опосредствованное отношение к иранскому этносу. Но, конечно, этому частному случаю в любом отношении нельзя придавать большого значения, тем более что прямых доказательств предложенной гипотезы нет.

II

Почему основатель Москвы был прозван Долгоруким?

Общеизвестная «народная» этимология данного прозвища, возникшего якобы в результате политической деятельности Юрия Долгорукого, восходит к летописным источникам и считается вполне установленной.

Между тем не один Юрий, сын Мономаха, носил такое прозвище. На Руси бывали и другие, ничем не примечательные князья по прозвищу Долгорукие. Так именовали, например, потомков Михаила Всеволодовича Черниговского, убитого в Орде по приказу Батые в 1246 г. Применительно к ним существующая этимология необъяснима.

Зато все эти случаи, включая первый, получают разумное истолкование, если привлечь результаты исследований известного индолога Я. Гонды. Он убедительно показал, что эпитет «Долгорукий» в индоиранском мире по отношению к вождям, царям и даже богам имел определенное религиозное значение и выражал идею религиозной санкции верховной власти¹². Это воззрение общиндоевропейской эпохи дожило до средневековья в форме верований в исцеляющую силу королевского прикосновения.

«Долгорукими», т. е. способными простереть руку для защиты, покровительства, исцеления, словом, для обеспечения благополучия подданных, в Индии величали Варуну, Митру, Вишну, героев Махабхараты, различных эпических и сказочных персонажей, мелких царьков. В древнем Иране этот же эпитет носили легендарные Кейяниды¹³, вполне реальные Ахемениды (в греческой передаче Макрохейр, в латинской — Лонгиманус) и даже сам Заратуштра.

Отсюда есть все основания полагать, что в прозвищах Юрия Долгорукого и других древнерусских князей сохранился реликт общиндоевропейских верований, наиболее полно представленных в духовной культуре Индии и Ирана. Пережиточное бытование этих явных архаизмов в древнерусском периоде могло быть обязано устойчивостью иранским культово-религиозным воздействиям, неспроста, видимо, сохранившимся именно на той же Черниговщине.

В деятельности Юрия Долгорукого различим еще один характерный штрих, так или иначе отражающий культовую специфику древнеиранского

¹¹ Н. В. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 222—228, 230; В. Д. Блаватский. О северной окраине Скифии Геродота. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 196, М., 1969, стр. 30—32, рис. 1.

¹² J. Gonda. Ancient Indian Kingship from the Religious Point of View. «Numen», vol. IV, fasc. 2, 1957, p. 130.

¹³ А. А. Стариков. Фирдоуси и его поэма Шахнаме. В кн. Фирдоуси. Шахнаме, т. I, М., 1957, стр. 521.

происхождения. Это устройство под Киевом, за Днепром загородного дворца-парадиза, который в летописи под 1157 г. так и назывался «раем». Строительство культовых заповедников-парадизов, типичное для Ахеменидов и вообще иранских владык, подхваченное затем омейядскими и аббасидскими халифами, имело целью воплотить в архитектурных формах идею земного рая. Тема отношения земного и небесного рая, проникающая из Авесты в пехлевийскую литературу¹⁴, станет одной из центральных в последующем мифотворчестве восточного и западного средневековья. В каком именно отношении к древнеиранским прототипам стоял «парадиз» Юрия Долгорукого, со всей точностью сказать трудно, но связь между ними несомненна. Излишне напоминать, что обе лексемы, оформляющие данное понятие, — «парадиз» и русское «рай» — заимствованы из иранской культовой терминологии.

Разумеется, здесь нет возможности ответить на такие вопросы, как, например, один ли только Юрий Долгорукий устраивал загородные дворцы-парадизы или это было типичным явлением на домонгольской Руси, а также почему прозвище «Долгорукий», не встречалось до него. Фрагментарность источников или их тенденциозность, присущая, скажем, Киевскому своду, который полностью замалчивал оживленные связи Руси с Востоком, что было показано А. А. Шахматовым, лишают исследование этой и других проблем необходимых ориентиров. Кстати, и в гораздо более древней и более детальной индоиранской традиции мифологема «Долгорукий» восстанавливается по ее эпизодическим проявлениям, столь же редким, как на Руси, если учесть различие хронологических интервалов.

Еще одним указанием на индоевропейские истоки данной мифологемы представляется то обстоятельство, что основателем известного феодального клана Мхаргдзели, т. е. Долгоруких, в Закавказье XII—XIII вв. был курд, т. е. выходец из иранской этнической среды. Следовательно, и к югу от Кавказа рассматриваемая мифологема обнаруживает связи с Ираном. Видимо, в эпоху сравнительно развитого феодализма она была весьма архаична и потому нашла малое отражение в источниках, к тому же крайне неполных, как на Руси, так и в Закавказье.

III

В антиязыческом компилятивном сочинении конца XIII в. «Слово о твари и о дни, рекомем неделя» автор среди прочего порицает язычников за то, что они «написавшие свет болваном и кланяются ему». Далее он излагает любопытное опровержение самой возможности изобразить свет искусством художника: «Болван бо есть съпрятан, выдолблен, написан, осяжен, а не пролияся, яко свет на всю вселенную и есть свет неосяжен».

Автору публикации осталось неясным, какая связь могла существовать между светом и болваном¹⁵. Однако едва ли можно сомневаться, что речь идет о полихромном скульптурном изображении божества света, причем именно неосязаемого света, а не огня или солнца, т. е. не Хорса, например, или Дажьбога. При наличном состоянии знаний о составе и характере языческого славянского пантеона возможны только более или менее вероятные предположения относительно того, какому именно богу было воздвигнуто описанное выше изваяние.

Сначала должен быть назван древнейший общеиндоевропейский бог дневного света, впоследствии Дьяус — Зевс — Юпитер, по-славянски

¹⁴ «Литература Востока в средние века», ч. II. М., 1970, стр. 21.

¹⁵ О. П. Л и х а ч е в а. К изучению «Слова о твари и о дни, рекомем неделя». «Труды отдела древнерусской литературы», т. XXIV, Л., 1969, стр. 67—70.

Дий¹⁶, и, видимо, он же див из «Слова о полку Игореве». При всей архаичности славянских верований трудно полагать, что первоначальная функция этого божества, утраченная всей индоевропейской общностью на очень ранней стадии, осталась без изменений только у славян. К тому же «Слово о полку Игореве» изображает дива в отрицательном плане, как то и должно быть в культовой системе, испытавшей иранские влияния.

Положительным божеством света в среде славянского язычества скорее мог считаться Сварог. На заре возникновения протославянской общности он, как и его индоиранские соответствия Варуна¹⁷ и Ахура, олицетворял небесный свет, но затем обрел чисто солярную окраску. Древнерусская пара Сварог (солнце) и Сварожич (огонь) явно следует авестийскому образцу, где огонь тоже был сыном Ахура — Мазды¹⁸. Если вначале Сварог ничем не отличался от Варуны, т. е. один и тот же индоевропейский бог почти под одним и тем же именем главенствовал в древнеиндийском и протославянском пантеонах, то позже, в I тысячелетии н. э. развитие его образа проходило в рамках общей для славян и иранцев религиозной эволюции, как это видно из предложенного В. И. Абаевым сопоставления. Индийский же вариант индоевропейского верховного владыки неба, Варуна, превратился во второстепенного бога морских вод, чего, разумеется, не могло произойти ни у восточных иранцев, ни у славян. Поэтому поздний славянский Сварог бесспорно обнаруживает тяготение к иранским, но не к индийским параллелям. В X и последующих веках солярные черты Сварога были выражены настолько отчетливо, что однозначно атрибутировать ему болвана из «Слова о твари» кажется довольно затруднительным. Не меньше «прав» на это изваяние мог иметь и Митра. В литературе уже отмечалось это митраическое терминологическое у славян¹⁹, что делает данное предположение достаточно вероятным.

Кроме того, существуют некоторые основания полагать, что на иконах «Чудо архангела Михаила о Флоре и Лавре», где под внешним покровом христианского мифа еще Дмитрий Ростовский, а за ним П. Гусев, Н. Малицкий и Вс. Миллер усматривали весьма древнюю языческую подоснову, архангел Михаил заместил именно Митру в качестве центрального персонажа солярной триады, изображенной в верхней части названной композиции. Он здесь представлен в окружении богов, скрытых под именами Флора и Лавра и восходящих к общеиндоевропейскому образу Диоскуров — Ашвинов. На это указывает, среди прочего, ритуал празднования памяти Флора и Лавра в XIX в. В этот праздник полагалось обводить коней вокруг церкви и потом гнать их между двумя кострами, зажженными от «живого» огня. «Живым», т. е. особо священным, считался огонь, добытый трением дерева о дерево. Это бесспорный штрих индоевропейской архаики, отзвук легенд о Прометее и Ангирасах, которые принесли огонь с неба в куске дерева. Ясно, что под обликом христианских святых русские крестьяне XIX в. чтит древних конных солярных богов. Здесь особенно важен огненный ритуал, различных следов которого не было в культе античных Диоскуров. Следовательно, раннеславянский вариант Диоскуров — Ашвинов, видимо, тяготел не к балканским, а к индоиранским параллелям, как, впрочем, и вся славянская языческая мифология.

¹⁶ Н. М. Г а л ь к о в с к и й. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. I. Харьков, 1916, стр. 10—11.

¹⁷ F. L e d i ć. Mitologija Slavena. Zagreb, 1969, s. 27, 36.

¹⁸ В. И. А б а е в. О перекрестных изоглоссах. В сб. «Этимология 1966», М., 1968, стр. 262.

¹⁹ В. Н. Т о п о р о в. Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера. В сб. «Этимология 1967». М., 1969, стр. 18—19.

На рубеже нашей эры боги утренней и вечерней зари, первоначально Диоскуры — Ашвины, превратились в спутников Митры и вместе с ним образовали иконографически устойчивую солярную триаду. Устойчивость данного мифологического стереотипа была обусловлена тем, что авестийский Митра когда-то выступал не в роли собственно солярного начала, но божества утренней и вечерней зари, света, предшествующего солнечному. Иными словами, в ранней Авесте ему приписывались те же функции, какие во всей индоевропейской и в славянской архаике составляли прерогативу Ашвинов. Видимо, поэтому их фигуры плохо различимы в иранской мифологии. Позднее, по мере перенесения на Митру солярного символизма, его прежние функции были возвращены Диоскурам — Ашвинам, переименованным в Кауто и Каутопата и превращенным в спутников центрального светила.

Повсеместное господство Митры в солярных сюжетах и ряд других моментов позволяют полагать, что и раннеславянские двойники Диоскуров — Ашвинов подобно эллинистическим или средневосточным сопутствовали именно ему. В эпоху христианства место Митры занял архангел Михаил. Кстати, этот же процесс происходил как то явствует из раввинистической литературы, и в позднем иудаизме²⁰.

Поскольку раннеславянская мифология была относительно архаична по сравнению с индоиранской, теологически переработанной в системах зороастризма, буддизма, митраизма и получившей еще до н.э. антропософскую и эсхатологическую окраску, то и образ Митры, очевидно, эволюционировал у славян медленнее, чем на Ближнем Востоке, и вполне мог пережиточно сохранять, хотя бы частично, функцию божества неосязаемого света. Во всяком случае именно Митра кажется тем древним божеством, которому поклонялись язычники, осуждаемые автором «Слова о твари». На это указывает постоянная связь Митры с богами утренней и вечерней зари, т. е. со светом не от солнца. Дий или Сварог с незапамятных времен олицетворяли только дневной, т. е. солнечный свет и затем огонь, взаимно отождествлявшиеся в индоевропейской мифологии и с ее точки зрения несомненно осязаемые.

Вопрос, конечно, не совсем ясен, и предлагаемое выше объяснение достаточно гипотетично, но тем не менее оно имеет право на существование, поскольку не противоречит известным на сегодня фактам. Как бы там ни было, нет ничего неправдоподобного в допущении, что в пантеоне некоторой части восточнославянских племен божеством неосязаемого света мог выступать какой-то древний индоевропейский бог, трансформированный под воздействием иранских культов, вероятно Митра или в славянском варианте этого же имени Мирь.

Возвращаясь к рассматриваемой композиции на иконах «Чудо архангела Михаила о Флоре и Лавре», где центральный персонаж солярной триады как бы вручает предстоящим поводья изображенных ниже солнечных коней, стоит отметить, что внутреннее содержание этой сцены находит себе исчерпывающее толкование в строках авестийского Михр-яшта, воспевающих «владыку обширных пастбищ Митру», который дарует верным быстрых коней. Это еще одно подтверждение тезиса Б. А. Рыбакова о знакомстве языческой Руси с образами и темами Авесты²¹.

Какая-то экспансия митраических верований в их восточной форме,

²⁰ Л. А. Лелеков. О некоторых иранских элементах в искусстве древней Руси. В сб. «Искусство и археология Ирана». М., 1971, стр. 185.

²¹ Б. А. Рыбаков. Русалия и бог Симаргл-Переплут. «Советская археология», 1967, № 2.

далекой от классического митраизма, могла влиять на Европу через посредство кочевых племен. Такие верования были, например, государственным культом у эфталитов в V—VI вв.²²

* * *

Рассмотренные выше отдельные моменты культово-религиозных связей славянского мира с восточноиранским собраны здесь более или менее произвольно лишь для того, чтобы пополнить растущий перечень славяно-иранских параллелизмов. Общее количество последних уже столь значительно, что в недалеком будущем, очевидно, станет возможной качественная реконструкция того исторического явления, которое получило в литературе наименование славяно-иранского симбиоза²³.

²² R. Ghirshman. Les Chionites-Hephtalites. «Memoires de la Delegation Archeologique Française en Afghanistan», XIII, 1948, p. 120—123.

²³ I. Dujcev. Il mondo slavo e la Persia nell'alto medioevo. La Persia e il mondo greco-romano. Roma, 1966, p. 258—266.

ВЫДЕЛИТЕЛЬНЫЕ И РАСПРОСТРАНИТЕЛЬНЫЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПРИДАТОЧНЫЕ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Исследователи славянских и других индоевропейских языков обычно отмечают, что различаются две разновидности определительных (присубстантивных) придаточных. Одни из них используются для того, чтобы охарактеризовать поясняемый предмет, раскрыть признаки, отличающие его от других предметов, называемых тем же именем, другие же употребляются лишь для того, чтобы расширить наши знания об этом предмете. В соответствии с этим присубстантивные придаточные принято подразделять на детерминативные (рестриктивные, конечные, ограничительные, дистинктивные и т. п.) и экспликативные (континуативные, дескриптивные, нарративные, апозитивные и т. п.)¹, которые в русской лингвистической литературе обычно называются соответственно выделительными и распространительно-повествовательными².

Общим для большинства исследователей, различающих выделительные и распространительные придаточные, является то, что они исходят не из грамматического, а из формально-логического понимания сущности определения. Перенося такое понимание из логики в грамматику, они полагают, что и в грамматике определить предмет — значит выделить его, ограничить, указать его постоянные, существенные признаки. При таком подходе, естественно, определительными признаются лишь те придаточные, которые дифференцируют поясняемый предмет, ограничивают, выделяют его. Вторая разновидность присубстантивных придаточных либо вообще исключается из числа определительных, выделяется в особый тип³, либо рассматривается вместе с первыми, но с оговоркой, что такие придаточные не являются определительными и что и это название применяется к ним условно⁴.

¹ Z. K l e m e n s i e w i c z. Składnia opisowa współczesnej polszczyzny kulturalnej. Kraków, 1937, s. 137; J. P o l d a u f. Vztahné věty v angličtině a češtině. «Sborník Vysoké školy pedagogické v Olomouci. Jazyk a literatura», II. Praha, 1955, s. 188; Z. D e r o s s i. Odnos između atributivnih rečenica i imenice u glavnoj rečenici. «Jezik», Zagreb, 1966—1967, № 1, s. 7—15.

² В. В. В и н о г р а д о в. Основные вопросы синтаксиса предложения. В кн. Вопросы грамматического строя. М., 1955, стр. 433.

³ См., например: K. G a b k a. Über die sogenannten «weiterführenden Nebensätze» im Russischen. «Zeitschrift für Slawistik», Bd. II, Hft. 4, 1956, S. 75.

⁴ См., например: Н. С. П о с п е л о в. О некоторых закономерностях в развитии структурных типов сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX в. «Вопросы языкознания», 1961, № 6, стр. 10. В новой грамматике русского языка также различаются присубстантивные придаточные определительные и распространительные («Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 696, 700).

Такое понимание значения присубстантивных придаточных неоднократно подвергалось критике. Наиболее аргументированно ошибочность его вскрыта В. И. Кодуховым, справедливо указавшим, что отношения между субстантивным членом главного предложения и относительным придаточным должны рассматриваться с точки зрения грамматического понимания сущности определительных отношений как соотнесенности любого, имеющего конструктивное выражение, признака с предметом, являющимся его носителем⁵. Такой подход, единственно правильный для грамматики, дает возможность установить, что и так называемые собственно-определительные (выделительные) придаточные и придаточные распространительно-повествовательные имеют одинаковое грамматическое значение. Они раскрывают грамматический признак предмета и, следовательно, с точки зрения грамматики в равной степени являются определительными.

Признание и выделительных и повествовательно-распространительных присубстантивных придаточных определительными, однако, не решает вопроса о факторах, конституирующих выделительное и распространительное значение, и об отношении этих значений к другим значениям присубстантивных придаточных.

Многие исследователи рассматривают их как два самостоятельных грамматических значения придаточных, находящихся в бинарной корреляции с другими значениями⁶. Такая квалификация выделительной и распространительной семантики присубстантивных придаточных, естественно, побуждала к поискам структурных (конструктивных) показателей, выражающих эти значения. Основным структурным показателем выделительного или распространительного значения считают обычно возможность/невозможность употребления при опорном слове коррелятивов (соотносительных слов)⁷.

В качестве соотносительных слов в сложных предложениях с присубстантивными придаточными употребляются указательные местоимения, выступающие в составе главного предложения как определения субстантивного члена. В каждом отдельном случае употребления эти местоимения, выражая общее значение указания, свое конкретное значение раскрывают в зависимости от различных условий (контекст, ситуация, жесты, взаимоотношения участников разговора и т. д.)⁸.

Главным средством раскрытия (конкретизации) значения указательных местоимений и других классов слов, совмещающих в себе значение общего и единичного, определенного или неопределенного, является, как известно, контекст. Нетрудно, однако, заметить существенную разницу в способах этой конкретизации. Конкретизация существительных, прилагательных и других слов состоит в том, что они, имея определенное вещественное значение, в контексте лишь уточняют его. Указательные же местоимения, ввиду их смысловой всеобщности, в контексте не уточняют свое значение, а раскрывают его. Употребленные в главном предложении, они являются соотносительными словами лишь в том случае, если их конкретное содержание раскрывается следующими за ними придаточными предложениями.

⁵ В. И. К о д у х о в. Сложноподчиненное предложение в русском литературном языке второй половины XVIII в. Автореферат докт. дисс. Л., 1967, стр. 16.

⁶ Этот взгляд развивался и в ряде наших работ. См., например: П. А. Д м и т р и е в. О значении определительных придаточных в сербохорватском языке. В сб. Вопросы теории и истории языка. Сборник в честь проф. Б. А. Ларина. Л., 1963, стр. 107.

⁷ См., например: Н. С. П о с п е л о в. О грамматической природе сложного предложения. В сб. Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, стр. 331.

⁸ А. Н. Г в о з д е в. Местоимения. Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та. им. В. В. Куйбышева. Филол. науки, вып. 13. Куйбышев, 1955, стр. 197.

Необходимо отметить, что к семантическому анализу, к содержательной стороне предложения, а очень часто и к анализу его взаимодействия с ситуацией мы вынуждены прибегать не только в тех случаях, когда нужно решить, можно или нельзя в том или ином предложении употребить соотносительное слово, но и в тех, когда нужно решить, является ли местоимение, употребленное при опорном слове, соотносительным словом, и где раскрывается его конкретное значение — в присубстантивном придаточном предложении или в предыдущем (последующем) контексте.

Так, предложение «Я живу в том маленьком доме, который находится на берегу моря» в зависимости от контекста допускает различное понимание:

а) В нашем городе есть несколько маленьких домов. Один из них находится на берегу моря, остальные расположены в других частях города. Я живу в том маленьком доме, который находится на берегу моря.

В таком контексте местоимение *тот* способствует выделению предмета по признаку, указанному в придаточном. В этом случае оно является соотносительным словом, поскольку его содержание раскрывается придаточным предложением.

б) В нашем городе есть только один маленький дом. Я живу в том маленьком доме, который находится на берегу моря. В этом контексте указательное местоимение *тот* раскрывает свое содержание в предыдущем контексте. Оно не является соотносительным словом⁹.

Таким образом, указательное местоимение в составе сложного предложения с присубстантивным придаточным является соотносительным в том случае, когда придаточное употребляется для выделения определяемого предмета, т. е. не соотносительное слово вносит в предложение выделительную семантику, а наличие этой семантики делает указательное местоимение при определяемом субстантивном члене соотносительным словом. Лишь в редких случаях (например, при противопоставлении) соотносительные слова в сложных предложениях с присубстантивными придаточными являются конструктивно обязательными. Во всех остальных предложениях интерпретация указательных местоимений в качестве соотносительных слов в каждом случае зависит от конкретного речевого воплощения модели сложного предложения, от того, каким по замыслу говорящего должно быть присубстантивное придаточное — выделительным или распространительно-повествовательным. Замысел говорящего в письменном тексте мы можем определить из лексического состава сложного предложения или из более широкого контекста. Иными словами, интерпретация указательных местоимений в качестве соотносительных слов зависит от содержательной стороны предложения, от его лексического состава и взаимодействия с более широким контекстом. Кроме того, употребление соотносительных слов в предложениях этого типа факультативно. Следовательно, соотносительные слова в сложных предложениях с присубстантивными придаточными, вопреки широко распространенному мнению, разделявшемуся ранее и нами¹⁰, не могут рассматриваться в качестве конструктивного показателя значения придаточного.

Обычно выделительное и распространительное значения присубстантивных придаточных связывают также с характером значения опорного слова. При синсемантическом опорном слове придаточное является выделительным

⁹ Положение о том, что не каждое указательное местоимение при опорном существительном является соотносительным словом, подробнее аргументировано ранее. См. П. А. Д м и т р и е в. Очерки по синтаксису сербохорватского языка. Л., 1966, стр. 13—24.

¹⁰ П. А. Д м и т р и е в. Употребление союзных слов (союзов) и значение определительных придаточных. В сб. Очерки по словообразованию и словоупотреблению. Л., 1965, стр. 37—44.

тельным, так как без придаточного опорное слово не может адекватно обозначить предмет, о котором идет речь. Если же опорное слово автосеманлично, т. е. обозначает и само по себе (без придаточной части) вполне определенный предмет, придаточное является распространительно-повествовательным.

Стремление связать различие выделительной и распространительной семантики придаточных со значением опорных слов представлено во многих исследованиях. Для примера рассмотрим работу С. Георгиева¹¹. Говоря об определительных придаточных, он различает конструкции синтетические и аналитические, что соответствует нашим придаточным выделительным и распространительным. В синтетических конструкциях придаточное относится к главному предложению в некотором смысле дефектному, неполному. Для определительных придаточных эта неполнота, как отмечает С. Георгиев, может быть двух видов: 1) лексико-смысловая, когда все структурные члены в главном предложении представлены, но один из них (определяемое слово) неполноценен в лексическом отношении, в связи с чем невозможна и интонационно-смысловая завершенность главного предложения; 2) контекстуально-ситуационная, которая зависит от контакта с другими предложениями, от смысла всего синтаксического целого, в которое входит данное предложение как синтаксический элемент.

Если учесть, что лексическое значение любого слова конкретизируется, уточняется через контекст, то различие двух случаев, указываемых С. Георгиевым, состоит в том, что в первом из них неполнота лексического значения опорного слова устанавливается в пределах одного сложного предложения, а во втором — в пределах большего синтаксического целого. В обоих случаях определяющим фактором, в конечном счете, оказывается контекст.

Однако, рассматривая лексическое значение опорного слова как показатель выделительной или распространительной семантики присубстантивного придаточного, С. Георгиев и другие авторы, разделяющие такую же точку зрения, упускают из вида тот факт, что любое слово с точки зрения значения представляет единство общего и единичного и способно как к синсемантическому, так и к автосемантическому употреблению. Л. Ю. Максимов несомненно прав, утверждая, что «вряд ли можно говорить о синсемантичности или автосемантичности имени как такового»¹². Даже наименее определенные по своему значению существительные (*человек, женщина, мужчина, дети, вещь* и др.) при определенных условиях могут быть в главной части автосемантическими. Имена существительные собственные, существительные, обозначающие уникальные предметы, личные местоимения обычно не нуждаются в каком-либо выделении или ограничении. Однако и они довольно часто приобретают ситуативно обусловленную синсемантическую и употребляются в сочетании с выделительными присубстантивными придаточными. Сам С. Георгиев хорошо выразил это следующими словами: «Структура, являющаяся синтетической в одних контекстуальных условиях, может измениться и стать аналитической в других контекстуальных условиях, в которых главное предложение получит смысловую и синтаксическую завершенность»¹³.

¹¹ С. Георгиев. Към типологията на сложното съставно изречение с подчинено определително в съвременния български език. «Трудове на Висшия педагогически институт „Братя Кирил и Методий“ във В. Търново», год. 1966—1967, т. IV. София, 1968.

¹² Л. Ю. Максимов. К вопросу о типологии присубстантивно-атрибутивных сложноподчиненных предложений. «Русский язык в школе», 1971, № 2, стр. 95.

¹³ С. Георгиев. Там же, стр. 179.

Рассмотрение различных элементов структуры сложного предложения, с которыми обычно связывают различие между выделительными и распространительными присубстантивными придаточными, убеждает в том, что ни один из них на самом деле не является конструктивным элементом, конституирующим какое-либо из этих значений. Сложные предложения с присубстантивными придаточными выделительными и распространительными вообще не имеют конструктивных различий, а относятся к одному структурному типу¹⁴, что предполагает наличие у них конструктивно-синтаксического значения. Таким значением является определительное (атрибутивное).

Между тем наличие выделительной и распространительной семантики не подлежит сомнению. Эти значения не являются конструктивно-синтаксическими, поэтому факторы, предопределяющие их появление, следует искать не на конструктивном, а на ином уровне языка. Поскольку интерпретация указательных местоимений в сложных предложениях с присубстантивными придаточными в качестве соотносительных слов, как и синсемантическая и автосемантическая опорных слов, с которыми обычно связывают различие выделительных и распространительных придаточных, в конечном счете зависит от воли говорящего, следует признать, что эти факторы связаны с коммуникативным аспектом предложения.

Каждое предложение, являясь структурно-коммуникативной единицей языка, обладает, кроме структуры, и назначением, определяющим его коммуникативный аспект. Предложение, каждый раз выражая свойственные его структурной модели конструктивно-синтаксические значения, выполняет в той или иной реальной ситуации и определенные коммуникативные задания, и в каждом случае, в соответствии с заданием, имеет определенное коммуникативное значение. Имеет коммуникативные значения и присубстантивное придаточное. Эти значения не связаны с какими-либо конструктивными элементами предложения. Они присущи модели сложного предложения с присубстантивным придаточным как потенциальная возможность и реализуются при использовании этой модели в процессе коммуникации, в зависимости от конкретной обстановки данного акта общения.

Связь выделительного и распространительного значения с коммуникативным заданием проявляется в интонации. Интонация обычно указывается как признак, дифференцирующий выделительные и распространительные присубстантивные придаточные. Так, Н. С. Поспелов подчеркивает, что выделительное придаточное в интонационном отношении тесно смыкается с главной частью предложения, которая произносится более напряженным повышением тона, чем главная часть сложноподчиненного предложения с распространительным придаточным¹⁵. Нам представляется, что интонация, являющаяся универсальным средством выражения коммуникативной нагрузки предложений, и в данном случае выступает в качестве внешнего показателя коммуникативного членения слож-

¹⁴ Структурная неразграниченность сложных предложений с выделительными и распространительными присубстантивными придаточными констатируется рядом исследователей. См., например: М. К у б и к. К вопросу о классификации сложноподчиненных предложений в русском языке. «Acta Universitatis Carolinae. Philologica. I. Slavica Pragensia. VII». Praha, 1965, s. 53; В. А. Б е л о ш а п к о в а. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, стр. 118.

¹⁵ Н. С. П о с п е л о в. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы. «Вопросы языкознания», 1959, № 2, стр. 22. См. также: Г. Н. А к и м о в а. Структурно-смысловые типы придаточных определительных в современных восточнославянских языках. «Slavistické študie», Bratislava, 1969, s. 101.

ного предложения и коммуникативного значения присубстантивного придаточного.

При непосредственном устном общении интонация является средством, при помощи которого информатор выражает и по которому информируемый определяет коммуникативное значение. При получении информации из письменного источника коммуникативное задание и коммуникативное значение мы можем установить, только учитывая контекст.

Проиллюстрируем связь выделительной и распространительной семантики присубстантивных придаточных со смысловой структурой высказываемой в предложении мысли и с коммуникативным заданием следующим примером Богдана Поповича:¹⁶ *«Морнари који су сујеверни не укрцавају се у петак»* т. е. *«Моряки, которые суеверны, не совершают посадку на корабль в пятницу»*.

Это сложное предложение в зависимости от коммуникативного задания, которое по замыслу автора должна иметь придаточная часть, допускает двойное понимание. Коммуникативное задание в устной речи мы определяем на основании конситуации и интонации, в письменной — на основании контекста.

а) Сложное предложение употреблено в контексте, в котором говорится, что среди моряков есть такие, которые суеверны, и такие, которые не верят в предрассудки. Одни из них никогда не совершают посадку на корабль по пятницам, для других день недели для посадки на корабль не имеет значения. В таком контексте придаточное имеет определенное коммуникативное задание — оно употребляется для того, чтобы дифференцировать определяемый предмет, указать, что имеются в виду не все моряки, а только те, которые суеверны. Придаточное является выделительным. В смысловом отношении такое присубстантивное придаточное тесно объединяется с определяемым словом, как бы сливаясь с ним, выражая с ним единое понятие¹⁷. Это смысловое единство находит отражение в коммуникативном членении. Определяемое слово и присубстантивное придаточное входят в один компонент коммуникативного членения: *Морнари који су сујеверни // не укрцавају се у петак*. В нашем примере этот компонент составляет основу высказывания. Деление на компоненты коммуникативного членения в устной речи получает выражение в интонации: выделительное придаточное и в интонационном отношении составляет с определяемым словом единое целое.

При ритмомелодическом членении такое придаточное не выделяется в отдельную синтагму в качестве дополнительного коммуникативно-значимого элемента внутри компонента коммуникативного членения, в который оно входит. В языках с логическим принципом пунктуации (например, в сербохорватском)¹⁸ такое придаточное не отделяется от главного запятыми.

б) Сложное предложение употреблено в таком контексте, в котором говорится, что все моряки суеверны. Очевидно, что в этом случае, употребляя присубстантивное придаточное, автор имеет целью не дифференцировать понятие, названное словом *моряки (морнари)*, а сообщить о при-

¹⁶ Пример приводим по кн. М. П а в л о в и ћ. Основы методике наставе српскохрватског језика и књижевности. Београд, 1962, стр. 93.

¹⁷ И. П. Распопов справедливо отмечает, что в таких случаях возникает цельное коммуникативно-синтаксическое образование. См. И. П. Р а с п о п о в. Коммуникативно-синтаксический аспект структуры сложноподчиненных предложений. Уч. зап. Башкирского гос. ун-та, т. XVIII, серия филол. наук, 8 (12). Уфа, 1964, стр. 156.

¹⁸ О правилах употребления знаков препинания в сложных предложениях с присубстантивно-относительными придаточными в сербохорватском языке см. М. С т е в а н о в и ћ. Граматика српскохрватског језика. Београд, 1957, стр. 308.

знаке, в равной степени относящемся к любому моряку. Придаточное является распространительно-повествовательным. И в этом случае присубстантивное придаточное и определяемое слово на первом уровне членения входят в один компонент (в нашем примере — к основе). Однако на этот раз они составляют такое единство, в котором смысловая и интонационная связь являются более слабой — в устной речи распространительное придаточное выделяется в интонационном отношении в составе компонента коммуникативного членения, в который оно входит, в отдельную синтагму и имеет в предложении известную смысловую и коммуникативную самостоятельность:¹⁹ *Морнари, | коју су сујевѣрни, || не укрцавају се у петак.* В языках с логическим принципом пунктуации (например, в сербохорватском) такое придаточное обязательно отделяется от главного запятыми.

Выделение присубстантивного придаточного в отдельную синтагму не отражает членения определяемого слова и придаточного на основу и предцируемую часть, так как «нагрузка определения тесно связана с тем, какой смысловый вес имеет определяемое слово»²⁰. Оно не отражает и возможного членения самого придаточного на основу и второстепенную предцируемую часть. В этих предложениях мы имеем дело с известными случаями, когда, «обеспечивая более четкое выделение и разграничение важнейших компонентов актуального членения предложения — основы высказывания и предцируемой части, ритмомелодическое членение может одновременно способствовать дополнительному выделению тех или иных коммуникативно-значимых элементов внутри их состава»²¹.

В сложных предложениях с присубстантивными придаточными придаточное, интонационно выделенное в особую синтагму в качестве такого коммуникативно-значимого элемента, имеет распространительно-повествовательное значение, так как актуализация придаточного в данном случае отражает определенное коммуникативное задание — намерение автора подчеркнуть, акцентировать признак, относящийся к предмету, но не дифференцирующий его, придать предложению, которое раскрывает этот признак, характер полутного замечания или добавочного сообщения²².

Таким образом, мы приходим к выводу, что выделительная и распространительно-повествовательная семантика присубстантивных придаточных не является конструктивно-синтаксической, так как она не выражается структурными элементами модели сложного предложения. Наличие этой семантики отражает не конструктивно-синтаксический, а коммуникативный аспект предложения и зависит от назначения, которое по замыслу автора присубстантивное придаточное должно выполнить в процессе общения, т. е. от коммуникативного задания.

Для каждого предложения с присубстантивно-относительным придаточным возможна такая конситуация, в которой присубстантивное придаточное может употребляться то с одним, то с другим коммуникативным заданием и реализовать потенциально присущее ему то выделительное, то распространительно-повествовательное значение. В устной речи ком-

¹⁹ Обладая определенной коммуникативной самостоятельностью, такая придаточная часть (без определяемого слова) не может быть, однако, ни основой, ни предцируемой частью высказывания, выражаемого всей сложной конструкцией. Она является лишь дополнительной (необязательной) частью одного из компонентов актуального членения этого высказывания. Ср. И. П. Распопов. Там же, стр. 155.

²⁰ К. Г. Крушельницкая. К вопросу о смысловом членении предложения. «Вопросы языкознания», 1956, № 5, стр. 59.

²¹ И. П. Распопов. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970, стр. 152.

²² О понимании актуализации см. Н. Н. Прокопович. Словосочетание в современном русском языке. М., 1966, стр. 123.

муникативное значение придаточного выражается взаимодействием модели и лексико-грамматического состава предложения с его интонацией и ритмико-мелодическим членением. В письменном тексте оно передается контекстом ²³ и — в языках с логическим принципом пунктуации — знаками препинания. Выделительное присубстантивное придаточное используется для дифференциации, ограничения определяемого предмета. Это часть предложения, не выделяемая в отдельную синтагму в смысловом и интонационном отношении, не акцентируемая, составляющая единое смысловое и интонационное целое с определяемым словом. Распространительно-повествовательное присубстантивное придаточное употребляется только для дополнительного сообщения о каком-либо признаке определяемого предмета (без дифференциации и ограничения самого предмета). Это актуализированная, т. е. подчеркнуто акцентированная и выделенная в смысловом и интонационном отношении в отдельную синтагму часть предложения, оформленная как сообщение, дополнительное к главной части.

²³ О широком распространении в языке случаев, когда контекст выступает не только как конкретизатор и уточнитель, но и как равноправное средство в выражении значения см. А. В. Б о н д а р к о. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971, стр. 65 и след.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Ф. А. МОЛОК

ПЕРЕПИСКА ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЛИТЕРАТОРОВ С СОЮЗОМ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В КОНЦЕ 30-х ГОДОВ

Во второй половине 30-х годов заметно активизировались чехословацко-советские литературные связи. Это было неразрывно связано с такими важнейшими событиями, как установление 9 июня 1934 г. дипломатических отношений между СССР и Чехословакией и подписание 16 мая 1935 г. договора о дружбе и взаимопомощи, стимулировавшего дальнейшее развитие культурных взаимоотношений¹. В частности, приобретают более систематический характер литературные и личные контакты между советскими и чехословацкими писателями. Более частыми становятся взаимные поездки, завязывается переписка.

Содержание переписки весьма разнообразно: это взаимная информация о важнейших событиях культурной жизни в обеих странах, сообщения о новых советских переводах в Чехословакию, сведения о книгообмене, факты солидарности писателей в борьбе с фашизмом. Рассмотрим подробнее материалы фонда Иностранной комиссии Союза Советских писателей в ЦГАЛИ, содержащие переписку с марта 1938 г. до марта 1939 г.².

Значительная часть материалов переписки связана с поездками чехословацких писателей в СССР весной и летом 1938 г. На Первомайские торжества в Москву, как сообщала «Литературная газета» 1 мая 1938 г., прибыла группа чехословацких писателей. В состав этой группы входили Мария Майерова, Йозеф Копта и другие писатели³.

Майерова впервые приезжала в Советский Союз еще в 1924 г. на V конгресс Коминтерна. Результатом этой поездки была книга «День после революции»⁴. В ней Майерова писала о восстановлении народного хозяйства и о воспитании бывших безнадзорных детей в стране Советов.

Прошло 14 лет — и писательница снова в Москве⁵; где вместе со своими товарищами по делегации она пробыла пять дней, встречалась с П. Павленко, А. Серафимовичем, В. Вишневским, С. Новиковым-Прибоем, С. Макаренко, Л. Никулиным, В. Финком, А. Фадеевым, А. Караваевой, С. Маршаком, А. Барто, С. Михалковым⁶.

¹ См. об этом З. Г. Минц, О. М. Малевич, А. Н. Толстой в Чехословакии в 1935 г. В кн. Труды по русской и славянской филологии, вып. 1. Тарту, 1958, стр. 204—214.

² ЦГАЛИ, ф. 631.

³ «Литературная газета», 1938, 1 мая.

⁴ М. М а j e r o v á. Den po revoluci 1924. В кн. Vítězný pochod Sovětský svaz 1924—1952. Praha, 1953, s. 14—206.

⁵ См. упоминание о поездке М. Майеровой в Москву в очерке Б. Полевого. До Берлина — 896 километров. Из записок военного корреспондента. «Дружба народов», 1971, № 9.

⁶ М. М а j e r o v á. Rok 1938 (Návštěvou u spisovatelů). В кн. Vítězný pochod Sovětský svaz 1924—1952. Praha, s. 230—235.

Потом чехословацкие писатели посетили Ленинград, беседовали там с проф. В. Чернобаевым и Т. Аксель⁷, работавшими над переводами чешской художественной литературы.

Вскоре после возвращения писателей к себе на родину секретарь Иностранной комиссии ССП М. Я. Аплетин отправил 13 мая 1938 г. М. Майеровой письмо, в котором благодарил писательницу за ее высказывания (имеются в виду высказывания о Советском Союзе и советской литературе)⁸. Далее он сообщает Майеровой о посылке ей книги сказаний «Марфы Семеновны Крюковой, очень интересной сказительницы нашего Севера». В заключении этого письма автор выражает надежду, что Майерова будет «писать нам, как живет литература братской нам страны».

Находим мы в переписке и короткое письмо М. Майеровой Аплетину, отправленное писательницей из Праги 14 мая 1938 г. В этом письме, написанном на русском языке, Майерова сообщает, в частности, об успешном распространении ее «Шахтерской баллады», которая разошлась за три дня.

Велась переписка и с Й. Чапеком. 13 мая 1938 г. Аплетин направил ему письмо, в котором благодарил «за доброе приветствие с границы и за высказывание для прессы, данное в Ленинграде»⁹. В этом же письме он сообщает, что посылает Й. Чапеку томик Маяковского «Непобедимое». В конце письма выражается надежда «время от времени получать от Вас (имеется в виду от Й. Чапека) советы, что следовало бы из литературы Чехословакии издать у нас, какие вышедшие у Вас пьесы подходят для постановки у нас».

Другое письмо Й. Чапеку от 10 марта 1939 г. начинается соболезнованием «по случаю смерти Вашего брата — замечательного писателя Чехословакии» Карела Чапека. В этом же письме Аплетин пишет и о большом интересе, проявляемом в Советском Союзе к культуре и особенно к прекрасной литературе Чехословакии. Одновременно Аплетин сообщает Чапеку о посылке ему новых русских переводов «Кобзаря» Шевченко, рассказывает чешскому деятелю культуры о торжественном праздновании 125-летия со дня рождения Шевченко.

Теперь остановимся на письмах прогрессивного писателя и журналиста Йозефа Копты. Попутно хочется заметить, что оценка, данная творчеству Й. Копты в «Очерках истории чешской литературы XIX—XX веков», является неполной, так как в ней совершенно отсутствует какое-либо упоминание о публицистической деятельности писателя¹⁰, в частности о его книге «Путь в Москву»¹¹, которая явилась литературным итогом его поездки в СССР в 1927 г. в составе чехословацкой делегации на празднование 10-летия Октябрьской революции¹².

Упомянутый капитальный труд не содержит, к сожалению, и сведений о переводах Й. Коптой произведений А. С. Пушкина и А. Н. Толстого на чешский язык. Об интересе Й. Копты к пушкинской тематике свидетельствует в частности его открытка, по-

⁷ Ibid., s. 227.

⁸ Нам представляется, что, в частности, речь идет о заявлении делегации чехословацких писателей, которое они сделали, будучи в Ленинграде: «Мы очень довольны, что осуществилось, наконец, наше желание познакомиться с преобразенной страной, к которой, как и весь наш народ, питаем глубокую симпатию». И далее о советской литературе: «Ваша замечательная литература пользуется громадным уважением чешского читателя. Книги советских писателей читаются с большим интересом. Несколько издательств систематически переводят и издают советских авторов — Толстого, Шолохова, Эренбурга, Фадеева». См. «Красная газета», 1938, 9 мая, № 105.

⁹ Имеется в виду следующее высказывание: «Нахлынувшие на меня в СССР чувства восторга и удивления переходят в уверенное глубокое уважение к советскому народу, к его созидательной трудовой жизни». См. «Красная газета», 1938, 9 мая, № 105.

¹⁰ См. «Очерки истории чешской литературы XIX—XX веков». М., 1963, стр. 389—396.

¹¹ О публицистической деятельности Й. Копты и о его книге «Cesta do Moskvy», 1927, см. «Slovník českých spisovatelů», Praha, 1964, s. 245.

¹² О Й. Копте есть упоминание в материалах ВОКСа, относящихся к концу 20-х годов, где дается краткая характеристика членам чехословацкой делегации: «Копта Иосиф один из редакторов леволегонерской газеты „Освобождение“ ... Дружески настроен к СССР», ЦГАОР, ф. 5283, оп. 9, л. 37.

сланная 14 марта 1938 г. Аплетину: «Дорогой друг Аплетин, получил Ваше милое письмо в горах Моравии — на днях возвращаюсь в Прагу, и я буду иметь возможность содействовать для музея Пушкина. Попытаюсь получить и прислать через Полпредство самые новые переводы пьес Пушкина на чешский язык»¹³. 27 мая 1938 г. Й. Копта отправил М. Аплетину письмо, в котором писал: «глубоко меня обрадовал Пушкинский календарь, который уже вчерне прочитаю. Свои впечатления из Союза печатаю в Лит. культ. газете «Сін» («Чин») и издатель Вам ее пришлет»¹⁴. Спустя неделю Аплетин отправил Й. Копте перевод «Слова о полку Игореве» и книжку о Шота Руставели.

Несколько слов о переписке с М. Пуймановой, которая впервые посетила Советский Союз в конце 1932 г. О своей поездке она написала книгу «Взгляд на новую землю»¹⁵. Эта поездка произвела большое впечатление на писательницу¹⁶ и, можно полагать, дала ей творческие импульсы для работы над романом «Люди на перепутьи»¹⁷. В письме от 27 мая 1938 г. Аплетин благодарит чешскую писательницу за присылку этой книги, и здесь же ставится вопрос о возможности ее издания в СССР. В том же письме он благодарит М. Пуйманову за то, что она прислала в Москву, по его просьбе, в связи с 70-летием со дня рождения Горького, свои высказывания о писателе, которые передавались по Московскому радио 9 июня 1938 г. В ответном письме, написанном на русском языке, Пуйманова сообщает о своем плане приехать в августе 1938 г. в Советский Узбекистан, чтобы познакомиться со сбором хлопка, а на обратном пути, по дороге на родину, заехать в начале сентября в Москву¹⁸. В заключении своего письма М. Пуйманова пишет о большом интересе в Чехословакии к русской и советской литературе.

Заслуживают внимания два письма Сватоплука Турека — одно на чешском, другое на русском языке. В первом, присланном из Киева и датированном 25 VIII 1938 г., писатель выражает свое восхищение успехами СССР, искренностью советских людей, произведшей на него самое большое впечатление¹⁹. В другом письме, от 28 XII 1938 г. Сватоплук делится с Аплетинным своим планом выпуска романа «Ботострой», ранее подготовленного к изданию в журнале «Молодая гвардия», в виде отдельной книги.

В фонде Иностранной комиссии Союза писателей находятся два письма, отправленные М. Марчановой, переводчицей русской литературы, в ВОКС и пересланные в комиссию. Марчанова обещает прислать в Советский Союз последние книги своих переводов и вспоминает слова «прекрасного стихотворения Веры Инбер „Разлука“»²⁰.

О личном знакомстве М. Марчановой с советскими поэтами свидетельствуют ее слова из другого письма в ВОКС от 26 XI 1938 г., в котором чешская переводчица просит передать «искренний привет поэтам Луговскому, Кирсанову, Суркову и Безыменскому», с которыми она лично познакомилась в Москве и Киеве, благодаря ВОКСу.

¹³ Текст открытки и последующего письма Й. Копты Аплетину дается с сохранением орфографии подлинника.

¹⁴ Еще в Ленинграде писатели Й. Копта и Й. Чапек заявили о своем обещании дать крупнейшим чехословацким газетам «Лидове новины» и «Народни освобозени» серию статей и очерков о Советском Союзе. См. «Красная газета», 1938, 9 мая.

¹⁵ M. P ů j m a n o v á. Pohled do nové země. Praha, 1932. На русском языке см. отрывки из этой книги: М. П у й м а н о в а. Соч., т. 5. М., 1961, стр. 386—398.

¹⁶ «Посещение Советского Союза было переломным моментом в моей жизни и творчестве». См. И. А. Б е р н ш т е й н. Творческий путь Марии Пуймановой. М., 1961. И другой отклик: «В Советском Союзе нашла Пуйманова крепкую почву под ногами». M. B l a h u n k a. Marie P ů j m a n o v á. Praha, 1961, s. 37.

¹⁷ M. P ů j m a n o v á. Lidé na křížovatce. Praha, 1937.

¹⁸ Ввиду сложной обстановки в Чехословакии в связи с угрозой со стороны гитлеровской Германии М. Пуйманова в 1938 г. в СССР не поехала. См. M. B l a h u n k a. Ibid., s. 69.

¹⁹ Это письмо опубликовано в сб. «Velká víra a naděje» (Praha, 1970, s. 245), составленном Ч. Амортном.

²⁰ В. И н б е р. Избранные стихи. М., 1935, стр. 104—105.

Это письмо Марчанова кончает заключительными словами поэтической книги Луговского «Европа»:

Каждое рукопожатие
Мы помним и понимаем,
И мы не на век расстаемся²¹

Из писем Марчановой мы узнаем, что она читает советские журналы («Красную Новь», «Звезду», «Литературный современник» и др.), газеты и главным образом сборники стихов. Кстати, для нее это был период особенно интенсивной работы: в Праге вышли ее переводы избранных стихов А. Ахматовой, избранных песен Н. Клюева и сборника стихов В. Казина «Рабочий май».

Иностранная комиссия ССП информирует чешских переводчиков (М. Марчанову, Б. Матезиуса) о различных событиях литературной жизни в нашей стране, предлагает их вниманию стихотворения советских поэтов, материалы, связанные с подготовкой 125-летнего юбилея Шевченко и др.

Представляет интерес переписка с Ярославом Кратохвилем, известным чешским антифашистским писателем, человеком яркого таланта. Прежде чем остановиться на этих письмах, напомним несколько фактов, касающихся отношения писателя к СССР²². Он трижды в 1924, 1932 и в 1936 гг. побывал в Советском Союзе. О своих впечатлениях и тех переменах, которые происходили в жизни советского общества, он писал в двух книгах очерков — «Из поездки в Россию» (1924) и «Взгляд на деревню» (1932)²³. Кроме того, в тридцатые годы Кратохвил опубликовал целый ряд очерков о развитии советской промышленности и сельского хозяйства²⁴. Во время своих поездок в СССР Кратохвил познакомился с Янко Купалой и А. Фадеевым, завязал переписку с советским литературным критиком И. Исполитом, который внимательно следил за развитием чешской литературы и, в частности, за творчеством Кратохвила²⁵. Кратохвил принимал активное участие в деятельности «Общества экономического и культурного сближения с Советским Союзом», а затем и в работе Центрального комитета «Союза друзей СССР»²⁶. О своей любви и глубоком уважении, которое питал чешский писатель к Советскому Союзу, свидетельствовала статья «Чем был и есть для меня СССР» (1937 г.)²⁷.

Из просмотренных нами писем мы узнаем, что Иностранная комиссия ССП информировала Кратохвила о некоторых событиях литературной жизни в СССР, в частности о 750-летних юбилеях двух великих памятников — «Слова о полку Игореве» и «Витязя в тигровой шкуре». Кратохвилу был послан перевод «Слова» на современный русский язык; выполненный Иваном Новиковым, некоторое время спустя отправлена книга песен Лебедева-Кумача.

Большое место в переписке чешских писателей с ССП занимает обмен письмами между Б. Вацлавеком и М. Аплетиним²⁸. Поскольку этот материал в основном опубликован (не говоря уже о достаточно разработанных в советском и чехословацком литературоведении вопросах связей Вацлавека с советской литературой), на нем нет надобности специально останавливаться.

²¹ В. Л у г о в с к о й. Европа. М., 1932, стр. 70.

²² См. об этом также предисловие И. Тауфера к советскому изданию романа 1969 г., в котором показано, в частности, какое место занимают в творчестве писателя его роман «Истоки» и книга «Путь революции».

²³ См. «Slovník českých spisovatelů», s. 258.

²⁴ См. предисловие И. Тауфера в кн. Я. К р а т о х в и л. Истоки. М., 1969, стр. 20; «Země sovětů», č. 8, 1931/32; «Leva fronta», č. 1, 1935; «Národní osvobození», № 11—12, 1932.

²⁵ R. P i n z. Cesta Jaroslava Kratochvila. Praha, 1964, s. 28, 133, 232. Это первая монография о творчестве и жизни Кратохвила.

²⁶ Ibid., s. 232.

²⁷ Имеется в виду статья Я. Кратохвила для сб. «Československo Sovětskému svazu k 20 vuročí». Praha, 1937, s. 60.

²⁸ Обзор писем Б. Вацлавека М. Аплетину был дан в публикации Л. С. Кипкина «Корреспонденция Бедржиха Вацлавека» — «Славянский архив», М., вып. 2, 1962, стр. 187—192. Тексты писем Вацлавека Аплетину опубликованы Л. С. Кипкиным в журнале «Slavia», 1962, № 4, s. 42—51.

В фонде Иностранной комиссии имеются и другие материалы, представляющие некоторый интерес для нашей темы. Так, в письме от 16 сентября 1938 г. «Общество экономического и культурного сближения с Советским Союзом» (Братислава), его руководители, зам. председателя Ян Творжек и секретарь Г. Гусак, благодарят советских товарищей за гостеприимство, оказанное в Москве председателю их общества, известному публицисту, другу Советского Союза Эло Шандору. В этом письме говорилось, что на словацких товарищей «очень хорошо подействовало сообщение» Шандора об интересе, который проявляется в СССР к нашему народу и нашей родине. В приписке к этому письму, сделанной Эло Шандором на русском языке, он информирует советских товарищей, что несмотря на все трудности, друзья Советского Союза в Словакии составляют планы работы на будущий сезон.

В заключение нашего сообщения следует упомянуть еще одну очень небольшую группу документов, имеющихся в том же фонде. Речь идет о тематической подборке писем М. Кольцова, написанных им на немецком языке в сентябре 1935 г., К. Чапеку и П. Илемницкому с просьбой принять активное участие в создании книги «День мира». Мы не будем останавливаться на этих письмах, так как уже имеется публикация на данную тему²⁹.

Приведенный в статье материал позволяет сделать некоторые выводы. Охарактеризованная переписка является ярким свидетельством интереса целой группы прогрессивных чехословацких писателей к русской и советской литературе.

Информация Иностранной комиссии ССП способствовала тому, что передовая литературная общественность Чехословакии была хорошо ознакомлена со всеми важнейшими событиями литературной жизни Советского Союза. В свою очередь, чехословацкие писатели, как это видно из их писем, стремились, используя радио и печать, сделать известные им материалы о литературе нашей страны достоянием широких читательских кругов. Вместе с тем и наши литературные круги получили дополнительные сведения о новых произведениях чехословацкой литературы, вышедших в это время. Итак, материалы изученной переписки могут способствовать уточнению наших знаний о советско-чехословацких литературных связях.

²⁹ См. Т. Агапкина. К истории создания книги «День мира». «Советское славяноведение», 1968, № 3.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД В ХОРВАТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (1960 — 1970)

Югославские историки в последние годы активно исследуют историю средневекового города, особенно хорватского. И это понятно: в состав Хорватии после второй мировой войны полностью вошла Далмация, в прошлом в течение столетий связанная с Италией, район городов с богатым средневековым прошлым. Далматинские города — от Задара на севере до Ульциня на юге — в XII — XV вв. являли яркий пример независимых коммун. В современной хорватской урбанистике наиболее пристально изучается именно далматинский город. Цели, методы и конечные результаты этого изучения не могут не представлять интереса для советских славистов.

Особняком развивается дубровницкая историография: общеизвестно, что история Дубровника, который вел широкую торговлю на Балканах и в самые трудные годы сохранил независимость, несопоставима с историей остальных далматинских центров. Эта мысль утвердилась и в школьных курсах истории и в обобщающих трудах¹ — повсюду Дубровник обособляется от Далмации. Тем легче очертить рамки настоящего обзора: мы ограничимся работами, посвященными городам только из северной Далмации (или Далматинской Хорватии), это — Задар, Шибеник, Трогир, Сплит. Средневековье поздно кончается в Далмации, практически продолжаясь до Французской революции и падения Венеции, поэтому хронологические границы обзора включают и XVII и XVIII вв.

Разработкой «городской» проблематики в Хорватии занимаются разные научные учреждения. В Сплите, самом крупном из далматинских городов, существуют Музей Сплита и Исторический архив, регулярно выпускающие в свет свои издания. Музей издает каталоги выставок, топонимические справочники, публикации источников, чаще всего в виде не-

больших книжечек². Архив — сборники обширных текстов, комментированных, снабженных вводными статьями и солидным научным аппаратом³. Более последовательную исследовательскую работу проводят Институт Югославянской Академии наук и искусств в Задаре и Исторический институт в Дубровнике. Задарский институт ежегодно издает объемистые (до 750 стр.) тома «Трудов» («Radovi») ⁴, строящихся по комплексному принципу — искусствоведение, этнография, ономастика. Удельный вес медиевистики иногда очень невелик. Истории средних веков время от времени посвящает свои страницы «Задарское обозрение» («Zadarska revija») — в 1967 г. целый выпуск был посвящен истории задарского монастыря св. Марии, отдельные монографии издает «Матица хрватска»⁵. Таким образом, историческому прошлому Далмации посвящается немало работ, однако, далеко не всегда город оказывается в центре этих исследований, его история

² Из последних работ назовем: Н. М о г о в и ć. Anonimna splitska kronika, 1962; С. F i s k o v i ć. O splitskom književniku, Jurju Dragišiću de Garis, 1962; D. K e ĉ k e m e t. Vid Morpurgo i narodni preporod u Splitu, 1963; R. V i d o v i ć. O postanku i značenju splitskih nadimaka, 1965.

³ «Izdavanje Historijskog arhiva u Splitu» (далее — ИНАС), sv. 5, 1965; sv. 6, 1967; sv. 7, 1969. Недавно вышло внеочередное издание — «Inventar arhiva stare splitske općine», 1969, прекрасно подготовленное Д. Божич-Бужанчич и содержащее сведения обо всех документах сплитской коммуны, хранящихся в разных далматинских архивах.

⁴ «Radovi Instituta Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti u Zadru» (далее — РИЗ), sv. 1—18, Zagreb-Zadar, 1954—1970.

⁵ G. N o v a k. Povijest Splita, knj. 1, 1957; knj. 2, 1961; самая последняя публикация: А. Ј у т р о н и ć. Iz kulturne prošlosti Braća. Split, 1970.

¹ См. «Историја народа Југославије», кн. 1, Загреб, стр. 629—667; кн. 2, Београд, стр. 210—235, 591—594.

нередко заслонена биографиями выдающихся далматинцев, характеристикой мореходства или промыслов, частными проблемами политической истории, искусствоведческими очерками. Интерес к городу, как социальному организму, лишь постепенно нарастает в последние годы.

Среди направлений, сложившихся в далматинской урбанистике, некоторые несут на себе груз многолетних традиций. Такова, например, проблема этнической истории города. Интерес к ней в свое время был порожден столкновением хорватской и итальянской политики в Далмации. Прошлое далматинского города, романского по происхождению и сходного с итальянскими коммунами, казалось бы, представляло историкам-ирредентистам (т. е. сторонникам присоединения Далмации к Италии) солидную аргументацию для подкрепления идеи о далматинском городе, как полностью итальянском организме. Эта мысль на несколько десятилетий подчинила творчество ряда историков, в том числе и достаточно серьезных (таких как Дж. Прага или А. Тея), и породила целую литературу⁶. Приступив после освобождения страны к исследованию архивов, историки новой Югославии довольно быстро установили беспочвенность этого тезиса. Им удалось доказать на топонимическом материале, что раннесредневековый Задар был не чисто романским, а двуязычным — славянским и романским — городом, в деревне же вообще господствовала хорватская топонимическая система⁷. Проведя кропотливый анализ текстов, А. М. Стржачич доказал аутентичность известного средневекового свидетельства, гласящего, что во время визита папы Александра III в Задар в 1177 г. население города встретило его песнями «на своем славянском языке» (*in eorum slavica lingua*)⁸. А.-Р. Филиппи на основе ватиканских текстов изучил быт женских монастырей в Задаре в 1579 и 1603 гг. и установил, что монахи в начале XVII в. повсюду разговаривали по-хорватски и на этом же языке велись проповеди во всех церквях города⁹, попутно было установлено существование одной из первых в Далмации школ, где

преподавание также велось на хорватском языке¹⁰.

Трудности в определении этнического состава средневекового города велики — имена жителей, наш основной источник для решения этой задачи, то итальянизировались, то славянизировались¹¹. Нам кажется поэтому, что традиционный вопрос о сохранении античных начал в жизни далматинского города должен быть переведен из этнической в социально-экономическую плоскость. Важно выяснить, в какой мере этот город унаследовал и сохранил в имущественной сфере, в организации управления и социальной структуре элементы античного полиса. В новейшей хорватской литературе все больше утверждается мнение о том, что славянское завоевание не оказало воздействия не только на многие города на побережье¹², но и на их окрестности. Убедительные доказательства этого недавно привел археолог М. Суич из Задара. С помощью аэрофотосъемки ему удалось обнаружить в окрестностях Задара и Сплита остатки римской системы межевания¹³. На этих пригородных территориях в раннем средневековье сохранилась частная собственность, противостоявшая общинным отношениям, которые принесли с собой славяне. Разумеется, наличие античных традиций в пригородном землевладении еще не дает основания судить о сохранении этих же традиций в жизни города вообще — до существования континуитета еще далеко. В лучшем случае можно говорить о том, что славянские завоевания не уничтожили старой системы собственности, а может быть, и не докатились до самых городских стен.

Второй традиционной темой хорватской урбанистики является права в ая история города и городских учреждений. Напомним, что начало серьезного исследования городской жизни в хорватской науке положила книга И. Стро-

¹⁰ A.-R. Filipi. Samostan i crkva sv. Marije u Zadru prema dokumentima iz g. 1579. i 1603. RIZ, 13—14, 1967, s. 231—262.

¹¹ Подробно об этом см. И. Манкен. Дубровачки патрицијат у XIV веку. Београд, 1960, J. L u č i ć. O dubrovačkom patricijatu u XIV stoljeću. «Historijski zbornik» (далее — HZ), god. XVII, Zagreb, 1964, s. 394—401.

¹² «Теория о том, что... славянские вторжения в Далмацию... ликвидировали романскую жизнь на побережье, полностью ошибочна» — N. Colak. Naše ribarstvo do pada Međačke republike. «Pomorski zbornik» (далее — PZ), sv. I, Zagreb, 1962, s. 394.

¹³ M. Suić. Ostaci limitacije naših primorskih gradova u ranom srednjem vijeku. «Starohrvatska prosvjeta» (далее — SP), 5, 1956, s. 7—19.

⁶ В 20-30-х годах ее развивала «Rivista Dalmatica», ежеквартально издававшаяся в Задаре, и ежемесячник «Archivio storico per la Dalmazia».

⁷ P. Skok. Postanak hrvatskog Zadra. RIZ, I, 1954, s. 37—68.

⁸ A. Strgajčić. Papa Aleksandar III u Zadru. RIZ, I, 1954, s. 153—187.

⁹ A.-R. Filipi. Hrvatski govorni jezik u Zadru prema dokumentu iz godine 1603. Zbornik «Zadar», Zagreb, 1964, 431—440.

хала «Правовая история далматинских городов»¹⁴, а за ней уже последовали конкретные исследования, в частности работы акад. М. Костренчича о происхождении города и его коммунальной организации¹⁵. Эта «правовая» струя в историографии города вполне объяснима — на вопрос о прошлом далматинских коммун отвечают прежде всего коммунальные статулы. Они давно введены в научный оборот, в конце XIX — начале XX вв. Осталось лишь их всесторонне изучить.

Сводной работы о городском праве всех далматинских коммун еще нет. Только по отношению к городам из Истрии — Копару, Поречу, Пуле — эта работа была проделана И. Беуцем¹⁶, и на основании преамбул из городских статулов А. Цвитанич пришел к выводу о том, что право далматинских городов выражает интересы только патрициата, стремящегося удержать в своих руках монополию на власть¹⁷. Более значительны исследования о праве отдельных городов — И. Беуца о Задаре и А. Цвитанича о Сплите¹⁸. Обе работы основательно аргументированы, их авторы не только детально рассматривают все виды права (семейное, морское, наследственное), характеризуют гражданский и уголовный процесс, но и дополнительно освещают: И. Беуц — развитие коммуны в X—XIV вв., А. Цвитанич — систему управления. Представляются сомнительными лишь два тезиса в книге А. Цвитанича — во-первых, мысль о решительном преобладании в городском праве интересов патрициата. На мой взгляд, городское право — не тот источник, где социальные противоречия выступают в обнаженном виде. И во-вторых, вряд ли в городском праве начала XIV в. можно так отчетливо выделить феодальную и «буржуазную» соб-

ственность, как это делает А. Цвитанич¹⁹.

Однако для современной историографии характерен интерес не к юридическим сюжетам, а к проблемам социально-экономической, и даже скорее экономической истории города. Если в 1951 г. в статью «Об экономических отношениях в Трогире XIII в.» М. Миркович включил характеристику и социальной организации города и даже его коммунального строя²⁰, то для исследователей 60-х годов такое расширительное толкование экономических отношений уже неприменимо. Сейчас историки все чаще сосредотачивают свое внимание на изучении конкретных вопросов хозяйственной структуры приморского города — его ремесла, мореходства, обмена, кредита, торговых коммуникаций, промыслов, внутреннего и внешнего рынка. Все чаще публикуются новые архивные данные, разрабатываются наиболее рациональные методы издания источников по хозяйственной истории²¹. Именно в последние годы появляется подготавливаемый М. Влайнацем и оставшийся незавершенным (вышли только 2 тома) словарь старинных мер — важный справочник для изучения городской экономики²².

Особым вниманием хорватских исследователей давно уже пользуется тема мореходства и торговли. Ей посвящены главы в обобщающих трудах Г. Новака по истории Сплита, Хвара и Виса, в которых рассматриваются ассортимент ввоза и вывоза, направления грузопотоков, система организации торговых связей²³. В последние годы наметилась новая тенденция — стремление перейти от всеобъемлющей характеристики отдельных городов и островных коммун к анализу двусторонних коммерческих взаимосвязей между ними, например, между Задаром и Риекой или Дубровником и Задаром²⁴. Интересны в этом отношении работы Й. Лучича, на материа-

¹⁴ I. S t r o h a l. Pravna povijest dalmatinskih gradova. Zagreb, 1913.

¹⁵ M. K o s t r e n j i ć. Postanak dalmatinskih gradova. «Sišićev zbornik», Zagreb, 1929, s. 113—120; ег о ж е. Slobode dalmatinskih gradova по типу trogirskom. «Rad JAZU», knj. 239, Zagreb, s. 50—150.

¹⁶ I. B e u c. Osnovi statutarnog prava u Istri. «Zbornik pravnog fakulteta u Zagrebu» (далее — ZPFZg), god. XII, № 3—4, Zagreb, 1962, s. 181—198.

¹⁷ A. C v i t a n i ć. Proemiji statuta nash primorskih komuna — specifičan koncentriran izraz srednjovjekovnog shvaćanja političke vlasti i prava. ZPFZg, god. XVII, № 3—4, 1967, s. 279—283.

¹⁸ I. B e u c. Statut zadarske komune iz 1305. godine. «Vjesnik državnog arhiva u Rijeci» (далее — VDAR), sv. II, Rijeka, 1954, s. 494—763; A. C v i t a n i ć. Pravno uređenje Splitske komune по statutu iz 1312. godine. Split, 1964.

¹⁹ A. C v i t a n i ć. Pravno uređenje..., s. 213.

²⁰ M. M i r k o v i ć. O ekonomskim odnosima u Trogiru u XIII stoljeću, HZ, god. IV, 1951, s. 21—54.

²¹ M. M. Ф р е й д е н б е р г. Новейшие публикации средневековых памятников Хорватии (1948—1965). Сб. «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, стр. 158—190.

²² M. В л а ј и н а ц. Речник наших старих мера у току века. св. 1—2. Београд, 1961—1964.

²³ G. N o v a k. Povijest Splita, knj. I. Split, 1957, s. 452—485; ег о ж е. Hvar kroz stoljeća. Hvar, 1960, s. 61—73; ег о ж е. Vis. Zagreb, 1961, s. 123—139.

²⁴ S. A n t o l j a k. Veze između Zadra i Rijeke u srednjem vijeku. VDAR, sv. II, 1954, s. 5—18.

ле дубровницкого архива освещающие не только торговые, но и демографические, культурные и производственные связи дубровницкой республики с остальными городами побережья²⁵. Это серия статей, четко построенных, с выводами, нередко меняющими традиционные представления (например, о стремлении Венеции в XIII в. отсеснить Дубровник от морских путей на сухопутные), а еще чаще обобщающими обильный архивный материал очень раннего происхождения: все статьи посвящены XIII в. На значительно более позднем материале проблемы двусторонних торговых связей исследует С. М. Тралич, выясняющий, каким образом турецкое завоевание влияло на вывоз боснийских товаров через порты далматинского побережья. Его работы не оставляют сомнения в том, что перманентное противоборство Османской империи и Венецианской республики не смогло поменшать активным коммерческим связям далматинских городов с балканским хинтерландом — эти связи в XVII—XVIII вв. приобретают особенно широкий характер.

Многие проблемы из истории морской торговли впервые поставлены именно в 60-х гг. Такова проблема уровня транспортных расходов в средневековом судоходстве, которая решается в работе Н. Чолака²⁶. Уже пройден этап, когда хорватским историкам приходилось доказывать участие купцов не одного только итальянского, но и славянского происхождения в средиземноморской торговле²⁷. Ныне исследователи с успехом восстанавливают имена и биографии южнославянских купцов, внесших вклад в развитие этой торговли²⁸. В. Форети-

чу, например, удалось восстановить одну очень раннюю биографию хорвата Добрамира, попавшего рабом в Венецию, затем выкупившегося на свободу, и в течение 1125—1140 гг. промышлявшего здесь же ростовщицеством и торговлей, а впоследствии обосновавшегося в Коринфе²⁹. Это одно из первых сколько-нибудь подробных исследований деятельности славянских купцов в столь ранний период.

Круг проблем, связанных с историей мореходства, поднятых в работах югославских историков, достаточно велик. Здесь и локальные исследования по истории морского дела в задарском архипелаге³⁰, и ответ на вопросы, до сих пор не поддававшиеся разрешению (например, о том, как дуют ветры по терминологии средневековых актов³¹), и обзоры морского права по данным городских статут³². Жаль, что сравнительно ограниченный круг северодалматинских источников не позволяет повторить на их материале работу, проделанную С. Векаричем применительно к Дубровнику, — реконструировать картину судостроения XIV в.³³ С. Векарич впервые вводит в научный оборот архивные данные о габаритах, водоизмещении, стоимости и сроках постройки кораблей, характеризует категории судов и смену гребных судов парусными в середине XIV в., наконец, рисует строительство корабля как сложный и дифференцированный процесс, в котором заняты пильщик досок, плотник, конопатчик, канатчик, кузнец, изготовители весел и парусов.

Хорватскую медиевистику последних лет отличает интерес и к проблемам производственной жизни средневекового города, в частности к истории ремесла. Археологи открыли остатки ювелирных мастерских в Задаре и описали здания романского стиля из Трогира и

²⁵ J. L u č i ć. O pomorskim vezama Dubrovnika sa Zadrom i ostalim gradovima Dalmacije u XIII st. PZ, knj. 4, Zadar, 1966, s. 355—379; е г о ж е. Pomorsko-trgovačke veze Dubrovnika i Italije u XIII st., PZ, knj. 5, 1967, s. 447—475; е г о ж е. Pomorsko-trgovački odnosi Dubrovnika i Kotora u XIII st. PZ, knj. 6, 1968, s. 417—454; е г о ж е. Pomorsko-trgovačke veze Dubrovnika s gradovima zetskog i dračkog Primorja u XIII st. PZ, knj. 7, s. 829—858; е г о ж е. Pomorsko-trgovačke veze Dubrovnika i Venecije u XIII st. PZ, knj. 8, 1970, s. 569—595.

²⁶ N. Č o l a k. Pomorstvo zadarske komune od dolaska Hrvata na Jadran do pada Mletačke republike. PZ, I, 1962, s. 1555—1595.

²⁷ «Pomorski Split druge polovine XIV st. Notarske imbrevijature», ed. V. Rismondo. Split, 1954, Predgovor, s. 7—8.

²⁸ B. K r e k i ć. O nekim našim ljudima na Kritu u srednjem veku. «Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu» (далее — GFFNS), knj. 5. Novi Sad, 1960, s. 1—10.

²⁹ V. F o r e t i ć. Hrvat Dobramir i još neki naši ljudi kao pomorski privrednici u Mlecima u 12. i 13. st. PZ, 2, Zadar, 1964, s. 399—412.

³⁰ См., например, серию статей О. Фийо и В. Цвитановича о мореходстве в задарском архипелаге, опубликованных в RIZ, 3—9, 1957—1962.

³¹ A. S t r g a č i ć. «Quirina... traversa pars» zadarskih srednjovjekovnih isprava. «Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru» (далее — RFFZd), god. 2, sv. 2. Zadar, 1963, s. 95—130.

³² V. B r a j k o v i ć. Razvoj pomorskog prava na našoj obali. PZ, I. Zagreb, 1962, s. 439—445.

³³ S. V e k a r i ć. O gradnji dubrovačkih brodova u XIV st. PZ, I, Zadar, s. 463—476; е г о ж е. Vrste i tipovi dubrovačkih brodova XIV st. «Anali Historijskog instituta JAZU u Dubrovniku» (далее — AHID), god. X—XI. Dubrovnik, 1966, s. 19—42.

Сплита³⁴, составили каталоги имен мастеров, работавших в Далмации на протяжении многих столетий — с IX по XIX в.³⁵ Привлекают внимание работы Ц. Фисковича по истории художественных ремесел. Ц. Фискович — искусствовед, установление художественной ценности вещественных памятников является его главной задачей, но он умело использовал в своей работе и письменные, преимущественно архивные свидетельства. Например, в монографии «Задарские средневековые мастера» автор поставил перед собой задачу снять налет безымянности с произведений строителей, скульпторов, резчиков по дереву и ювелиров из Задара, и его ярко аргументированные выводы подкрепляются обширными публикациями (подробнейшими извлечениями из нотариальных книг XIV — XV вв., доселе неизвестными в науке)³⁶.

В изучении далеко не всех отраслей ремесла применим практикуемый Ц. Фисковичем метод, поэтому некоторые ремесленные производства (например, кузнечное или кожевенное) остаются еще недостаточно описанными; нет и сводной характеристики городского ремесла в Далматинской Хорватии, подобной той, которая проделана Д. Роллером на дубровницком материале³⁷. Не освещены проблемы уровня разделения труда в городском ремесле, взаимоотношения городских и сельских мастеров, рынка, на который работают городские производители.

Особый интерес для Далмации, где всегда был высок удельный вес сельских ремесел, представляет проблема сельского ремесленного производства. Частично этот вопрос освещают исследования о добыче камня³⁸; любопытную работу проделал Л. Катич по истории сельских мельниц, доказав, что поставщиками сырья на сукновальные мельницы являлись окрестные крестьяне³⁹; многочисленны

ми исследованиями аргументировано большое значение рыболовства в жизни далматинского крестьянина. Н. Чолак пришел к выводу, что рыболовство задолго до обособления ремесла стало одной из основ городского производства⁴⁰. Мы можем отметить редкость упоминаний профессии рыбаков (piscatores) в актах XIV — XV вв. — рыболовство не было обособленной профессией, им занимались все. Сходное положение мы наблюдаем и в добыче морской соли; в опубликованных источниках почти не встречается категория «солеваров»⁴¹.

Хорватские медиевисты не обходят вниманием и проблему социальной организации городского населения, в первую очередь коммунальной организации. Общеизвестно, что последняя носит патрицианский характер, выступая в качестве антагониста простонародью («пуку», populares), с течением времени создающему свою систему — universitas⁴². Задача выяснения того, как создаются городские universitates, и того, как коммуна приобретает чисто патрицианский характер, еще предстоит хорватской историографии.

Более детально исследован процесс оживления коммунального самоуправления под властью Венеции в XV — XVIII вв. в ряде работ М. Новак. Автор приходит к выводу, что этот процесс происходит постепенно, Венеция не считает нужным сразу же обрушиться на традиционные формы городской жизни, и под ее господством утрата коммунальных свобод лучше всего может быть определена термином «перерождение». Одновременно М. Новак дает картину создания новой, чисто чиновничьей администрации, приспосабливаемой с венецианских лагун, и прослеживает социальные перемены — рост противоречий между патрициатом и «народом», имущественное и социальное обособление верхнего слоя «народа» и, наконец, превращение этого слоя в самостоятельную прослойку «граждан» (cives). Интересно отметить, что одним из союзников Венеции в ее далматинской политике зачастую оказывались не только крестьяне (крестьянство материковых владений республики, как правило, слу-

³⁴ I. Petricioli. Prilozi proučavanju srednjovjekovnog zlatarstva u Zadru. RFFZd, god. 2, sv. 2, s. 141—145; C. Fisković. Romaničke kuće u Splitu i Trogiru. SP, sv. 2, 1952, s. 129—178.

³⁵ N. Božanić-Bezić. Majstori od IX do XIX stoljeća u Dalmaciji. «Prilozi povijesti umjetnosti u Dalmaciji», 15. Split, 1963, s. 215—326.

³⁶ C. Fisković. Zadarski sredovječni majstori. Split, 1959.

³⁷ D. Roller. Dubrovački zanati u XV. i XVI. stoljeću. Zagreb, 1951.

³⁸ P. Didolić. Bračko kamenarstvo u toku vremena. «Brački zbornik» (далее — BZ), 2. Brač, s. 210—220; его же. Brački kamenolomi. BZ, 3, s. 98—107.

³⁹ L. Katić. Solinski mlinovi u prošlosti. SP, 2, 1952, s. 201—220.

⁴⁰ N. Čolak. Naše ribarstvo do pada Mletačke republike. PZ, 1, Zagreb, s. 393—438.

⁴¹ Только в начале XVI в. можно зарегистрировать появление термина «salizador». «Starine», knj. 42, 1949, s. 315.

⁴² M. Novak. Autonomija dalmatinskih komuna pod Venecijom. Zadar, 1965; его же. Zadar glavni grad mletačke Dalmacije i Albanije. RIZ, 11—12, 1965, s. 187—202; его же. Kako i kada došlo do formiranja službe Generalnog providura Dalmacije i Albanije. RIZ, 15, 1968, s. 61—90.

жило ей опорой, это факт известный), но и бюргерство, пополаны.

Интерес хорватских историков вызывает и тема социальной организации городских ремесленников, чаще всего принявшей форму производственных или религиозных «братовщин» (*fraternitates, scholae*). На задарском материале этой темой занимается В. Цвитанович⁴³. В Задаре корпорации были особенно многочисленны, и автору удается установить наличие в городе 23 профессиональных (т. е. построенных по производственному признаку) и 41 религиозной «братовщины». Среди них и самая ранняя ремесленная корпорация — объединение ювелиров, возникшая в 1176 г., и появившиеся в XV в. корпорации крестьян-арендаторов и пушкарей. В. Цвитанович анализирует состав «братовщин», их имущество, бытовые, культурные, конфессиональные и политические функции, но старательно обходит основной вопрос, который возникает при знакомстве с «братовщинами» — в какой мере они являются цехами или эквивалентны им. Таким образом, он опускает весь комплекс традиционных, очень сложных вопросов — о цеховой монополии и регламентации, о контроле над производством и иерархии в цехе. В этом отношении Д. Роллер в своей книге о дубровницком ремесле занял более правильную позицию — он хоть поставил вопрос о признаках цеховой организации в Дубровнике⁴⁴.

Чрезвычайный интерес представляют исследования Т. Раукара по истории торговли и городских финансов в далматинских коммунах. По широте проблематики и строгости анализа это — несомненно лучшее из того, что появилось в литературе на социально-экономические темы за последние годы. Доходы далматинской коммуны, исчисленные Т. Раукаром⁴⁵, складываются в основном из обложения торговли — прямых налогов здесь нет. Подтверждается вывод, высказанный недавно, о том, что далматинская коммуна не знает прямого налогообложения⁴⁶. Номенклатура торговых пошлин отражает структуру балканской экономики — через город проходит масса продуктов скотоводства. Заслуженой Т. Раукара является то, что он ввел в

научный оборот множество новых архивных данных и среди них такой важный источник, как кадастр задарской коммуны 1300—1325 гг. С его помощью он обосновал вывод о том, что важнейшей статьей доходов коммуны являлось обложение не внешней оптовой, а местной, розничной торговли, что откупа с основных объектов торговли (скота, хлеба, вина) сосредотачивались в руках патрициата. Выскажем два соображения в связи с работой Т. Раукара. Автор чаще всего упоминает виноторговлю на вывоз, а между тем масса вина потреблялась на месте, в городских корчмах; он возражает против мнения о транзитном характере торговли скотом, полагая, что она питалась в основном за счет внутренних (пригородных) ресурсов. Этот вывод оправдан для отдельных городов, окруженных обширной периферией (например, для Задара), но сомнителен для городов, где такой округи не было, а их в Далмации было большинство.

Монографически изучив соляную торговлю в Задаре в XIV—XV вв.⁴⁷, Т. Раукар последовал традиции, наметившейся в последние годы (ср. работы Д. Динич-Кнежевич о торговле хлебом и вином в Дубровнике). Он отмечает, как меняется эта торговля при венецианцах и венграх, как воздвигается на нее система обложения, в каких направлениях следует далматинская соль (вдоль побережья и далее на континент; в итальянские порты), и каковы цены на эту соль. Велики архивные находки автора — он собрал массовые свидетельства о существовании солеваров (*salinarii*) в городах и обосновал размеры весовых единиц (модий соли равнялся 81,5 кг). Важен его вывод о том, что Венеция чуть не погубила соляную торговлю Далмации своей придирчивой системой обложения. Характерно открытое им соотношение цены и пошлины на соль. Например, местная цена колебалась от 5 до 30 дукатов за сотню модиев, и на том же уровне находилась пошлина. Неудивительно, что продажная цена соли была очень высока; так, соль, добытая на о-ве Паг, продавалась там по цене 5 дукатов за сотню модиев, а владыки эту же соль были вынуждены покупать за 44 дуката! Естественно, что торговля солью стала важнейшим источником дохода для венецианской казны. Заплатив за всю Далмацию в 1409 г. 100 тыс. дукатов, венецианцы в середине XV в. извлекали из соляной торговли ежегодных пошлин на 165 тыс. дукатов⁴⁸.

В 1964 и 1969 гг. югославская общественность отмечала юбилейные даты из истории двух городов — средневековой столицы Далмации Задара и маленького,

⁴³ V. C v i t a n o v i ć. *Bratovštine grada Zadra*. «Zadar», s. 457—470.

⁴⁴ D. R o l l e r. *Dubrovački zanati...*, s. 3, 70, 145.

⁴⁵ T. R a u k a r. *Prilog poznavanju sistema prihoda dalmatinskih gradova u XIV stoljeću*. HZ, XXI—XXII, 1970, s. 343—370.

⁴⁶ М. М. Фрейденберг. «Populares» средневекового далматинского города. «Вопросы всеобщей истории», УЗ Калининского пед. ин-та, т. 62. Калинин, 1971, стр. 95.

⁴⁷ T. R a u k a r. *Zadarska trgovina solju u XIV i XV stoljeću*. «Radovi Filozofskog fakulteta. Odsjek za povijest», 7—8. Zagreb, 1969—1970, s. 19—79.

⁴⁸ *Ibid.*, s. 44.

но с ярким историческим прошлым Ни-на. Обе даты были отмечены выходом в свет обширных публикаций. 20-летию освобождения Задара из-под власти Италии посвящен специальный том «Трудов» («Radovi») задарского института и объемистый (870 страниц большого формата) сборник «Задар». Из статей, написанных медиевистами для этих сборников, часть посвящена политической истории — Н. Кланч развивает тезис о том, что, устанавливая свою власть над Далмацией в начале XV в., Венеция опиралась на грубую силу, а не на какую-то создавшуюся в прошлом юридическую основу⁴⁹. Г. Новак предлагает очерк истории Задара, пусть достаточно краткий, но тем не менее содержащий иное понимание истории города, чем то, которое в свое время сформулировали В. Брунелли и А. Бенвенути⁵⁰.

Часть статей из задарских сборников посвящена темам этнической истории, вопросам сохранения хорватского языка в годы венецианского владычества. А.-Р. Филиппи решает эту проблему на узком материале — данных апостольских «визитаторов», посетивших Задар в конце XVI — начале XVII вв.⁵¹, А. Страгачич — на значительно более широком, от X в., когда ближайшие окрестности Задара становятся центром распространения глаголицы, до конца XVIII в.⁵². С помощью многочисленных литургических текстов автору удается показать, как на протяжении столетий периферия Задара остается районом, где католическая церковь вынуждена мириться с существованием богослужения на славянском языке. Чрезвычайно интересна попытка И. Петричиоли воссоздать облик средневекового Задара, особенно любопытны гравюры, карты, схемы, извлеченные автором из архивов. Жаль только, что автор почти не прибегает к сравнению с другими городами, в лучшем случае сопоставляет размеры Задара, Сплита и Трогира.

Иной характер носит серия опубликованных в 1969 г. исследований, посвященных Ниноу. Нин исследуют историки, археологи, искусствоведы, филологи; впервые этот город стал объектом столь пристального внимания. Известно, что он никогда не играл сколько-нибудь значительной роли в ремесле и не принимал-

ся в расчет как торговый центр; значительна лишь его роль одной из столиц раннефеодального хорватского государства и средоточия славянского богослужения. Все остальное следовало изучить впервые.

В сборнике собран значительный материал, характеризующий историю города не только в римскую, но и в гораздо более раннюю эпоху. Археологические находки восходят ко времени неолита, а со времени появления племени либурнов, с V в. до н. э., Нин уже активно заселен⁵³. Римский Нин — Эпоны давно уже является предметом внимания археологов (Ш. Батовича, В. Илаковича, М. Суича). В результате их раскопок были обнаружены многочисленные постройки и хорошо сохранившийся акведук, интересные вещественные находки, установлено, что город жил активной хозяйственной жизнью и имел статус civitas⁵⁴. Однако мы не вправе сопоставлять античный Нин со средневековым — здесь отсутствует преемственность даже в той ограниченной форме, в какой она существует в других далматинских городах, в форме демографического, архитектурного и пространственного континуитета: древний Нин был сильно разрушен аварами и славянами.

Новая жизнь города начинается с IX в., он становится не только «градом» племенного княжения, нинской жупании, но и местопребыванием хорватских государей, а в 1069 г. здесь была издана та грамота короля Крешимира, 900-летие которой отмечено в сборнике и в которой, кстати, впервые Адриатическое море именуется «нашим [т. е. славянским] морем». Дипломатическому анализу грамоты посвящена обстоятельная статья видного югославского палеографа В. Новака⁵⁵. К несколько более позднему времени относится возникновение выдающихся памятников дороманской архитектуры на Балканах — трехлепестковых церквей св. Николая и Кршевана (XII в.) и редкого в Далмации образца крестовокупольного храма — церкви св. Креста (XI в.)⁵⁶. Сборник, посвященный истории города, естественно не может обойтись без новейших публикаций из его архивов — Й. Коланович публикует тексты, сохранившиеся в хранилищах нинской епископии и посвя-

⁴⁹ N. K l a i ć. Problem vrhovne vlasti nad Dalmacijom do početka XV stoljeća. «Zadar», 1964, s. 141—168.

⁵⁰ G. N o v a k. Presjek kroz povijest grada Zadra. RIZ, 11—12, 1965, s. 7—76.

⁵¹ A.-R. F i l i p i. Samostan i crkva sv. Marije u Zadru prema dokumentima iz godine 1579. i 1603. RIZ, 13—14, 1967, s. 231—266.

⁵² A. M. S t r g a č i ć. Hrvatski jezik i glagolica u crkvenim ustanovama grada Zadra. «Zadar», 1964, s. 373—430.

⁵³ S. B a t o v i ć. Nin u prapovijesno doba. RIZ, 16—17, 1969, s. 9—61.

⁵⁴ M. S u i ć. Antički Nin (Aenona) i njegovi spomenici. RIZ, 16—17, s. 61—104; B. I l a k o v i ć. Aqueductus Aenonae, s. 265—298.

⁵⁵ V. N o v a k. Mare nostrum dalmaticum. RIZ, 16—17, s. 397—442.

⁵⁶ I. P e t r i c i o l i. Osvrt na ninske građevine i umjetničke spomenike srednjega i novoga vijeka. RIZ, 16—17, s. 299—356.

щенные истории города XIII—XVII вв.⁵⁷ Эта публикация тем более важна, что по истории Нина вообще сохранилось очень мало письменных памятников. Наконец, в сборнике исследуется военно-политическая борьба вокруг Нина со времени вторжения турок в Далмацию⁵⁸ и взаимоотношения города с другими далматинскими центрами в средние века⁵⁹.

Нельзя не отметить, что экономическая история города освещается на страницах сборника значительно скромнее, чем его зодчество или собственно история. Лишь некоторые данные о занятиях населения мореходством и рыбной ловлей приводит В. Брайкович на основе корпоративного устава XV в. (кстати, носящего не городской, а сельский характер)⁶⁰, да интересную находку со дна Нинского залива описывает З. Брушич. Им найдены остатки баркаса (6,7 × 1,5 м), служившего для товарных перевозок, и затопленного у входа в залив с грузом камней⁶¹. Социальная история города освещена еще более скупо. Только Р. Елич, хорошо знающий приходские книги с записями рождений, браков и смертей из задарского архива, пытается установить, сколько жителей из Нина отмечено в Задаре в XVI—XVII вв.⁶².

Отсутствие социально-экономических характеристик, объяснимое скудостью документальной базы, на мой взгляд, может быть к тому же мотивировано принципиальными установками авторов и редакторов сборника. Обратим в этой связи внимание на то, что работу авторского коллектива (в нем числится 26 имен!) отличает интерес к самым различным сторонам жизни города, в их исследованиях охарактеризовано этническое, культурное, военное, архитектурное прошлое Нина, написаны обстоятельные очерки политической истории, выявлены и описаны новые источники. И вместе с тем, авторы как бы избегают постановки вопросов о внутренней организации города, неважно какой — хозяйственной, общественной, коммунальной. Любопытно, между прочим, что очерк коммунального устройства здесь включен в статью о по-

литических событиях, происходивших в Нине в X—XV вв. Таким образом, читатель, желающий составить представление о том, к какому типу городов (даже в рамках узкого, далматинского, или более широкого средиземноморского региона) принадлежит Нин, каковы его типологические особенности, не получит этого ответа. А между тем было бы ошибкой думать, что типологические особенности у Нина не существует. Он представляет особый тип балканского города — маленский городской организм, через который проходит грань между городом и деревней. В какой-то мере свет на это качество города может пролить статья М. Новак, посвященная полным драматизма годам XVI в., когда венецианское правительство, не в силах защитить Нин от турок, приняло решение разрушить его. Никаких трудностей это не вызвало: город состоял из деревенских хижин, он давно уже был населен одними крестьянами. Вот этот процесс превращения города в село и может быть прослежен на примере городков далматинского побережья — Нина, Враны, Скрадина, Омиша.

Работа, проделанная хорватскими урбанистами в последние годы, значительна. Они поставили себе за правило основывать свои исследования преимущественно на архивных данных, и это стремление можно понять: богатые далматинские древлехранилища лишь два десятилетия назад перешли в собственность народной Югославии. Впрочем, у этой тенденции есть и оборотная сторона — новые памятники вводятся в науку уже в исследованном виде, и поэтому все реже появляются их «чистые» публикации⁶³. Изобилием материала, который жаждет увидеть свет, возможно, объясняется и такая особенность исследовательской техники югославских ученых, как многословное цитирование текстов. В целом же большинство вышедших в последние годы исследований отмечено высоким уровнем анализа, последовательным и убедительным развитием аргументации, доказательностью изложения (работы Ц. Фисковича, С. Антоляка, А. Цвитанича, А. Стржачича).

Тем досаднее появление работ, где анализ подменяется механическим пересказом десятков актов, без критического рассмотрения, сопоставления, иногда и без обобщений, или безоговорочное использование документов, подложность или сомнительность которых доказана много лет назад (наиболее характерно это для работ Н. Чолака⁶⁴). Неблагоприятное

⁵⁷ J. Kolano vi ć. Zbornik ninskih isprava od XIII—XVII stoljeća. RIZ, 16—17, s. 485—528.

⁵⁸ S. M. Tralj i ć. Nin pod udarom tursko-mletačkih ratova. RIZ, 16—17, s. 529—548.

⁵⁹ F. Dujm ovi ć. Nin i Sibenik. RIZ, 16—17, s. 615—630.

⁶⁰ V. Brajk ovi ć. Odredbe prava mora i ribolova u statutu Lige kotara ninskog. RIZ, 16—17, s. 479—484.

⁶¹ Z. Bruš i ć. Podmorska arheološka istraživanja starohrvatskih brodova na ulazu u ninsku luku, RIZ, 16—17, s. 443—448.

⁶² R. Jeli ć. Ninjani u zadarskim crkvenim maticama XVI i XVII stoljeća. RIZ, 16—17, s. 597—614.

⁶³ М. М. Фрейд е н б е р г. Новейшие публикации..., стр. 158 и след.

⁶⁴ N. Čol a k. Proizvodnja i pomorska trgovina paškom solju do pada Paga pod mletačku vlast g. 1409. PZ, I, Zadar, 1963, s. 478—513.

впечатление оставляет и свойственная некоторым исследователям манера игнорировать существующую литературу. Иногда этот отказ рассматривать ее объясняется враждебностью по отношению к итальянской историографии, но иногда авторы не замечают вместе с итальянской и югославскую литературу, начиная как бы на чистом месте, хотя историографическая традиция насчитывает десятилетия (см. монографию М. Новак о коммунах XV—XVIII вв.).

Литература о далматинском городе быстро растет, каждый год выходят новые сборники, публикации, монографии. Пришло, как представляется, время для поисков новой методики изучения этого традиционного материала. Если до сих пор в хорватской урбанистике преобладали, главным образом, «вертикали» — исследования по истории отдельно взятого города на протяжении столетий, то сейчас настало время для исследований по «горизонтали» — в границах узкого хронологического среза, но на материале целого ряда городов. Такой сравнительный очерк позволил бы, наконец, поставить проблему общего и специфического в развитии далматинских городов в средние века.

Особенностью хорватской литературы, посвященной истории города, является

отсутствие сопоставлений не только в рамках Далмации, но и между далматинскими и другими европейскими городами. Поэтому, между прочим, так редка еще постановка вопросов, давно завоевавших право гражданства в европейской науке, — о существовании (или отсутствии) в городах этапа «коммунальных революций», о наличии в городе цехового строя, о роли средних слоев (бюргерства, пополоанов) в истории города, о воздействии рынка на окрестную деревню.

Наш обзор, возможно, позволит понять, насколько своеобразен тип городов северо-далматинского побережья. Ведь обычно примером далматинского города считаются вовсе не они, а их южный собрат — Дубровник.

На мой взгляд, успехи далматинской урбанистики настолько значительны, что один Дубровник уже не может представлять городов этого региона, их сводная картина может быть создана только с учетом северо-далматинских центров. А уж будущие исследования покажут, какова внутренняя специфика региона, в чем отличие городов из Далматинской Хорватии от Дубровника или от городов Черногорского приморья.

М. М. Фрейденберг

Z. LANDAU, J. TOMASZEWSKI. Zarys historii gospodarczej Polski 1918 — 1939. Warszawa, 1970, 321 s.

З. ЛЯНДАУ, Е. ТОМАШЕВСКИЙ. Очерк экономической истории Польши 1918 — 1939 годов

Авторы рецензируемого труда поставили перед собой задачу «в возможно более популярной форме представить самые важные проблемы экономической истории Польши в 1918—1939 гг.» с тем, чтобы работой «могли пользоваться самые широкие читательские круги, интересующиеся новейшей экономической историей Польши». Учитывая популярный характер издания и стремясь к возможно более полному освещению проблем экономического развития, авторы почти полностью отказались от анализа политической борьбы в Польской республике, делая исключение только в тех случаях, когда такого рода анализ необходим для понимания экономических проблем.

При написании очерка авторы использовали не только уже имеющуюся научную литературу, но и большое количество статистических данных и архивные материалы. Все это выгодно отличает рецензируемую работу от целого ряда научно-популярных работ компилятивного характера и в значительной степени превращает очерк в самостоятельное синтетическое исследование.

Zarys historii gospodarczej Polski

В основу очерка положена общепринятая в научной литературе периодизация межвоенного периода, которая нашла свое отражение в структурном построении работы.

В первой главе дается краткая характеристика состояния польской экономики в годы первой мировой войны. Особое внимание авторы уделяют анализу различий в экономике трех польских регионов, входивших до 1918 г. в состав различных государственных организмов, а также проблеме ликвидации этих различий и создания единого государственного экономического организма, ликвидации причиненных войной потерь, которые оценивались огромной суммой в 73 млрд французских франков, создания новых отраслей промышленности, жизненно необходимых для существования независимого государства. Среди факторов, которые в условиях буржуазного государства способствовали бы ускорению процессов интеграции и унификации экономики, авторы считают основным аграрный вопрос. Только радикальная буржуазная аграрная реформа могла привести к созданию емкого

внутреннего рынка для польской промышленности, отрезанной таможенными границами от старых традиционных рынков.

Рассмотрению процессов экономического развития буржуазно-помещичьей Польской республики посвящены II—VI главы очерка. Анализ развития промышленности и сельского хозяйства, определение роли и места иностранных капиталов в польской экономике, характеристика государственной финансовой и экономической политики, анализ изменения материального положения трудящихся — вот, в основном, тот круг проблем, на которых концентрируют свое внимание авторы. Процессы развития польской экономики рассматриваются в очерке на фоне развития мировой капиталистической системы.

За двадцать межвоенных лет польская экономика прошла два полных экономических цикла. Период послевоенного улучшения экономической конъюнктуры, начавшийся в Польше только в 1921 г., после окончания польско-советской войны, не был продолжительным. Нерешенность аграрной проблемы и, как следствие этого, узость внутреннего рынка, слабость польской промышленности и ее низкая конкурентоспособность на внешних рынках, а также тот факт, что бремя восстановления экономики имущие классы почти полностью переложили на плечи трудящихся масс, — все это привело к тому, что уже в 1923 г. началось ухудшение экономической конъюнктуры, переросшее в 1924 г. в кризис, охвативший все области экономической жизни. В связи с этим назревал революционный кризис, вылившийся в вооруженные выступления пролетариата Польши в ноябре 1923 г.

Опасность революционного взрыва заставила польские имущие классы пойти на ряд реформ, направленных на улучшение экономического положения страны. Авторы подробно анализируют финансовые и налоговые реформы В. Грабского в 1924—1925 гг., их значение и причины их неудач.

На улучшение экономической конъюнктуры в начале 1926 г., по мнению авторов, повлиял не только переживаемый мировой капиталистической системой экономический подъем, но и факторы внутреннего характера, такие, как возросший в результате инфляции польский экспорт и ставший положительным с осени 1925 г. баланс внешней торговли, а также ряд правительственных мер, направленных на уравнивание государственного бюджета.

Авторы справедливо считают, что майский переворот 1926 г. не привел к коренному перелому в развитии польской экономики, как это пыталась представить пилсудчиковская пропаганда. За фазой экономической депрессии неизбежно следовал подъем.

Авторы подробно анализируют политику привлечения иностранных капиталов в польскую экономику. Они считают, что положительные последствия притока иностранных капиталов оказались недолговременными, так как сильно возросла задолженность Польши за границей, а при отливе иностранных капиталов в момент спада конъюнктуры положение польской экономики становилось очень шатким. Примером тому был период так называемой второй инфляции в 1925 г. В годы благоприятной конъюнктуры усилились тенденции создания монополистических объединений в форме картелей и синдикатов. Этот процесс стал особенно интенсивным начиная с 1927 г., когда правительство, добиваясь роста польского экспорта и усиления притока в страну иностранных капиталов, перешло к открытой поддержке монополистических объединений.

Несмотря на благоприятную конъюнктуру, оживление в польской экономике было слабее, чем в экономике ряда других капиталистических стран. Промышленное производство многих важных отраслей так и не достигло уровня 1913 г., сохранялась безработица и эмиграция, правительственная политика буржуазных преобразований в деревне встречалась с огромными трудностями, вызванными, в первую очередь, колоссальными аграрным перенаселением.

Экономический кризис в конце 1929 г. охватил все без исключения отрасли польской экономики. В отличие от ряда стран, проводивших политику активного противодействия кризису, польское правительство провозглашало лозунги пассивного приспособления к его последствиям, отказывалось от введения каких-либо валютных ограничений. Политика приспособления означала сокращение производства, падение цен на продукты сельского хозяйства и снижение реальных доходов населения. Комплексный план борьбы с кризисом был принят только в 1932 г., но его роль оказалась незначительной.

Оживление экономической конъюнктуры в 1933 г. коснулось только промышленности. Аграрный кризис в Польше продолжался до 1935 г. Основными причинами столь острого и продолжительного кризиса, по мнению авторов, являлись узость внутреннего рынка, вызванная порочной аграрной структурой, сильная зависимость польской экономики от иностранного капитала, пассивная правительственная политика приспособления к кризису, а также антисоветская политика правящих кругов, отказавшихся от установления нормальных экономических отношений с Советским Союзом.

Только в 1936 г. в результате повышения цен на продукцию сельского хозяйства на мировом рынке началось общее

улучшение экономической ситуации в Польше. Однако оживление экономической жизни в 1936 г. все еще было незначительным, производство многих отраслей промышленности не достигло уровня 1928 г. В первые послекризисные годы продолжался сильный рост начавшегося еще в годы кризиса забастовочного движения. Экономические забастовки зачастую перерастали в политические выступления, направленные против усилившихся тенденций фашизации страны, за сохранение демократических свобод.

Авторы подробно освещают проведенную правительством политику государственного вмешательства в экономику, попытки оздоровления аграрной структуры, предусматривающие создание в деревне сильной прослойки хозяйств капиталистического характера и усиление польской колонизации восточных окраин.

Подводя итоги хозяйственного развития Польши в 1918—1939 гг., авторы приходят к выводу, что несмотря на ряд достижений, таких, как создание единого экономического организма, единого законодательства и администрации, общей транспортной сети, ряда новых отраслей промышленности, в целом эти итоги были неутешительными. Уменьшился удельный вес Польши в мировом производстве, польская экономика по ряду основных

отраслей так и не достигла уровня 1913 г. Период межвоенного развития польской экономики авторы характеризуют как период стагнации. Основными причинами отсталости польской экономики авторы считают отказ от радикальной аграрной реформы, зависимость польской экономики от иностранного капитала, активную антисоветскую политику правящих классов, а также отсутствие у руководителей польской экономической жизни отчетливого понимания перспектив экономического развития.

В рецензируемой работе недостаточно широко затронуты проблемы развития мелкой промышленности и внутренней торговли, проблемы урбанизации и т. п. Мало говорится об экономических отношениях Польши с Советским Союзом, анализ процессов экономического развития ведется, в основном, в масштабах всей страны.

Все эти недочеты не умаляют значения работы. Заслуга авторов «Очерка экономической истории Польши 1918—1939 гг.» не только в том, что они создали работу, дающую целостное представление о развитии экономики буржуазно-помещичьего польского государства, но и в том, что эта работа позволяет правильно оценить перемены, происшедшие в народной Польше.

Г. Матвеев

В. Д. ВОЗНЕСЕНСКИ. Цар Борис, Хитлер и легионеры. Превод от руски. София, 1971, 95 стр.

В. Д. ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Царь Борис, Гитлер и легионеры

В 1971 г. софийское издательство «Отечествен фронт» выпустило отдельной монографией большую статью советского историка В. Д. Вознесенского, опубликованную несколькими месяцами ранее в журнале «Новая и новейшая история» (1971, № 1, 2), и в качестве приложения к ней публиковавшийся прежде очерк болгарского историка И. Димитрова («Младек», София, 1969, № 1). Объединение обеих работ под одной обложкой оправдано тематически, а повторная публикация только подчеркивает политическую и научную значимость вопросов, связанных с историей фашизма в Болгарии, в частности, той его стадии, когда возглавлял фашистскую диктатуру в стране монарх — царь Борис III. Интерес к работе В. Д. Вознесенского не случаен: она проливает свет на взаимоотношения царя Бориса с верхушкой нацистской Германии, на роль в них крайнего правого крыла фашистского движения в Болгарии, так называемых легионеров. Нельзя сказать, чтобы болгарские

историки не занимались этими сюжетами. Интересные работы опубликованы М. Миховым, Г. Стефановым, П. Ивановым, Ст. Петровым, И. Димитровым, В. Топковой и другими, но они, также как и работы советских авторов Л. Б. Валсва, П. Н. Чемпалова, посвящены, за небольшим исключением, более раннему периоду. Кроме того, авторы этих работ занимались преимущественно изучением внешнеполитических взаимоотношений Болгарии. Вознесенский же стремится связать поставленные вопросы с «некоторыми особенностями болгарского фашизма, показать след, наложенный на его развитие личностью царя Бориса, раскрыть специфику политики гитлеровцев в Болгарии, использовавших эти особенности в своих интересах» (стр. 8).

Первым среди советских авторов В. Д. Вознесенский касается вопроса о деятельности легионеров, о стремлении их к власти с целью осуществления «национальных идеалов» великоболгарских шовинистов, достичь чего, по их мнению,

можно было только на основе «абсолютной преданности Германии», о сложном треугольнике отношений: нацистское руководство Германии — царь Борис — легионеры. Тем самым В. Д. Вознесенский вносит свою лепту в изучение истории фашизма в Болгарии периода второй мировой войны.

Автор специально останавливается на вопросе о причинах смерти царя Бориса в августе 1943 г. Вопрос этот не академичен: смерть царя имела большое значение для последующих судеб монархо-фашизма в Болгарии, вносила определенные изменения в расстановку сил великих держав на Балканах. Существующая литература по этому поводу отражает различные точки зрения относительно заинтересованности в устранении царя Бориса то нацистской Германии, то готовившей в это время свой выход из войны Италии. Всесторонний анализ состояния политических отношений между Германией и Болгарией летом 1943 г., изучение ряда материалов, характеризующих моральное состояние болгарского монарха, позволяют В. Д. Вознесенскому, вслед за болгарским историком И. Димитровым, опровергнуть версию о насильственной смерти царя Бориса и тем самым внести коррективы в тол-

кование этого вопроса и некоторыми советскими авторами¹.

Работа В. Д. Вознесенского написана на материалах Архива внешней политики СССР, западных публикациях внешнеполитических документов, с использованием обширной литературы. К сожалению, в тексте нередко встречаются цитаты без ссылок на источники.

Очерк И. Димитрова «Царь — фюрер (штрихи к портрету)» удачно дополняет книгу. Читатель найдет в нем важные подробности, характеризующие личность «болгарского фюрера», как человека колеблющегося, мнительного, малодушного. Эти субъективные качества царя Бориса не могли не отразиться на внешней политике страны.

Работы обоих авторов написаны в своеобразной манере: научное исследование подается в живой, увлекательной, даже интригующей форме. Это открывает важную в научном и политическом отношении монографию доступ к широкому читателю. Недаром издательство «Отечествен фронт» выпустило ее тиражом 25 тысяч экземпляров.

Р. Гришина

¹ Ср., например, В. Л. И с р а е л я и, Л. Н. К у т а к о в. Дипломатия агрессоров. М., 1967, стр. 343.

Г. С. САПАРГАЛИЕВ, В. А. ДЬЯКОВ. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971, 252 стр.

За последние годы издано несколько публикаций, посвященных многогранной деятельности ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане (работы Ф. И. Стекловой, Г. Н. Чаброва, З. В. Крячковой и др.), но лишь с выходом в свет книги Г. С. Сапаргалиева и В. А. Дьякова читатель получает более или менее полное представление о жизни и деятельности польских революционеров, сосланных царским правительством в казахские степи, об их влиянии на развитие культуры обширного края, на формирование мировоззрения выдающихся сынов казахского народа Абая Кунанбаева и Чокча Валиханова.

Нельзя не согласиться с утверждением авторов о том, что история Польши XIX — начала XX в. была бы неполной без освещения деятельности ее сынов, оказавшихся в изгнании, как не полна без раскрытия трудов и дел польских ссыльных история тех областей, куда загоняло их самодержавие. Решению обеих этих исследовательских задач (а точнее — задачи двуединой) служит и рассматриваемая нами книга, построенная на обширнейшей и в значительной степени новой фактической основе.

Адреса-сноски книги ведут нас в Москву и Ленинград, Алма-Ату, Вильнюс,

Киев, Ташкент, Оренбург, Омск, в хранилища Варшавы и Кракова, все более убеждая, каким сложным и кропотливым был поиск, предпринятый исследователями для того, чтобы возможно полнее раскрыть тему, которая и в советской, и в польской литературе оставалась неразработанной.

В ней рассказывается о том, каким долгим и трудным был путь поляков к местам ссылки, как много лишений и испытаний ожидало их вдали от родины, насколько строго осуществлялся надзор за соблюдением приговоров и как взаимная помощь, при поддержке передовых представителей русского народа, помогла изгнанникам жить, работать, бороться.

Авторы прослеживают жизнь и деятельность современников декабристов — польских конспираторов и участников восстания 1830—1831 гг. (глава 2), пребывание в казахских степях репрессированных конспираторов 30—50-х годов XIX столетия (глава 3), повстанцев 1863 г. и первых польских социалистов (глава 4). К сожалению, заключительный этап раскрываемой в книге истории политической ссылки, соответствующий социал-демократическому этапу развития освободительного движения в России, не только не выделен в особую главу, но и

не получил широкого освещения. Авторы, признавая, что чрезвычайно интересный и важный период «изучен... очень слабо», пишут: «Достойное освещение многочисленных и ярких событий этого этапа — дело будущего». Хотелось бы пожелать появления капитальной работы по данной теме уже в скором времени. Книга, выпущенная в Алма-Ате, создает необходимые предпосылки для поисков и освоения новых источников, без которых осуществление такой задачи невозможно.

Со страниц книги перед нами встает галерея лиц, вошедших не только в историю польского освободительного движения, но и в летопись прошлого Казахстана. «Одни события мы описывали подробно, другие едва упоминали, об одних ссыльных рассказывали больше, о других — меньше, часть деятелей давали крупным планом и в тесной связи с местной историей, а об остальных приводили лишь минимальные сведения, сводящиеся главным образом к тому, что привело их в ссылку, — говорят, подводя итог сделанному, авторы. — В данном объеме, при существующем состоянии источниковедческой базы и изученности затрагиваемых вопросов, дать что-либо большее было бы трудно».

Но, скажем мы, читатели, достигнуто удалось многого, и в памяти нашей остаются и Ян Виткевич, несколько раз пересекавший казахские степи, и Адольф Янушкевич, описавший северо-восток Казахстана, и Бронислав Залеский — один из первых художников, рисовавших в этом крае (репродукция ряда его работ украшает рецензируемую книгу), и Томаш Вернер и Адам Бяловеский, изучавшие природные богатства края, поэт Густав Зелинский — автор поэмы «Казах» и десятки, многие десятки поляков, посвятивших свой талант и труд благородному делу изучения, открытия, обновления глухой окраины царской России.

Основываясь на материалах архивных, на источниках литературных (часть из них как бы заново открыта в этой кни-

ге), авторы создают достоверную и впечатляющую картину участия польских ссыльных в разностороннем исследовании казахских земель, истории и этнографии, поэзии и музыки степного народа, в его просвещении посредством организации школ, музеев, библиотек.

Плодотворность межнационального общения и сотрудничества раскрывается на протяжении всей книги. Всюду имена польские соседствуют с именами русскими, казахскими, украинскими, причем — и это важно — мы видим не только благотворное воздействие польских революционеров на общественную жизнь дореволюционного Казахстана, но и повседневное влияние интернациональной среды на политическое развитие польских ссыльных. К числу лучших относятся в книге страницы, посвященные Аральской и Каратауской экспедициям, где в едином коллективе трудились и общались русские, поляки, казахи, представители других народов, страницы о дружбе прогрессивных польских деятелей с гениальным поэтом Украины Тарасом Шевченко, свидетельства поляков о казахах и Казахстане, рассказ о формировании взглядов Чокана Валиханова. Впрочем, перечисление интересного уже само по себе может занять очень много места.

Сужно отметить, что авторы не довольствуются тем, что отыскали и обнародовали ранее, а идут дальше, подкрепляя повизну своего замысла новизной материала. Авторское «кredo» заострено и подчеркнуто в широко аргументированной полемике с создателями художественных произведений о Виткевиче М. Гусом и Ю. Семеновым.

Новый труд не претендует на исчерпывающее освещение темы. Успешное решение сложной научной задачи требует упорнейшей работы по выявлению и систематизации источников, особенно архивных (в том числе и зарубежных), привлечения к этой проблеме внимания специалистов в различных отраслях знаний.

Пока проведена только разведка. Она обладеживает.

Л. Н. Большаков

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О ПОЛЬСКО-РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ В XIX ВЕКЕ

Доцент Варшавского университета Базыль Бялокозович давно известен своими работами, в которых рассматриваются проблемы польско-русских литературных отношений. Его книга «Связи Льва Толстого с Польшей» (1966) привлекла внимание научной общественности в Польше и за рубежом. В последние го-

ды им опубликован ряд новых серьезных работ о польско-русских литературных связях. Его вторая книга¹, являющаяся

¹ B. Białokozowicz. Z dziejów wzajemnych polsko-rosyjskich związków literackich w XIX wieku. Warszawa, «Książka i wiedza», 1971, 394 s.

предметом настоящей рецензии, явилась таким образом своеобразным итогом многолетних изысканий в этой области.

Во введении Б. Бялокозович раскрывает теоретическое значение исследования взаимосвязей литератур, справедливо пишет о необходимости учитывать при их изучении исторические, политические, общественные условия развития литератур, своеобразие их национальных традиций. Автор ставит вопрос о зависимости литературных связей от литературного процесса и вместе с тем о их влиянии на литературный процесс. Следовало бы, пожалуй, в одном отношении уточнить эту последнюю мысль. Ведь литературные связи — это часть литературного процесса, нельзя охарактеризовать развитие литературы в той или иной стране без учета ее контактов с другими литературами. Поэтому, когда автор рецензируемой работы пишет о том, что исследование польско-русских и русско-польских литературных отношений — это несомненно одна из центральных проблем польской русистики и советской полонистики (стр. 246), он прав только наполовину. Изучение взаимосвязей русской и польской литератур не менее важно и для польской полонистики и для советской русистики.

Автор анализирует отдельные, наиболее важные, ключевые проблемы истории польско-русских взаимосвязей в XIX в. Несмотря на то, что он не ставил перед собой задачи дать систематический обзор всей истории связей этого периода, книге присуща определенная цельность и систематичность; читатель получает ценные сведения об этапах этих связей, их характере, богатстве, о сложных политических условиях, в которых они складывались и развивались.

Начинается работа сборника общественных и литературных связей между Россией и Польшей в конце XVIII — первой трети XIX в. Безусловно, это первая по-настоящему яркая страница в истории наших отношений (хотя начало контактов между нашими литературами относится к глубокой древности); декабристы и польское национально-освободительное движение, Вяземский и Польша, Рыдеев и Немцевич и, наконец, вершина этих связей — Мицкевич и Пушкин. Автор опирается здесь на уже известные факты, давая им новое освещение с точки зрения их значения для истории польско-русских литературных связей, а также вводит новые материалы, в частности, о значении Виленского университета для развития польской культуры и польско-русских культурных контактов этого периода.

Вторая глава посвящена Герцену и Мицкевичу. И здесь автор уточняет многие уже известные материалы, вводит новые факты. Так, путем кропотливых изысканий ему удалось определить, что автором

литографии «Славянский невольник», которую так высоко оценил Герцен, написавший ее Мицкевичу, был Юзеф Озембловский и что ее использовал Мицкевич при чтении своих лекций по истории славянских литератур.

В этом разделе автор вполне объективно пишет о глубоких иногда расхождении во взглядах Герцена и Мицкевича. Отметим лишь один спорный момент. Вряд ли можно упрекнуть Герцена в субъективизме, его неодобрительном отношении к культу Наполеона у Мицкевича (стр. 59). Ссылка на польские традиции симпатий к Наполеону и русскую антинаполеоновскую традицию, с которой автор связывает Герцена, не отменяет необходимости объективной оценки роли Наполеона в истории Польши и соответственно бонапартистских иллюзий Мицкевича 1840-х годов.

Большой интерес представляет третья глава исследования, посвященная отражению польского национально-освободительного движения в русской поэзии XIX в. Надо сказать, что если польские и советские исследователи уже в известной степени изучили материалы русской прессы, публицистики и частично прозы с точки зрения отклика в них на польские восстания 1830 и 1863 годов, то русская поэзия под этим углом зрения до сих пор почти не рассматривалась. Автор работы анализирует разные течения русской общественной мысли после 1863 года в связи с польским вопросом, убедительно показывая, что передовые представители русской общественности Герцен, Огарев, Михайлов, поэты «Искры» — пробуждали в русском обществе горячее сочувствие к патриотическим устремлениям польского народа. Автором собран богатый материал, освещающий польскую тему в творчестве Некрасова², Огарева (интересны наблюдения о влиянии «Дядюв» Мицкевича на его поэму «Юмор») и Михайлова. Заслуживает упоминания использование архивных документов, в частности, касающихся кружка Николая Сунгурова, сочувствовавшего польскому национально-освободительному движению (стр. 62), письма Огарева Аполлону Майкову о Мицкевиче и месте славянских культур в Европе (стр. 96) и др.

² Автор рецензируемой работы присоединяется к тем исследователям, которые поддерживают версию о польском происхождении матери Некрасова (стр. 133, 135). Может быть, здесь нужна была бы большая осторожность. Польский исследователь Анджей Цесаг вслед за некоторыми советскими авторами (В. Е. Евгеньевым-Максимовым, А. В. Поповым и др.) приводит убедительные доказательства того, что мать Некрасова происходила из русско-украинской семьи (см. A. C e s a r z. Matka Niekrasowa. «Przeгляд Humanistyczny», 1971, № 6).

Три следующие главы связаны с именем Генрика Сенкевича. Для изучения русско-польских и польско-русских взаимосвязей эта фигура особенно интересна и во многих отношениях показательна. Творчество Сенкевича, возможно, совершенно неожиданно для многих, как это было справедливо замечено проф. Ю. Кшижановским, обнаруживает самые тесные связи с русской литературой, творчеством Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого (хотя Сенкевич гораздо реже, чем другие польские писатели, высказывался по вопросам русской литературы). Известно также, что Сенкевич после Мицкевича был у нас самым популярным польским писателем.

Б. Бялокович собирает воедино все материалы и разрозненные высказывания, свидетельствующие об отношении Сенкевича к русской литературе, делает конкретные сопоставления романа Сенкевича «Огнем и мечом» с «Капитанской дочкой» Пушкина и «Гарасом Бульбой» Гоголя; романа Сенкевича «Без догмата» с «Евгением Онегиным» и «Героем нашего времени».

Автор привлекает в этой главе новые или забытые факты, например, работу Владимира Фишера, где предполагается, что замысел романа Сенкевича «Quo vadis» (русский перевод «Камо грядеши») мог быть навеян чтением опубликованных Фишером в Польше фрагментов задуманного Пушкиным романа из эпохи Нерона с Петронием как главным героем (стр. 152).

В самостоятельный раздел выделена сравнительная характеристика романа Толстого «Война и мир», трилогии Г. Сенкевича и романа С. Жеромского «Пепел». Выбор для сравнения романов Сенкевича, которые с некоторыми оговорками могли бы быть названы приключенческими³, и философского романа Толстого кажется неожиданным, но автор исследования как раз и ставит вопрос о принципиальном различии в идейно-художественном замысле того и другого автора, поправляет исследователей, пытавшихся делать прямые сопоставления романов Сенкевича и Толстого, игнорируя соотнесенность их с разными поэтиками — реалистической и романтической, двумя разными направлениями исторического жанра.

Что касается «Войны и мира» и «Пепла» Жеромского, посвященного эпохе наполеоновских войн, то следует согласиться

с Б. Бялоковичем, что здесь можно говорить как о генетических связях, так и о типологическом сходстве.

Последняя шестая глава книги посвящена Г. Сенкевичу в восприятии русских писателей. О Сенкевиче в России уже писали З. Бараньский, Д. Прокофьева, автор этих строк и другие. Однако Б. Бялокович приводит новые материалы, которые еще не вошли в науку о Сенкевиче, например, высказывания Полоцкого о рассказе «Пойдем за ним!» и романе «Крестоносцы», Н. Морозова о «Quo vadis». Впервые так полно приводятся и вдумчиво анализируются высказывания Чехова о Сенкевиче, в частности о романах «Без догмата» и «Семья Поланецких». Б. Бялокович добавляет некоторые новые факты к сказанному уже им самим об отношении к Сенкевичу Льва Толстого, впервые глубоко обосновывает причины интереса Толстого к романам Сенкевича о современной ему действительности («Без догмата» и «Семья Поланецких»), видя их в мастерстве изображения женских типов⁴, в защите польским писателем патриархальных, нравственных норм и апофеозе семьи, в постановке проблем морального самоусовершенствования.

Заслуживают внимания наблюдения об оценке писателями и критиками в России романа Сенкевича «Без догмата», более высокой, чем в Польше. Автор рецензируемой работы размышляет над причинами этого явления. Возможно, следовало бы больше подчеркнуть, что тип так называемого «лишнего человека», изображенный здесь Сенкевичем, был характерен для России в гораздо большей степени, чем для Польши, где необходимость борьбы за национальную свободу делала несколько менее острой проблему расстановки социальных сил внутри польского общества. Представляется, что именно поэтому роман Сенкевича и не вызвал в Польше такого живого отклика, как в России.

В заключении своей работы Б. Бялокович намечает перспективы дальнейшего изучения взаимосвязей русской и польской литератур, указывая конкретные проблемы, ждущие исследования: Л. Штырмер и Лермонтов, связи с русской литературой Михала Грабовского, влияние Достоевского на развитие польского романа, Станислав Бжозовский и русская литература.

Ценной частью исследования Б. Бялоковича является богатая библиография работ по теории сравнительного изучения

³ Заметим кстати, что автор рецензируемой работы излишне увлекается сравнением «Трилогии» Сенкевича с романами А. Дюма, в то время как следовало бы в этом случае сказать не только о сходстве между ними, но и об отличии. Речь может идти прежде всего о большой патристической идее, заложенной в исторических романах Сенкевича.

⁴ «Вчера читал „Без догмата“, — записывает Л. Толстой в дневнике. — Очень тонко описана любовь к женщине — нежно, гораздо тоньше, чем у французов, где чувственно, у англичан, где фарисейно, и у немцев — напыщенно... (Полн. собр. соч., т. 51. М., 1952, стр. 53).

литератур, изучению межславянских литературных связей и работ о польско-русских и русско-польских отношениях. Библиография включает в себя работы на польском, русском и частично других европейских языках. Можно смело сказать, что это самая полная библиография предмета из числа до сих пор опубликованных в Польше и за рубежом.

Монография Б. Бялоковича, таким образом, обобщает ранее сделанное в области изучения польско-русских литературных связей, вносит много нового в наше представление о широте и богатстве отношений между нашими литературами, намечает дальнейшие пути исследования этой важной для науки проблемы.

Е. З. Цыбенко

FRAN RAMOVŠ. *Zbrano delo. Prva knjiga. Ljubljana, 1971, 327 s.*

ФРАН РАМОВШ. *Собрание сочинений. Книга первая*

Институт словенского языка Словенской академии наук и искусств приступил к публикации трудов выдающегося словенского лингвиста проф. Франа Рамовша (1890—1952 гг.). В 1971 г. вышел под редакцией Т. Логара, Я. Риглера первый том. Всего предполагается опубликовать шесть или семь книг. В основу издания положен хронологический принцип. В первый том вошли труды ученого, написанные в 1913—1918 гг.

Фран Рамовш получил специальную подготовку в области славянского языкознания в университетах Вены и Граца (1910—1914). С 1919 г. он профессор Люблянского университета. Принимал активное участие в организации Словенской академии наук и искусств. Последние годы своей жизни был президентом Академии. В 1946 г. приезжал в Советский Союз в составе делегации югославских ученых.

Рамовшу принадлежат основополагающие труды в области истории и диалектологии словенского языка.

До Рамовша историки словенского языка интересовались сравнительно поздними этапами его развития. Рамовш обратился к начальному периоду формирования словенского языка, к судьбе древних славянских альпийских диалектов, на основе которых позже сформировался словенский язык. Ученым была задумана многотомная историческая грамматика словенского языка. Этот план ему удалось осуществить лишь частично. В 1924 г. вышел из печати фундаментальный труд «Историческая грамматика словенского языка», т. II, содержащий историю словенского консонантизма, начиная с праславянской эпохи. Позже, в 1936 г. появилась «Краткая история словенского языка», характеризующая фонетические особенности праславянских альпийских диалектов, процесс формирования словенских диалектов и историю словенского вокализма. В 1937 г. Рамовш вместе с М. Косом издал древнейший памятник словенского языка «Фрейзпигенские отрывки».

Велик вклад Рамовша в словенскую диалектологию. Его по праву можно счи-

тать основоположником словенской диалектологии. Седьмой том «Исторической грамматики словенского языка» (1935) посвящен описанию современных словенских диалектов. Рамовш был отличным полевым диалектологом. Его диалектные записи отличаются высокой точностью. Им была составлена обширная программа по сбору материала для словенского диалектологического атласа. В настоящее время работу над атласом продолжает ученик Рамовша проф. Т. Логар.

Перу Ф. Рамовша принадлежит большое число статей, в которых на словенском материале решаются многие важные проблемы сравнительной грамматики славянских языков (история праславянских диалектов, формирование южнославянских языков, история праславянской акцентологической системы и др.). Большое методологическое значение имеют работы ученого, в которых используются данные альпийских романских и германских языков для решения многих вопросов исторической фонетики словенского языка.

В первый том «Собрания сочинений» включены ранние работы Рамовша, среди которых выделяется большое исследование «Slovenische Studien», опубликованное в «Archiv für slavische Philologie». В центре исследования находятся современная редукция гласных и ее история — основной вопрос исторической фонетики словенского языка. Автор рассматривает не только фонетические позиции редукции, но учитывает и особенности редукции в различных морфологических условиях. Постоянно учитываются акцентологические данные и их роль в процессе вокальной редукции. Данный труд в свое время был высоко оценен критикой.

Кроме указанного обширного исследования в первом томе находим ранние статьи Рамовша — «Zur slovenischen Dialektforschung», «Sprachliche Miscellen aus dem Slovenischen» (обе работы опубликованы также в «Archiv für slavische Philologie»). Все исследования из «Archiv für slavische Philologie» публи-

куются по-немецки и в переводе на словенский язык.

В книге опубликованы и другие ранние статьи Рамовша и его первые рецензии. Впервые из архива ученого изданы две работы: «История словенской грамматики» и «Словенская графика». В конце книги

находятся примечания и указатели. Все издание выполнено на высоком полиграфическом уровне. Пожелаем же успеха редакторам в скорейшем завершении всего издания.

С. Б. Бернштейн

В. П. ПРОНИЧЕВ. *Синтаксис обращения (на материале русского и сербохорватского языков)*. Л., Изд-во Ленинградского университета, 1971, 88 стр.

Небольшая по объему монография В. П. Проничева ставит перед собой задачу в с е с т о р о п е г о о п и с а н и я обращения в современном русском и сербохорватском языках: специальные главы посвящены объективному содержанию обращения, его синтаксической структуре, грамматическим признакам и синтаксическим функциям. В ней представлен обильный и оригинальный фактический материал двух славянских языков, хотя, заметим сразу же, различия здесь обнаруживаются только в морфологическом строении обращения, в большинстве же случаев русские и сербохорватские примеры дублируют друг друга.

В монографии последовательно проводится точка зрения на обращения как на «самостоятельный структурно-грамматический тип» именных односоставных предложений, основная функция которого — называние адресата речи. В частных случаях эта функция может сводиться к «контактоустановлению» (изолированный призыв, оклик: *Зоя!*), а может осложняться эмоциональной оценкой (*любуйка* и т. п.). В функциональном отношении предлагаемое В. П. Проничевым деление обращений на «свободные» и «несвободные» представляется несравненно более правомерным, чем распространенное противопоставление обращения (*Папочка, не смей!*) так называемым вокативным предложением (*Папочка! Перестань!*). (Примеры из рецензируемой работы).

При выбранном определении исходных понятий вполне естественно, что на протяжении всей работы обращение постоянно сравнивается с именными односоставными предложениями, анализируются их общие и специфические черты. Однако принять односоставные предложения за сопоставительный «фон», за своего рода «точку отсчета» мешает, пожалуй, нынешнее состояние разработки этого вопроса в русской грамматике. Учитывая качественные и количественные колебания в трактовке односоставных предложений, вряд ли можно затрагивать их вскользь, как нечто само собой разумеющееся. Приведем пример. На стр. 49 и след. В. П. Проничев называет одним из характернейших структурных признаков предложений-обращений употребление субстан-

тивированных слов и словосочетаний. Но считать субстантиваты отличительным признаком обращения можно, очевидно, только в том случае, если не принимать так называемых «собственно-назывных» (В. В. Бабайцева и др.) предложений типа «Прозаседавшиеся», «Двое па качелях», «Ненаглядный мой» и т. п.

Нимало не решает проблемы и апелляция к логической структуре предложения (глава «Объективное содержание обращения»). Дело даже не в том, что односоставные предложения в целом вызывают неутраченные разногласия при соотношении их с единицами логического мышления (скажем, выражает ли вообще обращение мысль? Если да, то является ли последняя суждением — и обязательно ли двусоставным — или понятием, или еще чем-то третьим? и т. д.). Ведь даже в «идеальном» случае двусоставное предложение и суждение, как известно, лишь частично покрывают друг друга: логическая и грамматическая двусоставность разрешается различными формальными средствами (или, по крайней мере, в различном порядке). Но если принять, что логические единицы более или менее случайно соответствуют языковым элементам, то остается только повторить давно высказанное положение о том, что собственно-языковое исследование синтаксических явлений не имеет прямого отношения к логическим структурам. Можно было бы даже сказать, что язык логики — это такой же условный и специфичный код, как и естественный звуковой язык, такой же метаязык по отношению к элементарному семантическому языку.

В качестве же собственно-грамматической основы предложения советские языковеды, вслед за В. В. Виноградовым, чаще всего выдвигают п р е д и к а т и в н о с т ь. В предложениях-обращениях, по мнению В. П. Проничева, предикативность реализуется в категориях модальности, времени, лица и числа (стр. 57—70). Сама мысль о том, что обращению присуща семантика 2-го лица и настоящего времени, в принципе интересна и перспективна, но требует более убедительного доказательства. При нынешней же своей аргументации предикативность

обращения сомнительна уже потому, что последнее, как известно, не и з м е н я е т с я ни во времени, ни в лице, ни в наклонении. Можно, впрочем, считать предложение функциональным инвариантом, реализующимся в речи в ряде грамматических вариантов; в таком случае обращение получает право на свое место в парадигме славянского предложения¹, но тогда к дифференциальным парадигматическим признакам обращения следовало бы отнести не только категорию числа, но и рода, да и в целом предложение должно было бы определяться на нетрадиционной основе².

При анализе морфологического строения обращения (глава «Синтаксическая структура обращения») обнаруживается общая для двух языков диахроническая тенденция к нейтрализации противопоставления звательной формы (по В. П. Прониичеву — звательного падежа) именительному падежу. В сербохорватском языке наблюдается частичное и постепенное «вытеснение вокатива формами номинатива» (стр. 45), в русском же литературном языке можно, на наш взгляд, с уверенностью говорить о лексикализации пережиточных остатков звательной формы (едва ли не лучше тому доказательство — употребленное одним молодым

поэтом слово *старче* в функции именительного падежа, по отношению к *старик* маркированное уже не грамматически, а стилистически!). Чрезвычайно характерно при этом, что нейтрализация противопоставления «вокатив : номинатив» происходит и в других славянских языках (белорусском, словацком, болгарском и др.), и в каждом — по-своему, через свои грамматические или лексические ограничения, в разной мере, но п р о и с х о д и т — и это независимо от общей направленности типологической эволюции данного языка (и, в частности, его падежной системы). Однако картина развития обращения останется неполной, если умолчать о некоторых диалектически противодействующих тенденциях в синтаксисе ненормируемой речи. Так, в современном русском языке существительные на безударное *-а* получают «новую звательную форму» (А. В. Исаченко) с нулевым окончанием (типа *дядя, Вася, мамань*).

В заключение отметим, что книге свойственна полемическая заостренность, своего рода языковедческий максимализм в постановке и решении проблем. Сам же языковой материал то и дело «сопротивляется» жесткой альтернативе, допускающей гамму контаминационных явлений. Не так легко, скажем, отграничить обращения от обособленных определений или иных конструкций со сходными синтаксическими чертами, ср. примеры: *Что ты бродишь, неприкаянный, / Что глядишь ты не дыши?* (А. Ахматова) или *Минуй нас пуще всех печалей, / И барский гнев и барская любовь!* (А. С. Грибоедов).

Надо думать, что насыщенная материалом, будящая мысль работа В. П. Прониичева не пройдет мимо внимания славистов и русистов.

Б. Ю. Норман

¹ В «Грамматике современного русского литературного языка» (М., «Наука», 1970) обращение рассматривается за пределами структурных схем предложения, среди «высказываний, функционирующих в относительно независимой позиции» (стр. 575).

² Ср. В. М. Г а с п а р о в. Проблемы функционального описания предложения. Автореферат докт. диссертации. Минск, 1971.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1972 г.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

А н и к и н С. Социалистическая Федеративная Республика Югославия в 1970 г. В кн. Международный ежегодник. Вып. 1971 г., М., 1971.

А н и с и м о в В. Польская Народная Республика в 1970 г. В кн. Международный ежегодник. Вып. 1971 г. М., 1971.

Г у с ь к о в А. Чехословацкая Социалистическая Республика: год консолидации. В кн. Международный ежегодник. Вып. 1971 г., М., 1971.

Т о м е н ч у к Й. М. Радянський Союз і світова соціалістична система. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. сусп. наук, 1972, вип. 8.

1. *Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика*

Г а н т м а п В. Основные тенденции и проблемы международных отношений

на рубеже 70-х годов. В кн. Международный ежегодник. Вып. 1971 г., М., 1971.

Герек Э. Советский Союз — оплот мира и социализма. «Коммунист», 1972, № 11.

Диалектика национального и интернационального в мировой социалистической системе. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1972, № 7.

Капченко Н. Марксизм-ленинизм — научная основа социалистической внешней политики. Междунар. жизнь, 1972, № 9.

Левин В. Безопасность в Европе и маневры ее противников. Коммунист Вооруж. сил, 1972, № 15.

Манукян К. А. Применение принципа равноправия государств во взаимоотношениях социалистических стран. Молодой науч. работник. Обществ. науки. Ереван, 1972, № 1.

Ольшовский С. Главные направления польской внешней политики. Междунар. жизнь, 1972, № 9.

Хнёупек Б. ЧССР в борьбе за мир и международное сотрудничество. Междунар. жизнь, 1972, № 8.

Сохань П. С. Георгий Димитров і становлення радянсько-болгарського співробітництва. Укр. іст журн., 1972, № 6.

Ясинский О. Верность социалистическому интернационализму. «Коммунист Белоруссии», 1972, № 7.

2. Экономика. Экономическое сотрудничество

Белович А. Развитие строительства и промышленности строительных материалов стран — членов СЭВ в 1966—1970 гг. Вестн. статистики, 1972, № 6.

Бороздин Ю. Научно-технический прогресс и цепообразование в странах — членах СЭВ. Вопр. экономики, 1972, № 8.

Бурчак О. Влияние научно-технической революции на совершенствование научно-технического сотрудничества. Вопр. обществ. наук, Киев, 1972, вып. 11.

Богомолов О. Т., Маергойз И. М. Экономико-географические предпосылки общеевропейского экономического сотрудничества. В кн. Географические проблемы социалистической экономической интеграции в Европе. М., 1971.

Бувайлик Г. Міжнародноправові принципи соціалістично економічної інтеграції. Рад. право, 1972, № 6.

Бутенко А., Пугачев Б. Об объективных основах и сущности социалистической интеграции. Науч. докл. высш. школы. Эконом. науки, 1972, № 8.

Буторин Н. И. Внешняя торговля стран социализма с развивающимися странами. В кн. Герценовские чтения. Краткое содерж. докл. Политическая экономия. Л., 1972.

Бух М. Агрпромышленные комплексы в европейских социалистических стра-

нах. Науч. докл. высш. школы. Эконом. науки, 1972, № 4.

Вакс А. Управление научно-техническим прогрессом в странах СЭВ. Вопр. экономики, 1972, № 8.

Виноградов В. Д. Переходные формы кооперации в сельском хозяйстве Польши. В кн. Герценовские чтения. Краткое содерж. докл. Политическая экономия. Л., 1972.

Гавелка Ян. Дальнейшее развитие социалистического хозяйства в ЧССР. Экономика сельск. хоз-ва, 1972, № 7.

Гаврилов И. О создании материально-технической базы развитого социалистического общества в Народной Республике Болгарии. Вопр. обществ. наук, Киев, 1972, вып. 11.

Гаврилов В. Хозяйственные реформы и формирование экономического механизма, социалистической интеграции. Науч. докл. высш. школы. Эконом. науки, 1972, № 8.

Ганчев-Димитров К. Факторы повышения производительности труда в молочном скотоводстве трудовых кооперативных земледельческих хозяйств (ТКЗХ) Болгарии. Докл. ТСХА, 1972, вып. 117.

Гребенников Б., Николаев Л. СЭВ: год интеграции. Междунар. жизнь, 1972, № 9.

Григорук А., Панащенко И. Учение В. И. Ленина об интернационализации хозяйственной жизни и экономической интеграции стран СЭВ. Экономика Сов. Украины, 1972, № 7.

Гула В. Совершенствование системы управления экономикой в ЧССР. Эконом. газета, 1972, № 36.

Грингольд И. А. О договоренных формах специализации и кооперирования производства между странами — членами СЭВ. Уч. зап. ВНИИ сов. законодательства. 1972, вып. 27.

Два типа интеграции и идеологическая борьба. «Новое время», 1972, 1 июля, № 27.

Деятельность Международного инвестиционного банка. Эконом. газета, 1972, № 33.

Деятельность Международного банка экономического сотрудничества в 1971 г. Внешн. торговля, 1972, № 8.

Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1972, № 3.

Дмоховски М. Экономические отношения Польши со странами — членами СЭВ. Экономика Сов. Украины, 1972, № 7.

Доронченков А. Роль взаємозв'язків профспілок Болгарії і СРСР у вирішенні проблеми охорони праці в болгарській промисловості (1944—1952 рр.) Укр. слов'язознавство. Львів, 1972, вып. 6.

Евстигнеев Р. Н. Важнейшие черты управления промышленностью

в зарубежных социалистических странах. В кн. Проблемы научной организации управления социалистической промышленностью, всесоюзная научно-техническая конференция, 2-я Москва, 1972. Основные доклады, ч. 2. М., 1972.

З а п л е т н ю к П. А. Сотрудничество в области науки и техники — важный фактор экономического и научно-технического прогресса социалистических стран. В кн. Экономическое сотрудничество, социалистическая интеграция и эффективность. М., 1972.

Защита природной среды. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1972, № 6.

З л а т к о в Н. Сотрудничество стран — членов СЭВ важный фактор развития производства товаров народного потребления. В кн. Экономическое сотрудничество, социалистическая интеграция и эффективность производства. М., 1972.

И в а н о в И. Интеграция в машиностроении. Эконом. газета, 1972, № 34.

Импорт в СССР важнейших товаров в распределении по группам стран за 1970 и 1971 гг. Внешн. торговля, 1972, № 9.

И р а с е к Я. Опыт подготовки руководящих кадров в Институте управления. Экономика и организация пром. производства, Новосибирск, 1972, № 3.

К а г а н М. Ю., Т о к а р ь М. И. Электрозперегнетика Польской Народной Республики. Современное состояние и перспективы развития. Энергохоз-во за рубежом, 1972, № 3.

К а л ч е в В. Ценообразование в энергетике НРБ. План. хоз-во, 1972, № 7.

К а р ц о в С. Морской транспорт стран СЭВ. Междунар. жизнь, 1972, № 8.

К а р ц е в В. Экономика Болгарии в 1-м полугодии 1972 г. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1972, 22 августа, № 99.

К е л е м М. Некоторые вопросы экономического развития ЧССР и СССР на базе координирования планов. Экономика Сов. Украины, 1972, № 6.

К о з л о в И. Д. Интеграция и повышение эффективности энергетического хозяйства стран СЭВ. В кн. Экономическое сотрудничество, социалистическая интеграция и эффективность производства. М., 1972.

К о р м н о в Ю. Ф. Международная специализация и кооперация производства — материальная основа интеграции стран — членов СЭВ в области машиностроения. В кн. Экономическое сотрудничество, социалистическая интеграция и эффективность производства. М., 1972.

Л е о н и д о в Ю. Советско-югославское экономическое сотрудничество. Междунар. жизнь, 1972, № 7.

Л і п а т о в а Т. Е. Плодотворне співробітництво вчених — хіміків. Монотематична нарада по двосторонньому співробітництву між інститутами АН СРСР і ЧСАН в галузі високомолекуляр-

них ополук. Вісн АН УРСР, 1972, № 8.
Л и х а ч е в В. Социалистическая экономическая интеграция и транспорт стран СЭВ — Внешн. торговля, 1972, № 8.

Л и х о р о в и ч А. Государственные сельскохозяйственные предприятия Польской Народной Республики. Сов. государство и право, 1972, № 8.

М а к с и м о в М. Экономическое сотрудничество в Европе; проблемы и перспективы. В кн. Международный ежегодник. Вып. 1971 г., М., 1971.

М а м о н т о в В. В. Некоторые проблемы повышения эффективности использования трудовых ресурсов социалистических стран. Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1972, т. 310. Политэкономия, вып. 8.

М а р ь я н ч и к Б. Организация и механизация сельского строительства в Польше. «Сельское строительство», 1972, № 8.

М и к у л ь с к и й К. Научно-техническая революция в условиях экономического соревнования двух систем. «Коммунист», 1972, № 10.

М и т р е н г а Я. Развитие угольной промышленности ПНР. «Уголь», 1972, № 8.

М и ш е в В., Л у ц о в И. Георгий Димитров о социалистическом переустройстве сельского хозяйства. (К 90-летию со дня рождения Г. М. Димитрова.) Экономика Сов. Украины, 1972, № 6.

М о т о р и И. Эффективность международной специализации производства. План. хоз-во, 1972, № 9.

М р а з М. Аграрно-промышленный комплекс в ЧССР. Вестн. Моск. ун-та. Экономика, 1972, № 3.

Н а д ь Я., Г о д л е в с к и С. Основные итоги развития сельского хозяйства стран — членов СЭВ за период 1966—1970 гг. и в 1971 г. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1972.

Н а з а р к и н К. Комплексная программа интеграции и задачи Международного банка экономического сотрудничества. Междунар. жизнь, 1972, № 7.

Народное хозяйство стран — членов СЭВ в 1950—1970 гг. «Мировая экономика и международные отношения», 1972, № 8.

О л е й н и к И. П. Экономическое и научно-техническое сотрудничество СССР с другими социалистическими странами. Вопр. истории, 1972, № 8.

О л е й н и к И. П. Возрастание роли сотрудничества, экономической интеграции социалистических стран в развитии и совершенствовании производства. В кн. Экономическое сотрудничество, социалистическая интеграция и эффективность производства. М., 1972.

О л с ь н и к И. П. Рост производства и повышение его эффективности — главные направления экономического развития стран социализма на современном этапе. В кн. Экономическое сотрудничество, социалистическая интеграция и эффективность производства. М., 1972.

Орландич М. Сотрудничество СФРЮ со странами СЭВ. Эконом. газета, 1972, № 35.

Осипова О. П. Некоторые вопросы сотрудничества социалистических стран в области черной металлургии в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Научн. тр. Моск. инж.-эконом. ин-та, 1972, вып. 45.

Пекшев Ю. Социалистическая экономическая интеграция и национальные интересы. «Коммунист», 1972, № 11.

Поляченко Т. В. Проблемы экономического и научно-технического сотрудничества стран-членов СЭВ с Англией. Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1972, т. 310. Политэкономика, вып. 8.

Рашков Р. Сотрудничество — важнейший фактор сближения и выравнивания уровней экономического развития стран социализма. В кн. Экономическое сотрудничество, социалистическая интеграция и эффективность производства. М., 1972.

Рыбалкин В. Интеграция в машиностроении стран-членов СЭВ и взаимный обмен машинами и оборудованием. Научн. докл. высш. школы. Эконом. науки, 1972, № 8.

Рябов Г. Проблемы углубления комплексного производственно-технического сотрудничества между странами СЭВ. Научн. докл. высш. школы. Эконом. науки, 1972, № 4.

Савов М. Народная Республика Болгария: по пути совершенствования экономики. В кн. Международный ежегодник. Вып. 1971 г. М., 1971.

Сергеев В. П. Роль взаимной торговли в повышении эффективности производства. В кн. Экономическое сотрудничество, социалистическая интеграция и эффективность производства. М., 1972.

Симанин В. В. Сотрудничество стран — членов СЭВ в развитии химической промышленности. В кн. Экономическое сотрудничество, социалистическая интеграция и эффективность производства. М., 1972.

Соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1972, № 8.

Соколов А. Экономическая интеграция и благосостояние трудящихся. Рабочий класс и соврем. мир., 1972, № 4.

Тарновский О. Международный рынок СЭВ и социалистическая экономическая интеграция. План хоз-во, 1972, № 7.

Талалаев А. Н. Совершенствование правовых основ сотрудничества — необходимое условие успешного осуществления социалистической экономической интеграции. Вестн. Моск. ун-та. Право, 1972, № 7.

Троненко В. И. Роль сотрудничества со странами социализма и в развитии экономики Республики Куба. В кн.

Экономическое сотрудничество, социалистическая интеграция и эффективность производства. М., 1972.

Уланова Т. Братское сотрудничество стран социализма. «Коммунист Татарии», 1972, № 6.

Уманский Л. А. О методологии сопоставления уровней сельскохозяйственного производства стран — членов СЭВ. В кн. Вопросы статистики населения, народного благосостояния и сельскохозяйственной статистики. М., 1971.

Фаддеев Н. Проблемы социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. Рабочий класс и соврем. мир, 1972, № 4.

Хойка Я. Роль сотрудничества стран социализма в повышении технического уровня и эффективности сельскохозяйственного производства. В кн. Экономическое сотрудничество, социалистическая интеграция и эффективность производства. М., 1972.

Чорны И. Буржуазная теория «конвергенции» двух мировых систем — вынужденное признание экономических успехов стран социализма. В кн. Экономическое сотрудничество, социалистическая интеграция и эффективность производства. М., 1972.

Чукапов О. Совет Экономической Взаимопомощи: новый этап сотрудничества. В кн. Международный ежегодник. Вып. 1971 г. М., 1971.

Шевяков Ф. Н. Создание производственных объединений — важное средство повышения эффективности общественного производства и экономического сотрудничества стран — членов СЭВ. В кн. Экономическое сотрудничество, социалистическая интеграция и эффективность производства. М., 1972.

Шелков О. Передовой рубль — инструмент социалистической интеграции. Внешн. торговля, 1972, № 8.

Яничик Т. Польская кооперация перед новыми задачами. Сов. потреб. кооперация, 1972, № 7.

3. Партийная жизнь

Дыбколов С. Благосостояние народа — постоянная забота партии. «Под знаменем ленинизма», 1972, № 15.

Евтімов К. Георгій Димитров — будівник нової, соціалістичної Болгарії. Укр. іст. журн. 1972, № 6.

Корда с В. М. Борьба КПЧ за укрепление дружбы и сотрудничества ЧССР с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Вестн. Моск. ун-та. Теория научн. коммунизма, 1972, № 2.

Лавричев В. М. К критике методологических посылок ревизионистских принципов коммунистических партий. В кн. Проблемы партийного строительства. Материалы партийного стро-

ительства Матеріали научн. конференції Ін-та марксизма-ленінізму, Акад. обществ. наук АН СССР на тему «XXIV съезд КПСС и развитие марксистско-ленинской теории» 29 сентября — 1 октября 1971 г. М., 1972.

Топалска В. Мужественный, пламенный коммунист (К 90-летию со дня рождения Георгия Димитрова). «Коммунист Эстонии», 1972, № 6.

4. Государственное строительство и право

Бахрах Д. Н. Новые законы европейских социалистических стран об административных проступках, Уч. зап. Перм. ун-та, 1972, № 264. Государство, право, законность, вып. 3.

Мадараш Ю. М. Рядянська федерація — зразок державного будівництва

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Аблова Р. Георгий Димитров и антифашистское сопротивление в Болгарии. Вопр. истории, 1972, № 8.

Баженов Л. В. Репресії царизму проти польского населения Правобережной Украины в 30—40-х роках XIX ст. Укр. слов'янознавство, 1972, вип. 6.

Бейліс О. С. Болгарська марксистська історіографія про проблеми першого нагромадження капіталу в Болгарії. Укр. слов'янознавство, 1972, вип. 7.

Беньковский В. В. К вопросу о складывании революционной ситуации в Польше в период войны и гитлеровской оккупации. Весн. Беларус. ун-та Сер. історія, філософія, економіка, права, 1972, № 2.

Борис В. О. Деякі питання польско-українських відносин під час революції 1848 р. в Галичині. Укр. слов'янознавство, 1972, вип. 6.

Бурмака М. М. Преса чехословацького військового корпусу в СРСР. В кн. Шляхом «Правды». Зб. присвяч. 60-й річниці «Правды». Харків, 1972.

Бурмистенко О. Д. Роль Неруди — критика в розвитку чеського роману. Рад. літературознавство, 1972, № 7.

Белякевич І. І. Полковий комітет і солдати-більшовики — організатори революційної боротьби проти реакції у Белгородському польському запасному полку (травень — липень 1917 р.). Укр. слов'янознавство, 1972, вип. 6.

Василевский Т. Организация городской дружины и ее роль в формировании славянских государств. В кн. Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

Велянюк М. М., Польова Н. А. Інтернаціональна солідарність трудящихся СРСР з революційно-визвольною боротьбою народних мас

для країн народної демократії. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. сусп. наук, 1972, вип. 8.

Михеєнко М. Принципи соціалістичної законності, закріплені в новій Конституції НРБ. Рад. право, 1972, № 7.

Потарикіна П. Органи народного контролю ЧССР. Рад. право, 1972, № 6.

Северюгин А. Судустройство ЧССР. Сов. юстиция, 1972, № 4.

Трайков Г. Союз с коммунистами. Болгарский земледельческий народный союз и некоторые уроки истории. «Проблемы мира и социализма», Прага 1972, № 8.

Шпрингер М. Сейм на новом этапе. «Советы депутатов трудящихся», 1972, № 8.

Західної України (1922—1928 рр.). Вісн. Львівського ун-ту. Сер. сусп. наук, 1972, вип. 8.

Вчений і педагог. До 75-річчя Д. Л. Похилевича. Укр. слов'янознавство, 1972, вип. 6.

Ганевич В. Особливості класової боротьби в Болгарії в 1944—1948 рр. Укр. слов'янознавство, 1972, вип. 6.

Ганов Б. Георгий Димитров о воспитании борцов за новое общество. Сов. педагогика, 1972, № 8.

Гейштор А. Заметки о центральном управлении в славянских государствах в IX—XI вв. В кн. Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

Достяп И. С. Описание Черногории начала XIX в. в донесениях С. А. Санковского. В кн. Славяно-балканские исследования М., 1972.

Климовский Д. С. Эрнст Тельман об антипольской политике германского империализма. Весн. Беларус. ун-та Сер. історія, філософія, економіка, права, 1972, № 2.

Ковба Ж. М. Господарства чеських поселенців на Волині в кінці XIX — на початку XX ст. Укр. слов'янознавство, 1972, вип. 6.

Кондратьева В. Н. К истории крестьянских повстаний в Боснии и Герцеговине во второй половине XIX в. В кн. Славяно-балканские исследования. М., 1972.

Королук В. Д. Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы. В кн. Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

Кравченко В. В. Солідарність трудящих Радянської України З. Г. Димитровим під час Лейпцігського процесу. Укр. іст. журн., 1972, № 6.

Кравець М. М., Погородня Н. А. Боротьба Комуністичної пар-

тії Західної України за захист СРСР. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. ст. 1972, вип. 8.

К р у ч к е в и ч Г. С. З історії діяльності Польського бюро Правобережної України при ЦК КП(б)У в 1920 р. Укр. слов'янознавство, 1972, вип. 6.

К у п р и я н о в Г. Встречи с Георгием Димитровым. Рабочий класс и совр. мир, 1972, № 3.

К у р о ч к и н а О. Выдающийся интернационалист-ленинец. «Мировая экономика и международные отношения», 1972, № 7.

К у ч к и н В. А. Неизвестный рассказ Дьякона Симеона о Сербии начала XVIII в. В кн. Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

Л е щ и л о в с к а я И. И. Материалы к изучению хорватского вопроса в 1848 г. (Деятельность Хорватского сабора в 1848 г.) В кн. Славяно-балканские исследования. М., 1972.

Л и м о н о в Ю. А. Польский хронист Ян Длугош о России. В кн. Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

Л о в м я н с ь к и й Г. До питання про державу у студорян в X столітті. Укр. слов'янознавство, 1972, вип. 6.

Л о в м я н с ь к и й Г. Основные черты позднелешенного и раннегосударственного строя славян. В кн. Становление раннефеодалных славянских государств. Киев, 1972.

Л ю б и м с ь к и й Л. О. Допомога Радянського союзу в підготовці кадрів для авіації народного Війська Польського в 1943—1945 рр. Укр. слов'янознавство, 1972, вип. 6.

М а н ю к о в В. С. Бойові дії 1-ї армії Війська Польського в період січневого наступу, Червоної Армії (1945 р.) Укр. слов'янознавство, 1972, вип. 6.

М і р о ш н и ч е н к о І. М. Історичне значення Листопадової конференції 1944 р. Польської робітничої партії в створенні народного війська Польського і підготовці його до бойових дій. Укр. слов'янознавство, 1972, вип. 6.

Н а д о л ь с к и й А. Археологические источники о начальных этапах польской государственности. В кн. Становление раннефеодалных славянских государств. Киев, 1972.

Н а у м о в Е. П. Средневековые источники о развитии производительных сил на Балканах (Конец XIII — первая половина XIV в.) В кн. Славяно-балканские исследования. М., 1972.

Н а у м о в Е. П. К историографии законника Стефана Душана. В кн. Славяно-балканские исследования. М., 1972.

О в н а п я н С. В. Влияние апрельского восстания в Болгарии на национально-освободительное движение армянского народа. В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1962.

О з о л и н А. Зарождения і розвиток елементів національної самосвідомості в передрусицькій гусицькій Чехії. Укр. слов'янознавство, 1972, вип. 6.

О к е н к о М. Некоторые факты из истории философской подготовки чехословацкой контрреволюции 1968 г. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1972, № 3.

О с т о я - О в с я н ь и й И. Д. Мюнхен — путь к войне. В кн. Вторая мировая война и современность. М., 1972.

П е т е р с І. А. Чехословащина в вропейській політиці (1918—1960 рр.). В кн. З історії зарубіжних соціалістичних країн. Київ, 1971.

П е т р о в и ч Н. Сербия Воеводицы и национально-освободительная борьба против османского господства на Балканах в 60-х — начале 70-х годов XIX в. В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

П о в а л я е в В. П. К вопросу о развитии внешнеполитической концепции БРСДП (тесных социалистов) в дооктябрьский период (1903—1917 гг.) Уч. зап. Рязан. пед. ин-та, 1971, т. 112.

П о г л у б к о К. А. Революционные волнения среди болгар, обучавшихся в Николаевском пансионе (60—70-е годы XIX в.). В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

П о з і н а О. С. Про російсько-сербські дипломатичні відносини напередодні і під час боснійської кризи (1908—1909 рр.). Укр. іст. журн. Київ, 1972, № 5.

П о н о м а р е в Б. Н. Георгий Димитров в борьбе против фашизма в период второй мировой войны. Рабочий класс и совр. мир, 1972, № 2.

П о п к о в Б. С. Польские современники о роли Иоахима Лелевеля в Ноябрьском восстании 1830—1831 гг. В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

П о п л ы к о Д. Ф. О становлении социалистических взглядов В. Пелагича. (Васо Пелагич в Цюрихе). В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

П о п л ы к о Д. Ф. К вопросу о формировании социалистических взглядов В. Пелагича. В кн. Славяно-балканские исследования. М., 1972.

П о п л ы к о Д. Ф. Общественно-политические взгляды Васо Пелагича в 90-е годы XIX в. В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

П я с к о в с к и й Е. Металловедческие исследования древних железных предметов, найденных на польских землях. В кн. Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2. М., 1972.

Р а с п у т н і с Б. І., С т е б л и ч Б. А. Вплив утворення СРСР на рух

інтернаціональної солідарності трудящих Західної України. Вісн. Львівського ун-ту Сер. сусп. наук, 1972, вип. 8.

Р а т и ч М. О. З історії селянського руху в Західній Галичині в 1919 р. Укр. слов. янознавств, 1972, вип. 6.

Р о г о в А. И. Культурные связи восточных и западных славян в раннефеодальный период (Задачи предстоящих исследований). В кн. Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

Р о г о в А. И. Культурные связи Руси и Польши в XIV — начале XV в. Вестн. Моск. ун-та. История, 1972, № 4.

Р о г о в А. И. Ченстоховская икона богоматери как памятник византийско-русско-польских связей. В кн. Древнерусское искусство. М., 1972.

Р о м а н о в с к и й З. Программа партии — программа народа. Ко дню возрождения Польши. «Агитатор», 1972, № 12.

С а р б е й В. Сторінки великої спадщини. Праці Лелевеля як одне з джерел вивчення К. Марксом історії України. Наука і сусп-во, 1972, № 6.

С и д е л ь н и к о в С. И. Болгарская и советская историческая литература о русско-болгарских революционных связях и деятельности первого БРЦК (1869—1873 гг.). В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

С и р о т е н к о В. Т. Письменные свидетельства о булгарах IV—VII вв. в свете современных им исторических событий. В кн. Славяно-балканские исследования. М., 1972.

С м и р н о в Ю. И. Народная культура и этническая общность. В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

С м и р н о в а Н. Д. Вторая мировая война и агрессия Италии на Балканах. В кн. Вторая мировая война и современность. М., 1972.

С м о л я н с к и й В. Г. Возникновение братского содружества социалистических стран — важнейший результат победы над фашизмом. В кн. Вторая мировая война и современность. М., 1972.

С н и т и л З. К вопросу о значении Февраля 1948 года. Вопр. истории КПСС, 1972, № 5.

С т а н к е в и ч Е. Е. Развитие горно-металлургической промышленности в Силезии. (По данным «Генеральных статистических таблиц Силезии 1787 г.».) В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

С т е б л и й Ф. И. В. Подолинский — поборник единства украинского и польского освободительного движения в Галиции во время революции 1848 г. В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

С т е б л і й Ф. І. До питання про антикріпосницьку агітацію польських буржуазних демократів у Східній Гали-

чині в 30-х роках XIX ст. (Революційна пісня Ю. Горошкевича «Думка», літографована у 1837 р.). Укр. слов'язознавство, 1972, вип. 6.

С т р у к о в а К. Л. О характере развития европейских провинций Турции в первых трех четвертях XIX в. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

С у с л о в М. Выдающийся деятель мирового коммунистического движения. «Коммунист», 1972, № 9.

Т и щ е н к о В. М. Відгуки в СРСР на революційно-визвольному боротьбу трудящих Західної України (1929—1933 рр.). Вісн. Львівського ун-ту. Сер. іст., 1972, вип. 8.

Т р у с е в и ч С. М. Участие женщин Галиции в польском национально-освободительном движении конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Указатель рецензий, отзывов и заметок о сборниках «Славянский архив», «Славянское источниковедение», «Славянское возрождение» и «Источники и историография славянского средневековья». В кн. Славяно-балканские исследования. М., 1972.

У л у н я н А. А. О формировании болгарских чет в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Ф л о р я Б. Н. О текстах русско-польского перемирия 1591 г. В кн. Славяне и Россия, М., 1972.

Ф о м е н к о в а В. М. Нелегальная польская газета «Стражница» периода революционного движения 1861—1864 гг. как исторический источник. В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Ф р е й д з о н В. И. Материалы к историографии хорватского национального движения периода кризиса австрийской монархии. (Конец 50-х — начало 70-х годов XIX в.) В кн. Славяно-балканские исследования. М., 1972.

Ф р е й д з о н В. И., Ч у р к и н а И. Б. Исследования С. А. Никитина в области русско-славянских отношений в 50—70-х годах XIX в. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Х е в р о л и н а В. М. Об авторстве некоторых анонимных материалов русской революционной печати по славянскому вопросу (1875—1877 гг.). В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Х е в р о л и н а В. М. Революционное народничество и сербско-турецкая война 1876 г. В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Х и т р о в а Н. И. Позиция России и Австрии в связи с черногорско-турецкой войной 1852—1853 гг. В кн. Вопросы

первоначального накопления капитала и национального движения в славянских странах. М., 1972.

Хитрова Н. И. Реакция русской периодической печати на черногорско-турецкую войну 1862 г. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Хитрова Н. И. Россия и провозглашение Черногории княжеством (1852). В кн. Славяно-балканские исследования. М., 1972.

Хонігсман Я. С. Соціальна структура населення Галичини на початку ХХ ст. Укр. слов'язнавство, 1972, вип. 6.

Цесляк Э. Изменения в общественной структуре магистрата и суда Гданьска в XVIII в. В кн. Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Докл. ист. конференции. Тарту, 1972.

Цирульников Н. Г. Антифашистская борьба и движение Сопротивления в оккупированных странах Европы. В кн. Вторая мировая война и современность. М., 1972.

Черещин Л. В. К вопросу об иммунитете на Руси и у южных славян. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Чистозвонов А. Н. Общее и особенное в процессе генезиса капитализма в странах Центральной и Восточной Европы. (Постановка вопроса.) В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Чорций В. П. К вопросу о возникновении революционной ситуации в Болгарии в середине 70-х годов XIX в. В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Чуркина И. В. Два поколения словенских либералов и их отношение к России (50—70-е годы XIX в.). В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Чуркина И. В. Фран Левстик — вождь левого крыла младословенцев. В кн. Славяно-балканские исследования. М., 1972.

Шатохина Е. М. К вопросу о социально-экономическом положении и национально-освободительной борьбе болгарского народа в 60-е годы XIX в. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Шириня К. Георгий Димитров — выдающийся борец за мир. Рабочий класс и соврем. мир, 1972, № 3.

Шинкин В. А. К истории чехословацко-советских отношений (1920—1922 гг.). В кн. Проблемы истории международных отношений. Л., 1972.

Шушарин В. П. Этническая история Восточного Прикарпатья в IX—XII вв. В кн. Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

Юргинис Ю. Землевладение го-

рожан в феодальной Литве. В кн. Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Докл. ист. конференции, Тарту, 1972.

Ючас М. А. Литовская шляхта и царизм в XVIII в. (По материалам шляхетских сеймиков). В кн. Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

Якубский В. А. Когда в Польше начался процесс так называемого первоначального накопления? В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Якубский В. А. Количественные методы и аграрная история барщинно-крепостнической Польши. В кн. Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972.

2. Культура и наука

А. В. Памяті великого педагога. Укр. слов'язнавство, 1971, вип. 5.

Авкраторова М. И., Шепукова Н. М. Об архивах Словакии. Сов. архивы, 1972, № 3.

А. Г., В. М. Шостий семінар словенської мови, літератури і культури в Любляні (29 червня — 12 липня 1970 р.). Укр. слов'язнавство, 1971, вип. 5.

Айрапетян К. Г. Армяно-болгарские литературные связи в конце XIX и в начале XX века. Вестн. Ерев. ун-та. Обществ. науки, 1972, № 1.

Анджейчак Б. Из репертуара польских обрядовых песен. В кн. Славянский музыкальный фольклор. М., 1972.

Бар'яктарович М. Етнологія в Югославії. Нар. творчість та етнографія, 1972, № 3.

Башович Л. О некоторых мероприятиях по повышению уровня развития библиотечного дела в Боснии и Герцеговине. В кн. Библиотекведение и библиография за рубежом. Вып. 40. М., 1972.

Богданов М. Развитие марксистской эстетической и литературно-критической мысли в Сербии в 30-е годы. В кн. Формирование марксистской литературной критики в зарубежных славянских странах. М., 1972.

Богданов Ю. Словацкая марксистская критика в борьбе за новую концепцию национальной литературы (20—30-е годы). В кн. Формирование марксистской литературной критики в зарубежных славянских странах. М., 1972.

Буцко Ю. Витольд Лютославский. Заметки о технике инструментальной композиции. Сов. музыка, 1972, № 8.

Бэлза И. Ф. Век просвещения и процесс формирования музыкальной классики западнославянских народов. В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Б э л з а С. И. Святой гнев. (Словацкая антифашистская поэзия). В кн. Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы 1939—1945. М., 1972.

В о л о д и н Б. «Мое время еще придет» (150 лет со дня рождения Грегора Менделя). «Наука и религия», 1972, № 8.

В р у б л е в с к а я М. Музей Марии Склодовской-Кюри в Варшаве. В кн. Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2. М., 1972.

Г а в р е ц к и й Д., Р а д а В. Техническое оснащение, строительство и модернизация зданий библиотек в Чешской Социалистической Республике. В кн. Библиотековедение и библиография за рубежом. Вып. 40. М., 1972.

Г а к к е б у ш В. Публицистика й поезія на польській сцені. «Всесвіт», 1972, № 7.

Г е р б і л ь с ь к и й Г. Ю., М а т и с я к е в и ч З. М. Зв'язки Я. Головацького з чехами і словаками. Укр. слов'янознавство, 1971, вип. 5.

Г о р а л к о в а З. Из наблюдений над напевами баллад в Чехии и Моравии. В кн. Славянский музыкальный фольклор. М., 1972.

Г о р е ц ь к и й А. Відділ зарубіжних слов'янських літератур Інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка Академії наук УРСР. Укр. слов'янознавство, 1971, вип. 5.

Г о р ф а н К. Л. Всесоюзный симпозиум по планированию и управлению научными исследованиями и разработками (Москва, 31 мая — 2 июня 1972 г.). Изв. АН СССР. Сер. эконом., 1972, № 4.

Г р а б о в с к и й Л. Основные тенденции польской монументальной пластики. «Искусство», 1972, № 5.

Г у д о в щ и к о в а И. В., Л е б е д е в Д. В. Памяти Христо Йорданова Тренкова. Сов. библиогр., 1972, № 2.

Д е м б о в с к а М. Библиотека Польской академии наук в Варшаве как информационный центр по науковедению и протестике. В кн. Библиотековедение и библиография за рубежом. Сб., вып. 40, М., 1972.

Д и н е е в а С. А. Фрагменты из произведений Августина Сметаны. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1972, № 3.

Д у д е в с к и Х. Пушкин в Болгарии. Рус. лит., 1972, № 2.

Д у н ч е в А. Георгий Димитров об искусстве. «Театр», 1972, № 6.

Ж а к о в а Н. К., К ш и ц о в а Д. Лермонтов и чешская литература. Рус. лит., 1972, № 2.

З а з ю к и н а Т. Е. Позиция ССДП по национальному вопросу в период аннексии Боснии и Герцеговины. В кн. Славянобалканские исследования. М., 1972.

З а х а р ж е в с ь к а В. Радянсько-болгарський симпозіум (Москва, 10—12

апреля). Рад. літературознавство, 1972, № 7.

З е м ц о в с к и й И. Фольклор и современность. Сов. музыка, 1972, № 5.

З л ы д н е в В. Формирование и развитие марксистской литературной критики в Болгарии. В кн. Формирование марксистской литературной критики в зарубежных славянских странах. М., 1972.

З л ы д н е в В. И. «Мятежный гимн поют Балканы» (О литературе Сопротивления в Болгарии). В кн. Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы 1939—1945. М., 1972.

И с а е в а З. П. Проблемы польского города в публицистике Ф. Езерского. В кн. Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. Смоленск, 1972.

К а к а б а д з е И. Георгий Эристави и польская литература. «Мнатоби» (Светоч), Тбилиси, 1972, № 3.

К а л е н и ч е н к о П. М. Польські історії на Україні, радянські історії в Польщі. Укр. іст. журн., 1972, № 4.

К а р а н л ы к о в Л. О некоторых музыкальных особенностях шопской двухголосной песни. В кн. Славянский музыкальный фольклор. М., 1972.

К а р а с е в В. Г., Ф р е й д з о н В. И. Сотрудничество хорватского публициста Имбро-Ткалаца в «С.-Петербургских ведомостях» (1863—1865 гг.) В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

К а р и м о в К. Научные и культурные связи Узбекистана с социалистическими странами Европы. «Коммунист Узбекистана», 1972, № 5.

К а у ф м а н Н. Общие черты между болгарскими и восточнославянскими обрядовыми песнями. В кн. Славянский музыкальный фольклор. М., 1972.

К и н к у л ь к и н А., П о л т о р а к Д. На симпозиуме педагогов-историков. Напр. образование, 1972, № 7.

К о в а л е в с к и й З. Научно-исследовательский клуб Польской академии наук. В кн. Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2. М., 1972.

К о в а ч е в а - В ы л е в а Н. Снежно-синие вершины детства. О поэтическом творчестве для детей А. Разцветникова (1897—1951 гг.). Дет. лит. 1972, № 8.

К о з а к Ян. За социалистическую литературу, за нового человека. Иностран. лит., 1972, № 9.

К о л е с с а М. Ф. Сторінки з історії українськочеських музичних зв'язків. Укр. слов'янознавство, 1971, вип. 5.

К о п и с т я н с ь к а Н. Х., Г о ш о в с ь к и й В. Л. Листи Івана Ольбрахта 30-х років. Укр. слов'янознавство, 1971, вип. 5.

К о с т а к е в а М. Опера-баллада Любомира Пашкова. Сов. музыка, 1972, № 6.

К р і л ь К. А. До питання про зв'язки Наталії Кобринської з чеськими діячами

- культурн. Укр. слов'язнавство, 1971, вип. 5.
- Кулик В. П. Стефан Жеромський на Україні. Укр. слов'язнавство, 1971, вип. 5.
- Курбатова Е. С. Польский подпольный театр. В кн. Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы 1939—1945. М., 1972.
- Лапинська Т. В. В. І. Ленін і болгарська література (1918—1970 рр.). Укр. слов'язнавство, 1971, вип. 5.
- Левтонова О. Подлинно народная опера. Сов. музыка, М., 1972, № 6.
- Липецька М. М. З історії українсько-польських ідейних зв'язків революційно-демократичної естетики 80-х років ХІХ століття. «Етика і естетика», 1972, вип. 12.
- Липинский Э. Экономические работы Коперника. В кн. Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2. М., 1972.
- Ліпатникова Г. Ян Гус і студенти Празького університету. Укр. слов'язнавство, 1972, вип. 6.
- Мадоян А. Летопись армяно-польской дружбы. «Советская граканупон» (Сов. лит.), Ереван, 1972, № 1.
- Малецкий И. Двадцать пять лет развития истории науки и техники в Польской Народной Республике. В кн. Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2. М., 1972.
- Марков Д. Дорогие традиции. В кн. Формирование марксистской литературной критики в зарубежных славянских странах. М., 1972.
- Марковский М. Точные науки в Краковском университете в XV веке. В кн. Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2. М., 1972.
- Матвеева Г. В. Тематический план кооперированного комплектования Государственной библиотеки ЧСР. Обзор литературы. Информация о библиоде и библиогр. за рубежом, 1972, вип. 2.
- Маца И. Образы прошлых веков. «Творчество», 1972, № 4.
- Машкова А. Г. Драма К. Чапека «Мать» и пьеса Б. Брехта «Винтовки Тересы Каррар». Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1972, № 3.
- Мельничук Я. С. Историки на Восьмій Українській славистичній конференції Укр. слов'язнавство, 1972, вип. 6.
- Моторний В. А. До історії західноукраїнсько-словацьких літературних взаємин. Укр. слов'язнавство, 1971, вип. 5.
- Наркирьер Ф. С. Литература антифашистского Сопротивления. В кн. Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы 1939—1945. М., 1972.
- Наумов Е. П. Институту славяноведения и балканистики АН СССР — 25 лет. Нов. и новейшая история, 1972, № 4.
- Новейшие польские публикации по истории науки и техники. В кн. Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2. М., 1972 (Сост. Бабич Ю., Бернецкий А., Бжозовский С. и др.).
- Обретеннов А. К правде жизни (К 90-летию со дня рождения Георгия Димитрова). Иностран. лит., 1972, № 6.
- Огнев В. Живая память. Лит. газета, 1972, 16 авг. № 33.
- Окунь В. Образование в условиях научно-технической революции. Нар. образование, 1972, № 7.
- Ольшевская Б. О журнале «Квартальник истории науки и техники». В кн. Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2. М., 1972.
- Остоич Д. Некоторые мысли о социалистическом искусстве. «Искусство», 1972, № 5.
- Папич М. Народная библиотека Боснии и Герцеговины. В кн. Библиотековедение и библиография за рубежом, сб., вып. 40. М., 1972.
- Пасяр Ш. Роль библиотек в образовании и воспитании. В кн. Библиотеки как средство образования и просвещения. М., 1972.
- Пенчев Г. О некоторых особенностях социалистического реализма в болгарском историческом романе последних лет (Осознанный историзм и художественное воссоздание прошлого). В кн. Социально-эстетическая роль литературы и искусства. М., 1972.
- Петров Б. Н., Крошкин М. Г. Космическая физика и сотрудничество ученых социалистических стран. Вестн. АН СССР, 1972, № 4.
- Петров С. Верный ученик и исследователь Ленина. «Вопросы истории КПСС», 1972, № 7.
- Пиотровская А. Г. Польская литература «времени бурь». В кн. Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы 1939—1945. М., 1972.
- Пироговская В. П. Литература европейского антифашистского Сопротивления периода второй мировой войны в советском литературоведении и критике 1939—1970 гг. В кн. Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы 1939—1945. М., 1972.
- Подземская И. Пейзажи Яна Славичева. «Творчество», 1972, № 5.
- Полторак Д. И. Симпозиум педагогов-историков социалистических стран (Болгария, осень 1971). Нов. и новейшая история. М., 1972, № 3.
- Рихтман Ц. Традиционные формы речитативного исполнения эпических песен в Боснии и Герцеговине. В кн. Славянский музыкальный фольклор. М., 1972.
- Рогов А. И. Культурные связи Руси и Польши в XIV — начале XV в. Вестн. Моск. ун-та. История, 1972, № 4.

Рольбецкий В. Роль научных обществ в развитии польской науки. В кн. Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2. М., 1972.

Рузевич Е. Польско-советские контакты в области науки о земле (1919—1939). В кн. Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2., М., 1972.

Рябова Е. Становление марксистской критики в Словении в 20—30-е годы. В кн. Формирование марксистской литературной критики в зарубежных славянских странах. М., 1972.

Светлов И. Польская скульптура сегодня. «Творчество», 1972, № 6.

Сербинов С. М. Н. Валцаров і боротьба за соціалістичне мистецтво в Болгарії (30-і роки). Укр. слов'янознавство, 1971, вип. 5.

Советские редакторов философских и социологических журналов социалистических стран (Берлин, март 1972). Вопр. философии, 1972, № 6.

Сурняк Ф. Значение ленинских принципов культурной политики в социалистическом обществе. Проблемы науч. коммунизма, 1972, вып. 6.

Суходольский Б. О взаимоотношениях мировой и национальной науки (На примере Польши). В кн. Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2. М., 1972.

Сырцанова Р. К вопросу о диалектике национального и интернационального в литературе. В кн. Социально-эстетическая роль литературы и искусства. М., 1972.

Тихонов Н. Четыре встречи. «Знамя», 1972 г., № 6.

Тодоров Т. Современное состояние музыкального народного творчества Болгарии и проблемы болгарской фольклористики. В кн. Славянский музыкальный фольклор. М., 1972.

Тодорова Л. С. О формировании художественной интеллигенции в капиталистической Болгарии. «Проблемы науч. коммунизма», 1972, вып. 6.

Удальцова З. В., Осипова К. А. XIV Международный конгресс византистов (Бухарест, 2—12 сент. 1971 г.). Вопр. истории, 1972, № 4.

Унджиев И. Новые данные о жизни Христо Ботева. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Урзова Л. Плакаты Юзефа Мроцака. «Искусство», 1972, № 7.

Филипчикова Р. Л. Литература человеческого документа в Чехии. В кн. Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы 1939—1945. М., 1972.

Франковская-Терлецкая М., Стасевич-Ясюкова И. Работы по истории науки и техники в Польской Народной Республике. В кн. Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2. М., 1972.

Холодина З. К 15-летию польского журнала «Пшеглед Гуманистyczny». Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1972, № 3.

Хорев В. Польская марксистская литературная критика (20—30-е годы). В кн. Формирование марксистской литературной критики в зарубежных славянских странах. М., 1972.

Хороших Е. К идейно-художественному своеобразию характера в советской литературе 30-х годов (на материале романа Б. Ясенского «Человек меняет кожу»). Тр. Самарк. ун-та, 1972, вып. 200.

Цепков Б. Академик Тодор Павлов как публицист. Вестн. Ленингр. ун-та, 1972, № 8. История, яз., лит., вып. 2.

Черевка В. М. Журнал «ДАВ» и его место в литературном развитии Словакии 20—30-х годов. В кн. Социально-эстетическая роль литературы и искусства. М., 1972.

Чуркина И. В. Матица Словенская и русские славянофилы. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Щадилло Д. Непобедимый жанр. «Искусство кино», 1972, № 8.

Шевченко В. Н. IX Советские редакторов философских и социологических журналов социалистических стран (Берлин, 20—26 марта 1972 г.). Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1972, № 4.

Шерламова С. Формирование чешской марксистской критики. В кн. Формирование марксистской литературной критики в зарубежных славянских странах. М., 1972.

Эльшеква А. Об изучении ранних форм славянской народной музыки. В кн. Славянский музыкальный фольклор. М., 1972.

Ювалова Е. Искусство чешской и словацкой готики. «Художник», 1972, № 4.

Яковлева Н. В. Сражающаяся литература Югославии. В кн. Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы 1939—1945. М., 1972.

3. Языкознание

Андел В. П. Я. А. Коменский і чеська літературна мова. Укр. слов'янознавство, 1971, вип. 5.

Аскочешская В. Ф. Польская конструкция «тозна + инфинитив» и ее русские параллели. Сб. научн. работ аспирантов Воронежского ун-та, 1972, вып. 6.

Венедиктов Г. К. Из наблюдений над морфологией глагола в говорах Юго-Восточной Болгарии. В кн. Общеславянский лингвистический атлас. М., 1972.

Видова А. В. Советские по общеславянскому лингвистическому атласу в Черновцах (Черновцы, 25—29 июня

1971 г.). Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1972, т. 31, вып. 4.

Вялкина Л. В. Славянские названия месяцев. В кн. Общеславянский лингвистический атлас. М., 1972.

Гарибян Дж. А. О двух славянских фрагментах в собрании Матепадарана. Научн. тр. Ерев. пед. ин-та русского и иностр. языков, 1970, № 2.

Георгиев И. С. Структура и семантические особенности одной безличной конструкции в русском и болгарском языках. Научн. докл. выпш. школы. Филол. науки, 1972, № 3.

Гешко Е. В. Межвузовский научно-методический семинар преподавателей славянских языков и литератур (Ленинград, 28—30 сент. 1971 г.). Сов. славяноведение, 1972, № 4.

Гольцекер Ю. П. К вопросу о методах передачи идиоматических выражений в переводах с близкородственных языков (На материале переводов художественной прозы с польского языка на русский и с русского на польский). Тр. Самарк. ун-та. Вопр. фразеологии, 1971, № 4, вып. 217.

Гюлумянц К. М. Образное употребление названий животных в сравнениях и метафорах (На материале русского и польского языков). Тр. Самарк. ун-та. Вопр. фразеологии, 1971, № 4, вып. 217.

Железняк І. М. Ареальне вивчення слов'янських антропонімів з усиченим другим компонентом композита. «Мовознавство», Київ, 1972, № 2.

Кожина М. Н. О некоторых чехословацких работах последних лет по стилистике. Вопр. стилистики, Саратов, 1972, вып. 4.

Лаучюте Ю. Лексические балтизмы в славянских языках. Вопр. языкознания, 1972, № 3.

Лукина Г. Н. О слове *prsten* в славянских языках. В кн. Общеславянский лингвистический атлас. М., 1972.

Мудра И., Утешены С. К предварительным результатам обследования чешских говоров по вопроснику ОЛА. В кн. Общеславянский лингвистический атлас. М., 1972.

Невкловски Г. Фонологическое сопоставление дифтонгов в хорватских и словенских говорах в Австрии. В кн. Общеславянский лингвистический атлас. М., 1972.

Неподкупный А. П. К составу и географии литовских и белорусско-славянских соответствий (параллелей) русским префиксальным образованиям «Baltistica», Вильнюс, 1972, № 8.

Помяновская В. Соотношение предметно-семантических и формально-структурных элементов на материале дифференциации названий диких животных на южнославянских говорах. В кн. Общеславянский лингвистический атлас. М., 1972.

Ройзензон Л. И., Могилевский Р. И. О некоторых частных вопросах серболужицкого двуязычия. В кн. Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.

Сараджева Л. А. Армяно-славянские лексико-семантические параллели и их историко-лингвистическое значение. Ист.-филол. журн. Ереван, 1972, № 2.

Сараджева Л. А. Детерминативы в древнеармянском и старославянском языках. Вестн. обществ. наук АН АрмССР. 1972, № 2.

Силина В. Б. Словообразовательная структура глаголов с суффиксом *-ova-* в русском, украинском и польском языках (К сравнительному изучению славянского словообразования). В кн. Общеславянский лингвистический атлас. М., 1972.

Слаўскі Ф. Аб некаторых словах, уведзеных А. Міцкевічам у польскую літаратурную мову. В кн. Беларускае славянское мовознаўства. Мінск, 1972.

Судник Т. М. Из морфологических наблюдений над говорами литовско-славянского пограничья. Дательный падеж ед. числа а-основ в белорусском. «Baltistica», Вильнюс, 1972, № 8.

Талстой М. І. Rutheno-Serbica. В кн. Беларускае славянское мовознаўства. Мінск, 1972.

Трофимович К. К. Полівалентність верхньолужицької стандартної мови в період побудови соціалізму. Укр. слов'янознавство, 1971, вип. 5.

Урбанчич Б. Словенська мовна культура і новий словник словенської літературної мови. Укр. слов'янознавство, 1971, вип. 5.

Чумакова Ю. П. К вопросу о семантическом варьировании слова *krosna/krosno* у славян. В кн. Общеславянский лингвистический атлас. М., 1972.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Kwartalnik Historyczny», 1972, № 3

Д. Ляпис, Б. Ляпис. Бегины в Польше в XIII и XIV вв.; Р. Хоецкий. Патриотическая оппозиция во время сейма 1773 г.; А. Бергманова. Белорусский еженедельник «Наша Нива».

«Z pola walki», 1972, № 2

Я. Собчак. Итоги Ленинского юбилея; Е. Мысьлинский. Местная печать Союза польских патриотов в СССР; Х. Слабек. Члены крестьянских кружков ППР и ППС на возвращенных землях (по анкетным материалам).

«*Ceskoslovensky časopis historicky*», 1972, № 4

В. Пеша. Кинодокументы по освобождению Чехословакии 1944—1945; Н. Бэран. I и III классы Чешской академии наук и искусств 1891—1914 гг.; О. Кодолева. Использование наемной рабочей силы в сельскохозяйственном мелком производстве Чехии в конце XIX и в начале XX в.; О. Полишенски, Ф. Сныдер. Изменение в составе чешского дворянства в XVI и XVII в.; Г. Подрейхова. Современные направления в историографии США и общественная роль истории (II); Я. Цезар. Индия в политике Британской империи.

«*Slovanský přehled*», 1972, № 4

И. Кочи. Вацлав Фортунат Дурых; В. Бородавич. Ян Паларик и славянство; М. Шмерда. Попытка ориентации Чешских земель в направлении Адриана в первой половине XVIII в.; Л. Гавлик. Русская «Повесть временных лет» и так называемая моравская история славян.

«*Литературна мисъл*», 1972, № 3

Т. Живков. Беспенный национальный капитал; А. Обретенов. Раскрепощение культуры; З. Чоланов. Большой долг; Х. Йорданов. Штрихи духовного облика Г. Димитрова; А. Свиленов. Г. Димитров. Образ, который вдохновляет и обязывает; С. Гановский. Философско-методологические проблемы строительства развитого социалистического общества в Болгарии; И. Волен. Крестный отец; Ц. Атаанова. Характерологические черты национальной психологии в драме Страшимирова «Вампир»; К. Николов. О прототипе Василия Длинного — героя романа «Хоро»; Г. Цанев. Боян Пенев и его дневник; И. Радев. Боян Пенев — исследователь болгарской литературы эпохи Возрождения; Н. Георгиев. Наблюдения над поэтикой болгарской народной песни; С. Игов. Критический контекст в рецензии; А. Илиев. Асен Златаров.

«*Pamietnik literacki*», 1972, № 2

М. Выха. «Один среди людей» Бжозовского. Опыт интерпретации; Р. Стону. Лесьмян и второе поколение русских символистов; К. Яковска. «Соль земли» Витлина и экспрессионистская литература о войне; Г. Ольшовский. Языковые основы поэтики Тадеуша Ружевича; Е. Фарыно. О поэтическом языке; И. Клинер. Параллелизм в польских и русских свадебных песнях.

«*Slavia orientalis*», 1972, № 2

З. Дзежцярук. Польская драма и театр глазами Николая Полевого; С. Поремба. Формы повествования в ранней прозе Л. Сейфуллиной; Я. Орловский. Поэзия Николая Некрасова в Польше 1867—1887 гг.; А. Ковальчикова. Домбровская — переводчица Чехова (по письмам М. Домбровской); В. Витковский. Библиография послевоенных работ, посвященных русскому языку (до 1970 г.).

«*Česká literatura*», 1972, № 3

В. Мацура. К типологии «автостигматизации» в сборнике «Силезские песни»; Э. Олонова. Заметки по поводу словацкой лирической прозы; Ю. Дольанский. «Зарево ...» Линды и Р.К.З.; М. Копецкий. К вопросу об авторе Истории красноречия в Чехии; Э. Стегликова. Несколько замечаний по поводу чешских переводов комедий Плавта; М. Благинка. Доклад Незвала о чешской поэзии от Врхлицкого до поэтизма.

«*Slovenská literatúra*», 1972, № 4

Д. Ф. Марков. О формах художественного обобщения в социалистическом реализме; Ст. Шматлак. К типологии словацкого литературного реализма; З. Косач. От поэтизма к сюрреализму; П. Винцер. «Невиданный город» Рейсела и его соотношение с Аполлинером, сюрреализмом и Незвалом; С. Друг. Владимир Клементис; Ф. Мико. У источников современной теории литературного текста; Э. Боттянкова. «Эстетика» Гегеля в словацком переводе; И. Кусы. Мемуары в качестве жанра.

«*Български език*», 1971, № 6

Ф. Славский. Значение И. Вазова в истории болгарского литературного языка; Л. Ставрева. Лексические и фразеологические особенности исторических драм Вазова; С. Георгиев. Язык Г. С. Раковского как объект лингвистической науки; Й. Маринова. Неполные предложения в репликах диалога; Х. Георгиев. Вероятностное прогнозирование речевого поведения (Энтропия и редундантность); Б. Николов. Твердые и мягкие окончания в ранних произведениях Ивана Вазова; М. Завера. Несколько румынских слов в поэзии Ивана Вазова; М. Младенов. Румынские лексические элементы в произведениях Ивана Вазова «Немили-недраги» и «Хъшове»; Х. Станева. К вопросу об аббревиатурах в современном болгарском языке; Б. Симеонов. Новые данные о названии

Етрополе; Д. Михайлова. Происхождение и название болгарского глагола *изпрошеам*; Н. Яков. Тексты из с. Стрелча, р-н Панагюриште.

«*Език и литература*», 1972, № 4

Е. Метева. Историческая и художественная правда в романе Толстого «Война и мир»; Б. Николов. Физическая сущность и функциональная ценность акцента в болгарском литературном языке; М. Бочева. Проблема «идея — человек» в творчестве Достоевского; С. Стоянов. Сущность и толкование безглагольных указательных предложений в болгарском языке; Б. Лингорская. К вопросу о сопоставительном исследовании системы времен в славянских языках; К. Иванова. Археографические заметки из книгохранилищ Югославии; Р. Русев. Софийские рассказы Вазова; Ж. Эскенази. Роман Чернышевского «Что делать?» в Болгарии в 90-е годы XIX в.; С. Петрова. О частице *то* в современном болгарском языке.

«*Zeitschrift für Slawistik*», 1971, № 5

Р. Фишер, Г. Шлимперт. Дославянские имена в Бранденбурге; Ф. Хинце. Происхождение и написание фамилии *Yorck*; Г. Г. Билфельдт. Немец. *Preisselbeere* «*Vaccinium vitis-idaea*», его происхождение и история; Ф. Ливер. Тюринг. *Lipperzchen* «личичка»; Х. Енгельке. Об отношении парадигматических форм и морфологических вариантов фразеологических оборотов в русском языке; Ф. Хинце, А. Лаух. Орывки на кашубском языке в рукописи «*Ms. slav. Oct. 3*» Государственной библиотеки в Берлине и их оригиналы.

№ 6

К. Габка. Фердинанду Ливеру 75 лет; М. Енихен. О социалистическом реализме в романе «Гора стонов» М. Лалича; Г. М. Фридендер. Идеал и реальность в эстетике Достоевского; Ю. В. Манн. Романтика в раннем творчестве Достоевского; К. Штедке. Чертовское время и золотой век; Х. Шмидт. Отношение к Достоевскому в Германии в 20-е годы; Е. Рейснер. Тематика Дон Жуана в творчестве Леси Украинки; А. Г. Татаринцев. К вопросу об отношении А. Н. Радищева к немцам; Х. Флиге. Дружба Ленина с Горьким в освещении печати Германской коммунистической партии в годы Веймарской Республики.

1972, № 1

Г. Г. Билфельдт. Рудольф Фишер (18 XII 1910 — 1 VIII 1971); В. Д. Бондалетов. Русские собственные

имена, их состав, статистическая структура и особенности их изменения. Ф. Хинце. Имена *Scharmützel*, *Schermützel*, *Zermützel*, *Schermeisel* и их объяснения; Г. Шустер-Шевц. К этимологии верхнесербского модального слова *preča* «будто бы, как говорят»; К. Мюллер. Замечания к этимологии чешских слов; Р. Леч. Процессуальные формы пассива в современном верхнелужицком литературном языке (немодальный пассив); В. Фидлер. Грамматическая синонимия и омонимия, обусловленная интерференцией. (Образования перфекта в западномакедонских говорах); Р. Ницолова. К семантике местоимений. (Неопределенные местоимения в болгарском языке); Г. Штурм. Русские глаголы типа *слепнуть*, *прибыкнуть*; Б. Видера. К изучению древнерусской народности; Х. Порт. К истории полонистики в Берлинском университете.

№ 2

Г. Дудек. Концепция Леонида Леонина литературного творческого процесса; Г. Дювель. Литература ГДР — советская литература; Ю. А. Андреев. Изучение советской литературы в Германской Демократической Республике; К. Штедке. Наследие классического русского литературоведения (А. Н. Веселовский и А. А. Потебня); М. Симоля, Е. Рейснер. Новые материалы о первых откликах о творчестве Шевченко в Германии; Ф. Краузе. Немецкая государственная библиотека в Берлине и творчество И. С. Тургенева; Хр. Шульцте. Отношение И. С. Тургенева к венскому композитору Иозефу Дессауеру; Хр. Шульцте. Автографы И. С. Тургенева и Полины Виардо из собрания Макса Рейса (Цюрих); Э. Т. Хок. Незданное письмо И. С. Тургенева к Ф. Брукману (1871 г.); Л. Хайцлер. Встреча И. С. Тургенева с венгерским промышленником Иозефом Энгелем; Р. Лоев. Иоанн Гейнрих фон Буссе и его «Журнал о России» (1793—1796); В. Цейль. Значение литературного архива в музее чешской письменности в Праге для славистических и исторических исследований.

«*Język Polski*», 1972, № 3

В. Маньчак. Стаженные формы притяжательных местоимений; Х. Поповская-Таборская. Словарь Бартоломея из Быдгоща — обычная компиляция предшествовавших лексикальных собраний; И. Квилецкая. Словарь Бартоломея из Быдгоща найден; К. Писаркова. Сослагательное наклонение и давнопрошедшее время в современном польском языке (формы, функции); Я. Годынь. Заметки о краковском говоре в сочинениях Констан-

тина Крумловского; М. Насиньская я. Двухэлементные сочетания как ботанические и зоологические названия; Е. Денпухова. Польск. *pustelnik* на славянском фоне; Ю. Огородник. Происхождение слова *wykidaito*.

«Slavia», 1972, № 2

Л. С. Кишкин. Славянская тема в творчестве Алеша; О. Зилынский. Скоморохи и традиции народных игр и баллад; И. Новотна, М. Ромпортль. Заседание Международной комиссии по фонетике и фонологии славянских языков при МКС (Прага, 4—7 октября 1971 г.); М. Ромпортль. Перспективы сравнительной фонетики и фонологии славянских языков; Дискуссия по докладу М. Ромпортля; М. Карась. О польских *l*-согласных; И. Новотна. Акустическая сторона *l*-согласных в чешском и польском языках; Х. Фаска. К дистрибуции *l* в серболужицком языке; Дискуссия по докладам М. Караса, И. Новотной и Х. Фаски; И. Леков. Межморфемные и междусловные проявления корреляции звонкости — глухости в славянских языках; М. Ромпортль. Корреляция по звучности в чешском языке; Х. Фаска. Степень использования корреляции по звучности в языке и речи на материале серболужицкого языка; К. Горалека. Фонологические корреляции; Дискуссия по докладам И. Лекова, М. Ромпортля, Х. Фаски и К. Горалека; З. Штибер. О фонологических и исчезающих фонетических изменениях в современном польском языке; Дискуссия по докладу З. Штибера.

«Slovenska reč», 1972, № 3

И. Млацек. Виды инверсии в словацкой поэзии; М. Майтан. Территориальные названия типа словосочетаний; Э. Тврдонь. Об употреблении кавычек в беллетристике и периодической печати; Я. Сабол. К проблеме гласного *ä* в словацком литературном языке; Ю. Рыбак. Заметки об оппозиции слов *tuto* — *tuhl'a*, *tamto* — *tamhl'a*; Л. Двонч. Дериваты чешских местных названий на *ei*; В. Ухлап. *Podbiel* или *Podbiel'*? (Происхождение и звучание форм местного названия); Э. Йона. Антон Яношик (1904—1971); Л. Двонч. Список работ Антона Яношика за 1933—1971 гг.

№ 4

А. Краль. Исходные положения кодификации орфоэпии словацкого языка; М. Иванов-Шалингова. Основная классификация сложных типов языковых явлений; Я. Оравец. Занятая при однородных членах с соединительными союзами *aj, i, ani, alebo, ci*; Ю. Панько. Некоторые безличные типы предложений; М. Марсинова. Глагольные эквиваленты словосочетаниям с глаголами *hrat'* и *hrat'sa*; Ф. Кочиш. Доц. д-ру Яну Оравцу пятьдесят лет; Л. Двонч. Список работ Яна Оравца за 1951—1971 гг.

«Jezik in slovstvo», 1971—1972, № 3

Х. Ожеховская. Родительный падеж прилагательных и местоимений как формальный показатель; В. Брничч. «Ленора» Бюргера в переводе Прешерна и Жуковского; И. Топоршич. Учебные планы средних школ; Ф. Есеновац. Особенности словенского разговорного языка в Целле и окрестностях.

№ 4

А. Баец. О моей жизни и деятельности; Ф. Безлай. Отношения между словенской и славянской лексикой; В. Новак. Словенские языковеды и историки литературы из окраинной области Целле.

№ 5

Ф. Задравец. Литература периода национально-освободительной борьбы как вопрос периодизации; М. Орожен. Вопросы культуры словенского языка в истории нашего языкознания; Ф. Жагар. Упражнения по стилистике в начальной школе; Я. Дулар. О словенском газетном языке.

№ 6

Я. Чар. Баллада Косовела о дроздьяннике; А. Видович-Муха. Очерк двух основных форм системы литературного языка; Б. Орожен. Поучительная экскурсия в три долины.

«ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР» — НОВЫЙ ПРОЕКТ ЮНЕСКО

В соответствии с решением 16 сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО с начала 1971 г. был введен новый Проект ЮНЕСКО, посвященный изучению культуры славянских народов. Срок действия данного проекта рассчитан на шесть лет — до 1976 г. В течение этого времени ЮНЕСКО разными способами будет поддерживать и частично финансировать исследования в области культуры, литературы и искусства славянских народов, а также деятельность по популяризации славянской культуры среди других народов мира. К настоящему времени наибольшую активность в реализации Проекта изучения культуры славянских народов проявили польские коллеги. По их инициативе в Варшаве в сентябре 1972 г. была проведена международная конференция на тему «Гуманистическое и общественное значение славянских литератур». В конференции приняли участие ученые 21 страны; материалы ее будут опубликованы на польском, русском, французском и английском языках. Некоторые мероприятия по линии ЮНЕСКО в 1971 г. были проведены в Болгарии — конференция «Тырновская литературная школа» и симпозиум по древнеславянской музыке. ЮНЕСКО оказала также финансовую помощь в организации юбилей Леси Украинки в Киеве и в подготовке документального фильма народного танца в Копривштице (Болгария). По контракту с ЮНЕСКО осуществляется исследование «Связи между югославской и восточными культурами» (Д. Богданович). В других странах, в том числе и у нас, намечен ряд мероприятий общего и частного характера, хотя до настоящего времени мы неоправданно мало использовали действующий славянский Проект ЮНЕСКО.

В целях установления координации исследований в этой области и повышения активности научных коллективов разных стран по инициативе секретариата ЮНЕСКО было проведено 15—17 мая 1972 г. в Париже Консультативное совещание экспертов. В нем участвовали: К. П. Буслов (БССР), Г. Д. Вервес (УССР), В. И. Злыднев и А. М. Уша-

ков (СССР), Э. Георгиев (Болгария), С. Треугутт и Ю. Стажинский (Польша), С. Вольман (Чехословакия), М. Шамич (Югославия), Л. Робель (Франция). Кроме экспертов в совещании участвовали: заместитель генерального директора ЮНЕСКО Р. Хоггарт, директор департамента изучения и распространения культуры — А. Сейду, главный редактор журнала «Культура» — Т. Метро, президент Института славянских исследований Р. Порталь и сотрудник Института восточных языков в Париже — доктор Д. Богданович. Руководил совещанием представитель секретариата ЮНЕСКО, — В. А. Тюрин.

В ходе совещания были обсуждены темы исследований, предложенные ранее национальными комиссиями ЮНЕСКО, научно-исследовательскими центрами или непосредственно участниками встречи. На совещании была единодушно поддержана основная проблематика программы Проекта как краткосрочная, предусматривающая проведение мероприятий в 1973—1974 гг., так и долгосрочная с 1973 по 1976 г. При этом совещание сочло целесообразным включить в качестве основного мероприятия Проекта на ближайшие два года — организацию в Москве в 1974 г. международной конференции по комплексной проблеме «Славянские культуры и процесс формирования славянских наций (XVIII—XIX вв.)». Наряду с этой темой к числу первоочередных были отнесены также — «Взаимодействие славянских культур и их связи с Востоком и Западом (с XIX в.)», «Славянские культуры и развитие мировой культуры в XX в.» и «Современные проблемы славянских культур». Совещание рекомендовало начать разработку первых двух тем с 1972 г., а международную конференцию по связям провести в 1976 г. Разработку проблем славянских культур в XX в. предложено было начать с 1973 г. с подведением первых предварительных итогов в 1975 г. Изучение литературы и народного творчества славянских народов будет проводиться в рамках комплексных проблем культуры, а также самостоятельно. По этой проб-

леме, в частности, выделены темы: «Роль славянских литератур в развитии мировой литературы XX века» и «Эпическое творчество славянских народов».

Совещание одобрило и ряд более частных работ, которые будут осуществляться по Проекту славянских культур в ближайшие годы. Среди них следует отметить такие мероприятия:

1. Намечен выпуск научно-популярных очерков в серии «Великие деятели славянской культуры». На основании этого решения национальные комиссии представляют в Секретариат ЮНЕСКО осенью 1972 г. список деятелей славянской культуры (по одному от каждой страны), а в следующем году — тексты очерков (объемом в 4—5 авт. листов), с тем, чтобы с 1974 г. такие выпуски начали бы публиковаться на французском и английском языках.

2. На совещании было высказано пожелание о создании синтетической работы по истории славяноведения, используя при этом возможности Комиссии по истории славяноведения при Международном комитете славистов. Такая работа могла бы быть создана по контракту с ЮНЕСКО, и она содействовала бы развитию славяноведения как комплекса гуманитарных дисциплин.

3. Совещание одобрило предложение Секретариата о публикации альбомов по славянскому искусству, считая такую деятельность очень нужной и полезной в плане популяризации выдающихся памятников славянского искусства, ознакомления широкой общественности других стран с искусством славянских народов. Было предложено в первую очередь подготовить альбомы по темам: «Деревянное зодчество», «Народно-декоративное искусство», «Славянское барокко», закончив работу над этими альбомами соответственно — в 1974, 1975 и 1976 гг. Совещание просило национальные комиссии обсудить вопрос о темах альбомов и составе редколлегий, сообщить в Секретариат свои предложения к концу 1972 г. Совещание рекомендовало проф. Ю. Стажинского — директора Института искусства ПАН в Варшаве — в качестве координатора программы Проекта, связанной с изданием альбомов.

4. Совещание предложило коллективными усилиями подготовить сборник славянской лирики XIX в. и в 1975—1976 гг. издать его на английском и французском языках (с приложением звукозаписей оригинальных текстов), включить этот сборник в план изданий ЮНЕСКО, посвященный шедеврам мировой литературы. По завершении сборника представлялось бы целесообразным продолжить работу по изданию лучших произведений литературы и фольклора славянских народов. Учитывая трудности осуществления настоящего издания, участники совещания рекомендовали про-

вести международный коллоквиум, посвященный проблемам перевода славянских литератур.

5. На совещании было поддержано предложение Секретариата ЮНЕСКО о включении кино в программу Проекта. Были высказаны рекомендации об организации в рамках международных кинофестивалей в Москве и Карловых Варах симпозиумов по темам, связанным с ролью славянских литератур в мировой кинематографии. Была также одобрена идея организации в славянских и неславянских странах систематического показа фильмов славянской кинематографии и сопровождения их соответствующими лекциями. На совещании была выдвинута идея о создании документального кинофильма, посвященного славянской культуре.

6. Участники совещания высказались за целесообразность более широкого включения в программу изучения славянских культур вопросов искусствоведения, языкознания и др. Было высказано также мнение о необходимости анализа освещения вопросов славянской культуры в разных странах в учебных пособиях и справочных изданиях.

Большое место на совещании заняли вопросы, связанные с координацией деятельности научных центров по изучению культуры славянских народов в славянских и неславянских странах. Было признано целесообразным установить контакты с разными центрами и организациями, которые изучают культуру, литературу и искусство славянских народов — в том числе с творческими союзами, Международным комитетом славистов и др.

Участники совещания отмечают, что в настоящее время резко возросла необходимость в координации исследований и во взаимной информации в области изучения славянских культур. С этой целью были вынесены рекомендации, чтобы на первом этапе разработки Проекта Институт славистики в Париже взял на себя обязанность составления библиографии современной славистики, в сотрудничестве с другими центрами документации в славянских и неславянских странах.

Учитывая актуальность и неразработанность многих существующих проблем славянской культуры, и, в частности, их роли в развитии европейской и мировой культуры, участники совещания единодушно высказались за необходимость продления срока действия Проекта и после 1976 г. Все участники встреч согласились с тем, что развитию программы и дальнейшему исследованию узловых проблем славянских отношений могут способствовать исследовательские стипендии ЮНЕСКО, в особенности для работы в архивах.

Рассмотренные на совещании вопросы, разумеется, носят рекомендательный ха-

раक्टर для национальных комиссий. Над ними еще предстоит работа в каждой стране. Но нет сомнений в том, что реализация программы Проекта будет служить общим целям сплочения научных и культурных сил славянских и неславянских стран, улучшению исследований в этой области, пропаганде и популяризации достижений наших народов во всем мире.

В заключение можно сказать, что намеченная программа вполне реалистична, хотя для ее осуществления потребуются еще большие усилия со стороны национальных комиссий ЮНЕСКО, со стороны научно-исследовательских институтов, а также огромной армии славистов в славянских и неславянских странах.

В. Злыднев

О РАБОТЕ МЕЖИНСТИТУТСКОГО БАЛКАНСКОГО СЕМИНАРА

В Институте славяноведения и балканистики АН СССР начал работу постоянный межинститутский Балканский семинар. Организация этого научного мероприятия, необходимость которого назрела давно, преследует две основные цели: консолидацию разрозненных по отдельным учреждениям сил балканистов различных специальностей и осуществление комплексного подхода с точки зрения лингвистики, археологии, истории, этнографии и т. п. к разрешению насущных проблем балканистики различных периодов, в частности такого актуального вопроса, как этногенез балканских народов, включая южных славян.

23—24 мая 1972 г. в рамках Семинара был проведен I симпозиум по балканскому языкознанию, посвященный проблемам античной балканистики, несомненно являющимся фундаментальными для уяснения многих лингвистических и этногенетических процессов в балканском ареале и сопредельных районах.

На четырех заседаниях были подняты следующие проблемы: 1. Фракийский язык, с субстратным воздействием которого обычно связывают возникновение балканского языкового союза, и его ареальные черты в аспекте северной и юго-восточной периферии (фрако-балтийские и фрако-«апатоллийские» лингвистические связи); 2. Проблемы фригийских надписей и фригийского языка в целом; 3. Древнегреческий с микенским и реликтовые языки Балкан.

Указанная проблематика нашла отражение в девяти докладах и сообщениях:

И. М. Дьяконов. Место фригийского среди индоевропейских языков; *В. П. Нерознак.* Современное состояние изучения фригийского языка; *Л. А. Гиндин.* К реконструкции фракийского; *В. Н. Топоров.* К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры; *В. В. Шеворошкин.* К происхождению и взаимовлиянию алфавитов Балканского п-ова, островов Эгейского моря и Малой Азии; *И. А. Перельмутер.* Некоторые вопросы предистории древнегреческого глагола; *О. С. Широков.* Классификация древнегреческих диалектов и проблема древнебалканских изоглосс; *Влч. Вс. Иванов.* К происхождению микенского греческого *wa-na-ka*; *его же.* Проблема названия «зубра» в балканских, славянских и балтийских языках.

Изданные ротопринтным способом обширные «Предварительные материалы (Тезисы докладов, сообщения, аннотации)», полноту которых (57 стр. машинописи) следует всячески приветствовать, к сожалению, из-за крайне малого тиража (100 экз.) стали библиографической редкостью в первый же день заседаний.

Оргкомитет Семинара наметил провести II симпозиум в апреле — мае 1973 г. и посвятить его проблемам Карпато-дунайского региона как древнего, до-византийского, так и нового периода. Признано желательным поставить на этом симпозиуме, кроме лингвистических, доклады по археологии, истории и этнографии Карпато-дунайского региона.

Л. А. Гиндин

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

20—21 мая 1972 г. в Софии проходила конференция «Проблемы болгарской историографии после второй мировой войны», посвященная 90-летию Г. Димитрова и 70-й годовщине со дня основания Болгарского исторического общества. Она была организована Центральным советом Болгарского исторического общества. В ней приняло участие более 600 болгарских историков, а также ученые-болгаристы из Советского Союза,

Польши, Чехословакии, Румынии, ГДР, Венгрии, Югославии, Англии, США, Греции, Турции, Франции, Австрии, ФРГ.

На первом пленарном заседании были заслушаны доклад академика Ж. Натана «Георгий Димитров и болгарская историческая наука» и коллективный доклад группы болгарских историков (в подготовке доклада участвовали акад. Д. Косев, проф. Д. Ангелов, доц. Е. Бужашко,

проф. В. Великов, проф. Х. Гандев, ст. научн. сотр. М. Исусов, ст. научн. сотр. Б. Матеев, проф. Н. Тодоров, доц. А. Фол, ст. научн. сотр. К. Шарова) «Основные этапы болгарской исторической науки после второй мировой войны», зачитанный председателем Болгарского исторического общества академиком Д. Косевым.

Ж. Натан подчеркнул в своем докладе, что теоретическое наследие Г. Димитрова обогатило болгарскую историческую науку. Исследования и высказывания Г. Димитрова по многим проблемам современности, его выводы, касающиеся героической борьбы болгарского и международного пролетариата, характера народно-демократического государства, закономерностей перехода от капитализма к социализму и другие, играют большую роль в раскрытии существа событий всемирно-исторического значения.

Ж. Натан остановился также на важнейших публикациях произведений Г. Димитрова и исследованиях о его жизни и деятельности, показывающих роль этого выдающегося сына болгарского народа в развитии болгарского и международного рабочего движения, марксистско-ленинской мысли и болгарской исторической науки.

Выступивший вслед за тем директор Института славяноведения и балканистики АН СССР член-корреспондент АН СССР Д. Ф. Марков остановился на вопросах значения трудов Г. Димитрова для развития социалистической культуры Болгарии и роли его идейного наследия в формировании и воспитании нового человека, борца за коммунизм. Д. Косев подчеркнул, что историческая наука в Болгарии по своему характеру, целям и научно-исследовательским методам определилась как одна из фундаментальных общественных наук. На основе марксистско-ленинской методологии были раскрыты условия и факторы исторического развития болгарского народа, характер и особенности его культуры, освещены массовые народные движения против господствующих эксплуататорских классов, против византийского и османского владычества, выявлена роль выдающихся деятелей в культурной и политической жизни страны. История болгарского народа рассматривается в тесной связи с историей соседних народов. В исследованиях болгарских историков проводится принцип исторической объективности. Д. Косев указал, что историческая наука в Болгарии все более приобретает комплексный характер. Растет ее органическая связь и функциональное взаимодействие с филологией, экономической наукой, социологией. Налажены обширные международные контакты болгарских историков, особенно с историческими научно-исследовательскими центрами социалистических стран.

Авторы доклада постарались раскрыть основные тенденции развития болгарской исторической науки, указать на круг разрабатываемых проблем, основные концепции и выводы, сформулированные болгарскими учеными. В докладе дается периодизация болгарской исторической науки после победы революции 9 сентября 1944 г.: 1) с 1944 по 1948 г. — до первого национального совещания по истории и пятого съезда БКП; 2) с 1949 по 1955 г. — этап коренной методологической и структурной перестройки исторической науки; 3) с 1956 по 1964 г. — до второго национального совещания по истории и преодоления последствий культуры личности в исторической науке; 4) современный этап.

В заключение Д. Косев остановился на задачах болгарской исторической науки в формировании социалистического мировоззрения народа, в повышении его культурного уровня, воспитания его в духе патриотизма и интернационализма.

На заседаниях четырех секций конференции по отдельным проблемам болгарской историографии с древнейших времен до наших дней было заслушано 18 докладов и около 50 научных сообщений болгарских и иностранных ученых. В них были рассмотрены вопросы развития болгарской и зарубежной историографии по истории Болгарии после второй мировой войны.

На заключительном пленарном заседании представители четырнадцати стран — участников конференции выступили с докладами о состоянии и результатах историографических исследований по различным периодам истории Болгарии, проводимых в их странах. На этом заседании Д. Косев выступил с заключительным словом, в котором подвел итоги конференции.

Затем состоялась беседа за круглым столом, в которой участвовали представители Болгарского исторического общества, члены организационного комитета конференции и зарубежные ученые.

Члены советской делегации приняли активное участие в работе конференции.

В секции «Историография античности и средневековья» с сообщениями выступили старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР Г. Г. Литаврин («Славянские земли Византийской империи в болгарской историографии последнего десятилетия») и доцент исторического факультета Московского государственного университета Л. В. Горина («Восстание Ивайла в советской и болгарской историографии»).

В секции «Историография болгарского Возрождения» с сообщением «Советская и болгарская историография русско-болгарских революционных связей» 60—

70-х годов XIX века» выступил декан исторического факультета и заведующий кафедрой новой и новейшей истории Харьковского университета проф. С. И. Сидельников, а в секции «Историография новой и новейшей истории Болгарии» — старший научный сотрудник Института истории Украинской ССР П. С. Сохань («Советско-болгарское сотрудничество в советской историографии. 1945—1970 гг.»).

В своем выступлении на заключительном пленарном заседании конференции д-р ист. наук Л. Б. Валева осветил вопрос об исследовании проблем новейшей истории Болгарии в Советском Союзе.

Члены советской делегации приняли активное участие в прениях за круглым столом. В частности, глава делегации Д. Ф. Марков говорил о разных формах сотрудничества, о расширении той проблематики, которой занимаются болгаристы разных стран, и изучении не только внутренней истории Болгарии, но и исторических и культурных связей болгарского народа с другими народами.

Как сообщили организаторы конференции, ее материалы предполагается издать отдельным сборником. Работа конференции широко освещалась центральной болгарской печатью.

Л. Б. Валева

ЗАЩИТА ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ В ЛЕНИНГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

22 июня 1972 г. на заседании Ученого совета филологического факультета Ленинградского университета состоялась защита докторской диссертации старшим научным сотрудником Института славяноведения и балканистики АН СССР Н. И. Толстым на тему «Опыт семантического анализа славянской географической терминологии».

Докторская диссертация — итог многолетней научной деятельности Н. И. Толстого. Проблемы образования славянских национальных литературных языков и роль церковнославянского языка в их становлении, вопросы билингвизма и диалектных взаимосвязей, структурная типология словарного состава и праславянская фразеология, ономастика и лингвистическая география, балто-славянские контакты и южнославянский фольклор — вот лишь некоторые направления работ Н. И. Толстого. Подавляющее их большинство подчинено выявлению генетической и структурно-типологической общности славянских языков и вскрытию причин дифференциальных явлений, разрывающих эту общность. Этой задаче посвящено и диссертационное исследование Н. И. Толстого.

В диссертации рассматриваются вопросы сравнительной славянской семасиологии на материале географических терминов. В центре исследования — географические апеллятивы Полесья, собранные автором во время нескольких диалектологических экспедиций, организатором и руководителем которых был диссертант. Обильный полесский материал сопоставлен с географическими терминами других славянских диалектов, подчеркнутыми из всех доступных печатных лексикографических и лексикологических источников, а также из различных картотек, хранящихся в славянских странах. Анализ этого материала приводит Н. И. Толстого к выводу об относительном единстве основного фонда славянской географической терминологии и об-

щности семантических мутаций географических апеллятивов в разных зонах славянского языкового мира.

В процессе анализа конкретного лингвистического материала Н. И. Толстой разработал типологический метод конструирования микрополей, основанный на формально-генетическом тождестве лексем (включая и тождество составляющих их морфем).

Официальными оппонентами выступили д-ра филол. наук профессора Б. Л. Богородский, Л. С. Ковтуц, Н. А. Мещерский и д-р географ. наук проф. Э. М. Мурзаев.

Оппоненты охарактеризовали диссертацию Н. И. Толстого как фундаментальное и основополагающее для изучения истории славянской лексики исследование. Они отметили, в частности, особое значение разработанной в диссертации теории и методики описания типологии семантических микрополей, исключительную тщательность при систематизации огромного регионального материала и его семантической интерпретации, глубину и объективность теоретических обобщений.

Оппонентами был высказан ряд замечаний и пожеланий, например, о привлечении данных из исторических источников и расширении индоевропейского фона исследования (Б. Л. Богородский, Э. М. Мурзаев), о некотором преувеличении меры сходства литературных языков (Л. С. Ковтуц) и др.

Положительная оценка диссертации дана в поступивших в Ученый совет отзывах профессоров А. С. Мельничука, Ф. Т. Жилко (Институт языковедения им. А. А. Потебни Академии наук УССР), Ю. А. Карпенко (Одесский ун-т), А. В. Бондарко (Ленинградское отделение Института языковедения АН СССР), Г. Г. Мельниченко (Ярославский ун-т), д-ра филол. наук В. В. Мартынова (Институт языковедения им. Я. Коласа АН БССР), канд. филол. наук А. Я. Шайке-

вьяча (Московский институт иностранных языков им. М. Тореза).

Ученый совет филологического факультета Ленинградского университета пос-

тановил присвоить Н. И. Толстому ученую степень доктора филологических наук.

В. М. Мокленко

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

20 марта 1972 г. на рассмотрение членов Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР были представлены две диссертационные работы — М. И. Копашевой «Прогрессивное молодежное движение в Чехословакии (1918—1923 гг.)» и Б. Й. Желички «Социалистическое рабочее движение в Венгрии (1873—1890 гг.)».

Диссертация М. И. Копашевой представляет собой первое в советской и чехословацкой историографии исследование, специально посвященное истории зарождения и становления прогрессивного молодежного движения в Чехословакии, которое рассматривается автором как неразрывная часть пролетарской борьбы в период послевоенного революционного подъема и экономического кризиса.

Диссертанткой привлечен широкий круг источников, в том числе материалы советских и чехословацких архивов (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ЦГАОР, Государственного архива Закарпатской области, Центрального музея революции СССР, Государственного центрального архива в Праге и Государственного центрального архива Словакии, архива Института марксизма-ленинизма в Братиславе, архива канцелярии президента республики и др.). В работе широко использованы материалы съездов КПЧ, конгрессов Коммунистического Интернационала молодежи, материалы, связанные с деятельностью профсоюзов, различных молодежных и культурно-массовых организаций, официальные документальные издания: протоколы заседаний Национального собрания ЧСР, законодательные акты, статистические сборники, а также периодические издания КПЧ и Коммунистического союза молодежи Чехословакии, социал-демократическая рабочая и молодежная печать, периодические издания международных революционных организаций и советских молодежных организаций и т. д.

М. И. Копашева исследовала процесс идейного и организационного становления революционного молодежного движения в Чехословакии в 1918—1923 гг., показала взаимоотношения чехословацких молодежных организаций с КПЧ и Коммунистическим Интернационалом молодежи в тесной связи с возникновением и развитием революционного направления внутри социал-демократического движения, с формированием ее левого

крыла и созданием КПЧ. В диссертации показано, как, преодолевая трудности, стоявшие на пути развития прогрессивного молодежного движения, создавался, вел свою деятельность и участвовал в общем революционном процессе Коммунистический союз молодежи Чехословакии. Большой интерес представляют разделы, посвященные прогрессивному студенческому движению и антиимпериалистической борьбе молодежных организаций.

Официальные оппоненты д-р ист. наук И. Н. Мельникова и канд. ист. наук В. В. Марьина высоко оценили диссертационную работу М. И. Копашевой, охарактеризовав ее как обстоятельное исследование действительно важной и актуальной в научном и политическом отношении темы. Они отметили, что в диссертации дан всесторонний анализ внутренних и внешних условий, в которых формировалось прогрессивное движение чехословацкой молодежи, в том числе решающее значение победы Великой Октябрьской социалистической революции, оказавшей благотворное воздействие на революционизирование молодежного движения в Чехословакии. В качестве неофициальных оппонентов выступили М. Горанович и Б. М. Руколь. На диссертацию М. И. Копашевой были присланы два отзыва из Чехословакии — от Чехословацко-советского института в Праге и из Братиславы от члена-корреспондента Чехословацкой академии наук профессора М. Госиоровского, в которых также были отмечены актуальность и высокие научные достоинства диссертации.

Кандидатская диссертация Б. Й. Желички «Социалистическое рабочее движение в Венгрии (1873—1890 гг.)» посвящена исследованию становления и первых шагов социалистического рабочего движения в Венгрии, мало изученных как в СССР, так и в Венгрии.

В работе использован широкий круг источников: документы ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, Архива внешней политики России, в особенности посольства в Вене и Генерального консульства в Будапеште, Государственного архива Закарпатской области УССР. Часть архивных материалов Б. Й. Желички ввел в научный оборот впервые. Прежде всего это хранящиеся в фондах ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС письма деятелей венгерского рабочего движения Л. Фрапкеля и П. Энгельмана К. Марксу и Ф. Энгельсу. В государственном архиве Венгрии и Будапештском городском архиве диссертан-

том были обнаружены документы об интернациональных связях венгерских социалистов, о распространении социалистической литературы, о массовых выступлениях рабочих, о работе съездов рабочих партий и т. д.

В диссертации рассматриваются условия возникновения и развития социалистического рабочего движения в Венгрии, прослеживаются основные тенденции и особенности развития капитализма в стране в 70—80 гг. XIX в., рост основных отраслей промышленности, исследуются источники и пути формирования рабочего класса, история его борьбы за создание самостоятельной рабочей партии, деятельность первых рабочих организаций.

Официальные оппоненты д-р ист. наук М. И. Михайлов и канд. ист. наук Т. М. Исламов отметили значительную ценность исследования диссертанта. В центре работы — борьба сознательных элементов венгерского пролетариата за создание социалистической рабочей партии в период после разгрома первой социалистической организации рабочих

Венгрии «Всеобщего рабочего союза» до образования социал-демократической партии, борьба, проходившая в обстановке террора и преследований, а также внутреннего раскола и ожесточенной фракционной борьбы между различными течениями и группировками. Наряду с проблемами социалистического рабочего движения, борьбы за создание пролетарской партии, Б. И. Желицки обстоятельно анализирует экономическое развитие Венгрии в исследуемый период, процесс формирования венгерского рабочего класса. Диссертация Б. И. Желицки, как подчеркнул в своем выступлении М. И. Михайлов, «серьезное капитальное исследование по одной из важных, стержневых проблем истории социалистического рабочего движения в Венгрии».

Ученый совет института единогласно проголосовал за присуждение М. И. Копашевой и Б. И. Желицки ученой степени кандидата исторических наук.

Г. Еремеева

CONTENTS

- E. N. Andriushin.* Dimitar Blagoev on the dictatorship of the proletariat. *E. G. Lavrik.* The struggle of the Communist Party of Slovakia for the creation of the general union of the Slovak peasants 1945—1947. *Witold Jakóbczyk* (Poland). Prussian colonisation of the Polish lands and its inspirators (1886—1918). *L. V. Zaborovsky.* Russian diplomacy and the beginning of the first Northern War (January—October 1655). *L. A. Lelekov.* Towards a reconstruction of the Early Slavic mythological system. *P. A. Dmitriev.* Emphatic and extended attributive clauses in the Slavic languages 3

PEOPLE, EVENTS, FACTS

- F. A. Molok.* The correspondence of the Czechoslovak writers with the Union of Soviet writers at the end of the thirties 68

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

- M. M. Freidenberg.* The medieval city in the Croatian historical literature (1960—1970). *G. Matveev.* Z. Landau, J. Tomaszewski. Zarys Historii Gospodarzej Polski 1918—1939. *R. Grishina.* В. Д. Вознесенский. Цар Борис, Хитлер и легионеры. *L. N. Bolshakov.* G. S. Sapargaliev, V. A. Dyakov. Social and political activity of the exiled Poles in pre-revolutionary Kazakhstan. *E. Z. Tsybenko.* A new study of the Polish-Russian literary contacts in the XIX-th century. *S. B. Bernshtein.* Fran Ramovš. Zbrano delo. Prva knjiga. *B. Yu. Norman.* V. P. Pronichev. The syntax of appellation (on the Russian and Serbo-Croat material). 73

Bibliography

- The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1972 (continued). The contents of foreign periodicals 90

SCIENTIFIC LIFE

- V. Zlydnev.* «The study of the Slav cultures», a new UNESCO project. *L. A. Gindin.* On the work of the Inter-Institute Balkan Seminar. *L. B. Valev.* A Conference on Bulgarian historiography. *V. M. Mokienko.* The defense of a dissertation thesis in the Leningrad University. *G. Ereemeeva.* In the Institute of the Slavonic and Balkan Studies of the Academy of Sciences of the USSR 105

Технический редактор *Сенченко Т. Н.*

Сдано в набор 11/X-1972 г. Т-16938 Подписано к печати 15/XII-1972 г. Тираж 1210 экз.
 Зак. 1257 Формат бумаги 70×108/16 Усл. печ. л. 9,8 Бум. л. 3½ Уч.-изд. л. 11,0

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Готовится к печати книга:

Карасев В. Г. Сербский демократ Живоин Жуёвич. Публицистическая деятельность в России в 60-е годы XIX в. 20 л. 1 р. 50 к.

Книга рассказывает о русско-сербских революционных связях, о контактах Ж. Жуёвича с русскими революционерами и особенно с великим русским революционным демократом — Н. Г. Чернышевским. Впервые публикуется много новых сведений о сотрудничестве Жуёвича в журнале «Современник», газетах «Очерки», «С.-Петербургские ведомости», о влиянии Чернышевского на формирование взглядов и творческую деятельность сербского демократа.

Книга рассчитана на историков, филологов, философов, журналистов, а также на широкий круг студентов, аспирантов, учителей и преподавателей.

Для получения книги почтой заказы просим направлять по адресу:
МОСКВА, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; Душанбе, проспект Ленина, 95; Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; Киев, ул. Ленина, 42; Кишинев, ул. Пушкина, 31; Куйбышев, проспект Ленина, 2; Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; Ленинград, Менделеевская линия, 1; Ленинград, 9 линия, 16; Москва, ул. Горького, 8; Москва, ул. Вавилова, 55/7; Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Томск, наб. реки Ушайки, 18; Уфа, Коммунистическая ул., 49; Уфа, проспект Октября, 129; Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6.